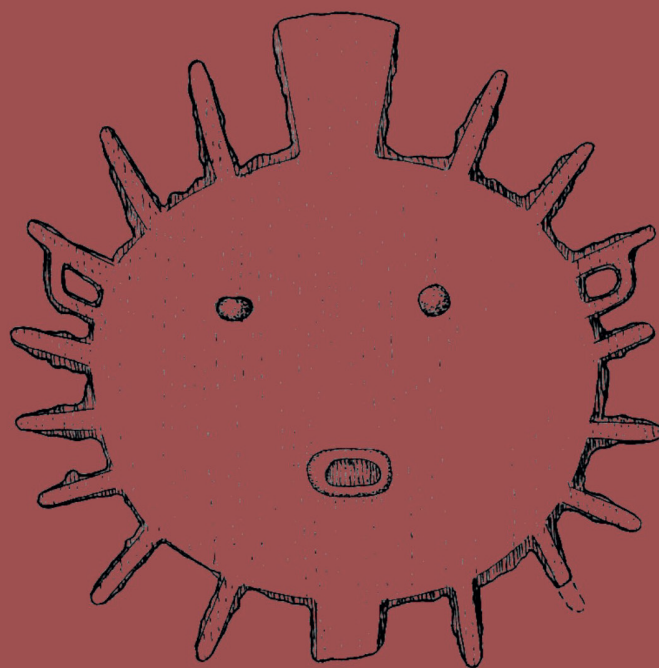

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VIII

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VIII

Ответственный редактор

П. В. Мандрыка

Красноярск
СФУ
2017

УДК 902(571.1/.5)
ББК 63.444(253)
Д730

Рецензенты:

А. В. Харинский, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Иркутского государственного технологического университета;

А. Л. Заика, кандидат исторических наук, доцент кафедры музееведения Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, заведующий Музеем археологии и этнографии КГПУ

Редакционная коллегия:

П. В. Мандрыка (отв. ред.), К. В. Бирюлева, П. О. Сенотрусова

Д730 **Древности Приенисейской Сибири** : сб. науч. тр. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – Вып. VIII. – 156 с.

ISBN 978-5-7638-3644-8

Представлены публикации по древней и средневековой истории Сибири и сопредельных территорий, приведены исследования по археологической историографии, реконструкции древних технологий, архитектуре и материальной культуре русского населения Приенисейского края, а также материалы полевых исследований.

Предназначен для археологов, историков, краеведов и интересующихся историческим прошлым народов Северной Азии.

УДК 902(571.1/.5)
ББК 63.444(253)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Мандрыка П. В., Сеноотрусова П. О., Бирюлева К. В. ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ СИБИРИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	5
Вдовин А. С., Макаров Н. П. КРАСНОЯРСКИЙ ПЕРИОД АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. М. СЕРГЕЕВА.....	18
Мандрыка П. В., Вдовенкова М. В., Максимович Л. А. КЕРАМИКА С ОТТИСКАМИ СЕТКИ-ПЛЕТЕНКИ КОМПЛЕКСА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV	27
Титова Ю. А., Титов Е. В. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ОТБОРА ИСХОДНОГО СЫРЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УДАЧНЫЙ-14	40
Леонтьев В. П., Гурулёв Д. А. КОМПЛЕКС МАТЕРИАЛОВ ВТОРОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2010 г.).....	45
Мандрыка П. В., Виноградов Д. А. ПОСЕЛЕНИЕ ЗЕЛЕНЬ ЛУГ I И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕТАГАРСКОГО ВРЕМЕНИ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	60
Колчин С. А. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ ЖЕЛЕЗНЫХ КИНЖАЛОВ ТАГАРСКОГО ВРЕМЕНИ.....	75
Серегин Н. Н. ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ	83
Худяков Ю. С. КОЛЛЕКЦИЯ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В СОБРАНИИ ОМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	96
Жарников З. Ю., Мыглан В. С. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ БОЛЬНИЧНОГО КОМПЛЕКСА В ЮЖНОЙ НАГОРНОЙ ЗОНЕ ЕНИСЕЙСКА	105
Бирюлева К. В., Титова Ю. А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ КОНЦА XIX – начала XX в. В КРАСНОЯРСКЕ.....	116

<i>Мандрыка П. В., Баташев М. С., Сеноотрсова П. О.</i> МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ НИЗОВЬЕВ АНГАРЫ (результаты двух археологических разведок)	128
<i>Мандрыка П. В., Сеноотрсова П. О., Титова Ю. А.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-ХІ	141
<i>Титова Ю. А., Бирюлева К. В., Мандрыка П. В.</i> СТОЯНКА УДАЧНЫЙ-14 В ОКРЕСТНОСТЯХ КРАСНОЯРСКА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ).....	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	154

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева

Сибирский федеральный университет, Красноярск
e-mail: pmandryka@yandex.ru, pollina1987@rambler.ru, ksy36ss@yandex.ru

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ СИБИРИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье приводится краткая история деятельности подразделения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, отметившего в 2016 г. свое двадцатилетие. Раскрываются этапы становления Лаборатории, основные результаты работы ее сотрудников, их достижения в образовательной и научной сферах. Приводятся хронология полевых исследований, а также перечень дипломных работ студентов, защищенных под руководством научных специалистов в разные годы.

Ключевые слова: археология, палеоэкология, Средняя Сибирь, Сибирский федеральный университет.

В 2016 г. Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института отметила двадцатилетие своей научной деятельности, что потребовало представить краткую историю становления этого научно-учебного подразделения и подведение некоторых промежуточных результатов деятельности ее сотрудников.

Лаборатория была открыта в 1996 г. по решению Ученого Совета в научно-исследовательской части Красноярского государственного университета, возглавляемой В. А. Сапожниковым. Ей присвоили название «Лаборатория археологии и этнографии». Сразу же состоялись экспедиции и проекты, проведенные совместно с Красноярским краеведческим музеем и Красноярским краевым Дворцом пионеров и школьников. Возглавил Лабораторию П. В. Мандрыка, защитивший в 1998 г. кандидатскую диссертацию по теме «Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея». В 1999 г. начинается работа со студентами исторического отделения факультета филологии и журналистики, развившегося к 2005 г. в исторический факультет. В 1999–2004 гг. курс археологии читался на биологическом фа-

культете университета, где выпускались биоэкологи и природопользователи.

С началом подготовки в университете специалистов-историков и палеогеографов Лаборатория получила свое дальнейшее развитие. Именно тогда была организована первая учебная полевая археологическая практика студентов историков и биологов. Регулярные разведки и экспедиции, камеральная и лабораторная обработка добытого материала привели к появлению заинтересованных студентов, специализирующихся на изучении археологии, палеоэкологии. Все это время Лаборатория базировалась в помещении Красноярского краевого Дворца пионеров и школьников. Внеурочная работа со студентами, обработка археологического материала и научная деятельность велись в рамках студенческой археологической секции и школьного кружка, с которым было связано основное место работы П. В. Мандрыки. В 2005 г. под Лабораторию был выделен кабинет на историческом факультете в Академгородке. В 2006 г. Красноярский государственный университет вошел в состав Сибирского федерального университета, и в 2008 г. Лаборатория стала подразделением Гуманитарного

института. Она была переименована в Лабораторию археологии, этнографии и истории Сибири. Постепенно увеличивался ее состав: в 2008 г. штатным сотрудником стала Ю. А. Титова, в 2009 г. – П. О. Сенотрусова, в 2011 г. – К. В. Бирюлева, в 2013 г. – А. В. Южакова, в 2014 г. – Л. А. Максимович (Пупаева), в 2015 г. – Д. А. Гурулёв, в 2016 г. – Д. А. Виноградов. С каждым годом также возрастал состав внештатных сотрудников и студентов, которые расширяли и углубляли направления научно-исследовательской деятельности. Особый вклад в развитие Лаборатории на разных этапах ее работы внесли Н. П. Макаров, М. С. Баташев, А. С. Вдовин, Л. В. Коваленко, С. М. Фокин, А. С. Терехов, И. А. Лысенко, Е. В. Голубева (Князева), П. В. Ишутина, М. В. Быкова, З. Ю. Жарников, М. В. Вдовенкова и др.

В работе Лаборатории на сегодняшний день существуют несколько приоритетных направлений, наиболее важное – образовательная и научная деятельность, неотъемлемой частью которой является проведение полевых археологических работ.

Образовательная деятельность проводится со студентами Сибирского федерального университета. В разные годы сотрудниками Лаборатории читались и читаются курсы «Археология», «Охрана памятников истории и культуры», «История первобытного общества», «Вспомогательные исторические дисциплины». Конечно, базовым для студентов-историков является курс «Археология», в ходе изучения которого формируются основные представления об археологической науке.

На первом курсе кроме лекционных и семинарских занятий студенты-историки изучают учебную археологическую практику, в рамках которой осуществляется их знакомство с методами полевых исследований, камеральной обработки материала, азов научной рабо-

ты. Именно в условиях экспедиции археология из сухой и зачастую непонятной науки о «камнях и черепках» становится живой и по-настоящему интересной дисциплиной [Мандрыка, 2009], что во многом обуславливает увлечение студентов этой многогранной наукой. Традиционно после практики приходит поток заинтересованных ребят, которые разрабатывают курсовые работы по археологической тематике. Самые увлеченные участвуют в полевых школах и студенческих конференциях, из которых наиболее статусной считается РАЭСК.

Закономерным итогом научно-исследовательской студенческой работы является подготовка и защита дипломных проектов. За период с 2004 по 2016 г. в рамках работы Лаборатории их написано двадцать семь. Тематика дипломов разнообразна и охватывает многие разделы сибирской археологии. В отдельные блоки выделяются работы по палеоэкологии голоценовых хронорядов Средней Сибири, истории археологической науки, памятникоохранительной деятельности, составлению археологических карт, изучению различных культурно-хронологических комплексов, древней керамики, проблемам древних производств и т. д. (см. прил.). Выпускники, заинтересованные в дальнейшей научной работе, смогли продолжить образование в аспирантурах Института археологии и этнографии СО РАН, Института археологии РАН, Института антропологии и этнографии РАН. Подготовленные молодые специалисты, освоившие за время учебы основные навыки археологической деятельности, востребованы на рынке труда, они работают в университете, музеях, проектных институтах, а также в государственных органах и частных компаниях, занимающихся сохранением археологического наследия.

Важнейшую часть научно-исследовательской деятельности Лаборатории,

естественно, составляют **полевые экспедиционные работы**. За 20 лет существования подразделения были проведены масштабные исследования в лесостепных и таежных районах Красноярского края на различных памятниках археологии.

В первые годы работы Лаборатории были продолжены научные исследования на памятниках таежной зоны Среднего Енисея, начатые П. В. Мандрыкой в 1987 г. [Мандрыка, 2006а]. В конце 90-х гг. продолжалось изучение многослойного поселения Бобровка, где работы велись с привлечением широкого круга специалистов естественно-научного профиля, что позволило получить разнообразную информацию о памятнике [Археология и палеоэкология..., 2003].

На долгие годы центром проведения полевых исследований стал район Казачинского порога, где было открыто 28 памятников археологии [Мандрыка, 2001а]. Микрорайон уникален размещением на одном пятикилометровом участке долины Енисея разнотипных объектов: могильников, городищ, селищ, стоянок, в том числе и многослойных, петроглифов и отдельных местонахождений археологического материала. Хронология объектов охватывает период от мезолита до русского времени. С короткими перерывами полевые работы здесь велись с 1987 до 2013 г., большинство из которых – под руководством П. В. Мандрыки: изучались петроглифы Островки III, комплекс Усть-Шилка II, городище Шилка II, металлургическая площадка Шилка VI, селища Шилка VIII, Шилка IX, Шилка X, Шилка XII, Шилка XIII, многослойные поселения Заостровка II, Шилка IX и стоянка Островки II [Мельникова, Николаев, Мандрыка, 2000; Мандрыка, 2001а; 2001б; 2003б; 2004; 2005; 2008б; 2008в; Абдулина, Мандрыка, 2007; Мандрыка, Жарников, 2008]. Наиболее масштабные работы были проведены на комплексе

Усть-Шилка II, где выявлен ряд погребений раннего железного века, раннего и развитого Средневековья, металлургические горны, а также 12 культурных слоев разновременных поселений [Геоархеологические исследования..., 2005]. Впоследствии изучение некоторых памятников было продолжено сотрудниками Лаборатории. На поселении Заостровка II в 2006 и 2007 гг. проводила раскопки Ю. А. Титова (Абдулина) [Мандрыка, Абдулина, Быкова, 2009]. В 2009 г. Е. В. Голубева (Князева) обследовала Нижнепорожинский комплекс археологических памятников. В 2013 г. К. В. Бирюлева составила тахеометрический план Нижнепорожинских стоянок и городища Подпорожное.

Отдельным районом исследований стал Монастырский комплекс археологических памятников, расположенный на левом берегу Енисея на участке от Академгородка г. Красноярска до ручья Собакина. В 1999 г. совместной экспедицией красноярских организаций КГУ, КГПУ, КККМ и Центра по охране памятников были изучены в ходе раскопок стоянки Сосны 1, 2 и 5. В 2001 г. стационарные работы проведены на группе памятников Полус. Получены материалы неолита, бронзы, раннего железного века, Средневековья [Мандрыка, Адамович, 2003; Мандрыка, 2003в, 2006а]. В 2011 г. П. В. Ишутиной уточнены границы отдельных памятников микрорайона и определен характер их культурных слоев. В 2014 г. раскопки под руководством Ю. А. Титовой были проведены на стоянке Удачный-14 в восточной части ансамбля на территории Успенского мужского монастыря. На площади около 2 тыс. м² изучены несколько поселенческих площадок неолита и бронзового века, найдены отдельные вещи средних веков, а также предметы и постройки монастыря и дачного поселка Нового и Новейшего времени [Титова, Бирюлева, 2016]. В следующем

году изучение памятника продолжалось К. В. Бирюлевой. В раскопе обнаружено погребение ребенка, относящееся предварительно к периоду позднего неолита – раннего бронзового века, а также материалы разновременных стоянок неолита, раннего железного века, «монастырского» слоя конца XIX – начала XX в.

С 1996 г. еще одним районом исследования становится Нижнее Приангарье. Здесь были проведены разведочные работы, выявившие новые памятники археологии как на берегах Ангары, так и в долинах ее притоков [Мандрыка, Сенотрусова, 2015а; Сенотрусова, 2013б; Сенотрусова, Мандрыка, 2015б]. Продолжалось изучение памятников Стрелковского археологического микрорайона [Мандрыка, Фокин, 2003; 2005а; 2005б]. В течение 2009–2011 гг. сотрудники Лаборатории составили костяк Проспихинского отряда Богучанской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН. За три года работ проведена сплошная разведка территории ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино, уточнены границы и характер распространения культурного слоя на каждом объекте. Спасательными раскопками изучен комплекс Проспихинская Шивера-IV, где было выделено три культурных слоя. В первом вскрыт могильник XI–XIV вв., включающий 89 погребений, выполненных по обряду кремации на стороне. Второй культурный слой содержал материалы раннего железного века – Средневековья, здесь зафиксированы погребения раннего железного века, железоплавильные площадки, кузнечная площадка и разнообразный поселенческий материал. В третьем культурном горизонте отмечены находки неолита – бронзового века, включая два клада каменных изделий [Мандрыка, Сенотрусова, 2010; Мандрыка, Сенотрусова, Бирюлева, 2011; Сенотрусова, 2013а; Вдовенкова, 2014]. Практически полностью было раскопано поселение

раннего Средневековья Проспихинская Шивера-I, где выявлены металлургические горны [Поселение Проспихинская Шивера-I..., 2012; Мандрыка, Бирюлева, 2012]. Небольшие раскопки проведены на стоянках Проспихинская Шивера-II, -VI, -IX, -XI и Проспихино-2. В общей сложности на ансамбле была вскрыта площадь 8 183 м² и найдено более 50 тыс. артефактов [Мандрыка, Сенотрусова, 2015б; Богучанская..., 2015, с. 91–104, 532].

В 2012 г. спасательным раскопом более 12 тыс. м² была изучена стоянка Итомиура, расположенная в тайге Нижнего Приангарья в среднем течении реки Муры – левого притока Ангары. Памятник содержал разновременные материалы от неолита до развитого Средневековья. Планиграфически удалось вычленить комплексы раннего Средневековья, хуннского времени, цэпаньской культуры раннего железного века, эпохи бронзы и раннего неолита [Мандрыка, Сенотрусова, 2014]. В 2013 г. совместно с КККМ проводились раскопки поселения-могильника на Скородумском Быке, где выявлены материалы бронзового века и шилкинской культуры [Пупаева, Фокин, 2015].

Значительный объем полевых работ был проведен в Енисейском районе, в окрестностях г. Лесосибирска. Здесь с 1996 г. разведочными работами П. В. Мандрыки, М. С. Баташева, А. С. Терехова, С. М. Фокина, Ю. А. Титовой, М. В. Быковой, Л. А. Максимович (Пупаевой) выявлено и осмотрено более 50 памятников археологии [Мандрыка, 2003а; 2006а]. Стационарно изучались городище XI–XIII вв. Лесосибирское-1, а также поселения Лесосибирское-2, Усть-Самоделка-2, Каменка и Дом Отдыха-3.

В 2011 г. под руководством Е. В. Голубевой (Князевой) в Иланском районе выполнялось обследование стоянок Нефтепровод-1, Нефтепровод -2, Рябчиков

Ключ-2, местонахождения Рябчиков Ключ-1, расположенных на правом берегу Кана. В 1914 и 1915 гг. работы в Канско-Рыбинской котловине были продолжены З. Ю. Жарниковым и П. В. Мандрыкой. Открыты местонахождения Заозерное, Краснополянское-2, стоянки Польша, Краснополянская-1, Зеленый Луг-1 и Зеленый Луг-2. Были начаты стационарные раскопки на поселениях Зеленый Луг-1 и Нефтепровод-2.

В процессе полевых изысканий ежегодно организовывались и проводились разведочные работы в разных районах края. Обследовались участки по долинам Енисея, Ангары, Подкаменной Тунгуски, Нижней Тунгуски, Хатанги, Кана, Бирюсы и Тасеевой. Поисковыми работами и мониторингом состояния объектов археологического наследия были охвачены все районы Приенисейской Сибири в пределах Красноярского края, от границ с Хакассией до берегов полуострова Таймыр [Mandryka, Senotrusova, 2009; Абдулина, 2005; Археологические исследования..., 2015; Бирюлева, 2015; Исследования..., 2011; Мандрыка, 1998а; 2010].

Направления научной деятельности. Проведенные полевые работы позволили получить массив принципиально новых материалов, существенно расширивших имеющиеся представления о древней и средневековой истории Приенисейской Сибири. В ходе исследований, проводимых сотрудниками Лаборатории, привлекаются специалисты смежных естественно-научных отраслей знания, что расширяет возможности использования археологических источников.

Так, палеоэкологические исследования проведены на материалах многих изучавшихся многослойных и однослойных поселениях, могильниках. Некоторые полученные результаты опубликованы [Археология..., 2003; Геоархеологические..., 2005; Phytolith..., 2011; Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014 и др.].

Впервые для археологии южной тайги Средней Сибири были выявлены и стационарно изучены городища, селища, многослойные поселения. Многослойные памятники содержат материалы широкого хронологического диапазона от раннего голоцена до эпохи Средневековья. Это позволило разработать локальные хронологические шкалы для микрорегионов, уточнить время бытования отдельных керамических и предметных комплексов [Археология и палеоэкология..., 2003; Мандрыка, 1998б, 2005].

Велась и ведется большая работа по изучению раскопками разновременных селищ, которые состоят из жилищ углубленного типа. Таким образом реконструированы их внешний облик, система хозяйствования древнего населения, представлена последовательность формирования древних поселков, выделены эталонные керамические комплексы. Получение таких материалов из разных локальных районов Среднего и Нижнего Енисея, низовьев Ангары позволяет провести их сравнительную характеристику, обозначить динамику изменений древних культур, способов хозяйствования древних людей [Phytolith Research..., 2011; Мандрыка, 2003а; 2003г; 2004; 2008а; Мандрыка, Жарников, 2008; Абдулина, Мандрыка, 2007].

Впервые для приенисейской тайги были выявлены городища раннего железного века и Средневековья, изучены их фортификационные сооружения и внутренние площадки. Комплексы городищ известны сейчас под Лесосибирском и Енисейском, в створе Казачинского порога, в долине р. Верхняя Подъемная [Мандрыка, 2003б; Мандрыка, Сенотрусова, 2007; Mandryka, Senotrusova, 2009; Smolin, Mandryka, 2011].

Кроме того, был исследован ряд погребальных комплексов. На Среднем Енисее – в створе Казачинского порога [Мандрыка, 2006а; 2006б, 2008б; Мандрыка, Фокин, 2005б], на Нижней

Ангаре – на комплексе Проспихинская Шивера-IV. Материалы проспихинско-шиверского некрополя позволили выявить особенности погребальной обрядности, проследить культурные связи средневекового населения Нижней Ангары, уточнить время бытования отдельных типов вещей. Также был исследован состав сплава изделий из цветного металла [Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014; Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2015а; 2015б; Сенотрусова, 2015]. Анализ погребальных и поселенческих комплексов позволил выделить лесосибирскую археологическую культуру развитого Средневековья, локализованную в южной тайге Средней Сибири [Сенотрусова, 2014].

Отдельным направлением работы Лаборатории стало изучение различных аспектов древних технологий. По материалам разновременных металлургических площадок были предложены схемы получения железа древними металлургами, рассматривались вопросы локализации рудных баз, кузнечных технологий, обсуждалась проблема появления черного металла в тайге Средней Сибири [Мандрыка, 2001б; 2012; Мандрыка, Сенотрусова, 2013; Senotrusova, Mandryka, 2015; Сенотрусова, Самородский, Мандрыка, 2016]. В этом контексте следует отметить исследования Е. В. Голубевой (Князевой), которой на основании функционально-трассологического анализа каменных орудий был выделен металлургический инструментарий и предложены этапы получения железа и его обработки [Князева, 2010; 2011]. В перспективе намечено расширение темы рассмотрением вопросов цветной металлургии.

Технология изготовления керамической посуды на основании историко-культурного подхода изучается Ю. А. Титовой, отдельное внимание в ее работах

уделяется вопросам рецептур формовочных масс, источников исходного сырья, формовки и орнаментации древней керамики [Титова, 2011; 2013]. Технологический аспект изучения каменных индустрий раннего голоцена – бронзового века затрагивается в работах Д. А. Гурулёва [2015; Гурулёв, Харевич, 2016].

В рамках Лаборатории ведется и издательская деятельность. С 2012 г. продолжено издание ежегодного сборника научных статей «Древности Приенисейской Сибири». В 2014 г. Сибирский федеральный университет принимал у себя участников LIV Региональной (X Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых [Mandryka, 2015; LIV Региональная..., 2014], к работе которой был выпущен сборник тезисов [Современные ..., 2014], а по итогу – ряд статей в серии «Гуманитарные науки» журнала Сибирского федерального университета [Journal..., 2015]. В 2016 г. к началу проведения VII Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» был выпущен одноименный двухтомник [Древние культуры..., 2016].

В целом тематика научно-исследовательской работы сотрудников Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института СФУ достаточно широка и охватывает периоды древней и средневековой истории Приенисейского края. Археологи университета вовлечены в систему российских и международных научных коммуникаций, проводят совместные исследования с коллегами из других регионов, всячески совершенствуя методы изучения и реконструкции дописьменной истории Приенисейской Сибири.

Список литературы

1. LIV Региональная (X Всероссийская с международным участием) археолого-этнографическая конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии» (Красноярск, 25–28 марта 2014 г.) / В. С. Мыглан, П. В. Мандрыка, А. В. Южакова, К. В. Бирюлева // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. – 2014. – № 2 (75). – С. 155–159.
2. Абдулина Ю. А. Новые археологические памятники на территории Больше-муртинского района Красноярского края // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: материалы I (XLV) Росс. с междунар. участием АиЭК студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. – С. 49–50.
3. Абдулина Ю. А., Мандрыка П. В. Новое поселение позднего бронзового века в южной тайге Среднего Енисея // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007 – Вып. 5. – С. 168–174.
4. Археологические исследования Сибирского федерального университета в Красноярском крае / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, Е. В. Князева, С. М. Фокин, П. В. Ишутина, М. В. Быкова, К. В. Бирюлева, Ю. А. Титова, Е. В. Титов. // Археологические открытия. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 686–690.
5. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – 138 с.
6. Бирюлева К. В. Археологические памятники долины реки Хаус в Казачинском районе Красноярского края // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 174–179.
7. Вдовенкова М. В. Клад неолитических предметов из поселения Проспихинская Шивера-IV // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 54–56.
8. Геоархеологические исследования раннеголоценовых слоев стоянки Усть-Шилка-2 на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, Е. В. Акимова, А. А. Ямских, Е. А. Томилова, И. В. Стасюк, Л. А. Орлова // Изв. Лаборатории древних технологий. – Вып. 3. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 109–124.
9. Гурулёв Д. А. Каменные шлифованные ножи Северного Приангарья // Международная полевая школа в Болгаре: сб. материалов итоговой конф. – Казань, Болгар: ИА РТ, 2015. – Вып. 2. – С. 118–125.
10. Гурулев Д. А., Харевич В. М. Заготовки с оббивкой утончения в каменных индустриях голоцена Северного Приангарья // Экология древних и традиционных обществ. – Вып. 5. – Ч. 2. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. – С. 34–38.
11. Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 348 с.
12. Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 336 с.
13. Исследования Сибирского федерального университета на территории Красноярского края / П. В. Мандрыка, П. В. Ишутина, Ю. А. Абдулина, П. О. Сенотрусова, Е. В. Князева, З. Ю. Жарников, С. М. Фокин // Археологические открытия 2008 года. – М.: Наука, 2011. – С. 457–460.

14. Князева Е. В. Экспериментально-трассологические исследования орудий эпохи металла // Историко-культурное наследие Азии: изучение, сохранение, интерпретация. – Новосибирск, 2010. – С. 43–55.
15. Князева Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. Вып. 5. Археология и этнография. – С. 108–116.
16. Мандрыка П. В. Поселение Ладейское-2 – новый памятник тагарской культуры в черте города Красноярска (к вопросу о времени существования тагарской культуры в красноярской лесостепи) // Сиб. межмузейный сб. – Красноярск: КККМ, 1998а. – С. 61–71.
17. Мандрыка П. В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1998б. – 24 с.
18. Мандрыка П. В. Микрорайон Казачинского порога: итоги и перспективы // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001а. – С. 73–75.
19. Мандрыка П. В. Производственная площадка по выплавке железа в подтайге Среднего Енисея // На стыке поколений. – Иркутск, 2001б. – С. 16–25.
20. Мандрыка П. В. Археологические памятники города Лесосибирска и его окрестностей // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003а. – Вып. 2. – С. 63–67.
21. Мандрыка П. В. Городище Шилка 2 – памятник железного века южной тайги Среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003б. – С. 32–52.
22. Мандрыка П. В. История изучения Монастырского комплекса археологических памятников // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003в. – С. 61–67.
23. Мандрыка П. В. Реконструкция жилищ железного века южной тайги Среднего Енисея // Забайкалье в геополитике России. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003г. – С. 79–81.
24. Мандрыка П. В. Жилище конца бронзового века селища Шилка-12 // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Ч. 1. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2004. – С. 115–121.
25. Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.
26. Мандрыка П. В. Итоги работ Красноярской среднеенисейской археологической экспедиции в 1987–2003 гг. // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. пед. ун-т, 2006а. – Вып. 2. – С. 159–170.
27. Мандрыка П. В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. пед. ун-т, 2006б. – Вып. 2. – С. 150–158.
28. Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008а. – Т. II. – С. 162–164.
29. Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вест. НГУ. Серия: История, филология. – 2008б. – Т. 7, вып. 3. Археология и этнография. – С. 117–131.

30. Мандрыка П. В. Селище Шилка VIII – памятник развитого бронзового века в Енисейском Приангарье // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008в. – С. 198–205.
31. Мандрыка П. В. Полевая археологическая практика студентов и аспирантов по изучению древностей енисейско-ангарской тайги // Полевые практики в системе высшего профессионального образования. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2009. – С. 43–46.
32. Мандрыка П. В. Новые материалы с Подкаменной Тунгуски // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 5. – Красноярск: «Литера-Принт», 2010. – С. 25–44.
33. Мандрыка П. В. О появлении железа в южной тайге среднего Енисея // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 400–411.
34. Мандрыка П. В., Абдулина Ю. А., Быкова М. В. Археологические исследования Сибирского федерального университета // Археологические открытия 2006 года. – М.: Наука, 2009. – С. 609–612.
35. Мандрыка П. В., Адамович В. А. Новый памятник карасукского времени в районе Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 68–73.
36. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 50–61.
37. Мандрыка П. В., Жарников З. Ю. Новое селище в енисейской тайге // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 92–100.
38. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Развитие фортификационных сооружений в южно-таежной зоне Средней Сибири и в Красноярской лесостепи в раннем железном веке и Средневековье // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 3. Археология и этнография. – С. 205–211.
39. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 550–554.
40. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Бирюлева К. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 432–436.
41. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Производственная металлургическая площадка стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – С. 214–220.
42. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 63–81.
43. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Археологические памятники в окрестностях поселка Красногорьевский в Богучанском районе Красноярского края // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015а. – Вып. VII. – С. 180–187.
44. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Позднесредневековое погребение стоянки Проспихинская Шивера-II на Ангаре // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015б. – С. 381–390.

45. Мандрыка П. В., Фокин С. М. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92–98.
46. Мандрыка П. В., Фокин С. М. Комплекс раннего железного века на поселении Стрелковское-2 на Ангаре и его место в древней истории Приенисейской тайги // Социогенез Северной Азии. – Ч. 1. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005а. – С. 134–139.
47. Мандрыка П. В., Фокин С. М. Погребение средневекового воина на северной периферии кочевого мира // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – С. 60–65
48. Мельникова Л. В., Николаев В. С., Мандрыка П. В. Петроглифы Казачинского порога на Енисее // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 69–70.
49. Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре / П. В. Мандрыка, Ю. А. Титова, Е. В. Князева, П. О. Сенотрусова // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 31–42.
50. Пупаева Л. А., Фокин С. М. Материалы бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 59–67.
51. Сенотрусова П. О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья периода развитого средневековья: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013а.
52. Сенотрусова П. О. Результаты разведочных работ в нижнем течении р. Муры // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013б. – Вып. VI. – С. 103–111.
53. Сенотрусова П. О. Проблемы культурной принадлежности средневековых памятников Северного Приангарья // Тр. IV (XX) Всеросс. археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. III. – С. 535–37.
54. Сенотрусова П. О. Северное Приангарье в начале II тыс. н. э. в системе межкультурных связей // IV Северный археологический конгресс: материалы. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2015. – С. 207–209.
55. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Итоги разведочных работ археологической экспедиции Сибирского федерального университета в Богучанском районе Красноярского края в 2007–2009 годах // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015б. – Вып. VII. – С. 188–204.
56. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Пошехонова О. Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера IV) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1 (24). – С. 103–114.
57. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Тишкин А. А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015а. – Т. 43, № 2. – С. 116–125.
58. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Тишкин А. А. Состав сплавов изделий из цветных металлов могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015б. – С. 125–129.

59. Сенотрусова П. О., Самородский П. Н., Мандрыка П. В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 5. – С. 136–147.
60. Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV регион. (X Всеросс. с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 130-летию открытия Афонтовой горы и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры, Красноярск, 25–28 марта 2014 г. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – 336 с.
61. Титова Ю. А. Специфика составления формовочных масс сосудов шепилевской культуры позднего бронзового века по материалам поселения Заостровка-2 // Вестн. КрасГАУ. – 2011. – № 12. – С. 252–256.
62. Титова Ю. А. Технологические аспекты изготовления валиковой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 86–89.
63. Титова Ю. А., Бирюлева К. В. Новые материалы неолита и бронзового века Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Т. 1. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2016. – С. 107–116.
64. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – 4 (8).
65. Mandryka P. V. Regional Archeological and Ethnographic Conference of Undergraduate and Postgraduate Students and Young Researchers in Krasnoyarsk // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – 4 (8). – P. 554–560.
66. Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Pakul Fort and Problem of Distinguishing of Ladeyskaya Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – 3 (2). – P. 349–360.
67. Phytolith Research of Shilka-12 and Zaostrovka-2 Archaeological Settlements on Middle Yenisey / P. V. Mandryka, A. V. Grenaderova, Ju. A. Titova, E. O. Lisyutina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – 8 (4). – P. 1088–1099.
68. Senotrusova P. O., Mandryka P. V.. Blacksmithing of the Lower Angara region population in the Middle Ages (on materials from Prospikhinskaya Shivera-IV complex) // Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia. – Vol. 1. – Abakan – Ehime: Ehime University Press, 2015. – P. 137–144.
69. Smolin A. A.; Mandryka P. V. The Technique of Virtual Archaeological Reconstructions on the Example of a Medieval Fort in the Yenisei Taiga // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – 3 (4). – P. 393–399.

LABORATORY OF ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND HISTORY OF SIBERIA IN THE SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

The article indicated the activities of subdivision of the Humanities Institute of Siberian Federal University, which celebrated in 2016 its twentieth anniversary. Bring the stages of Laboratories, as well as the main results of the work of its employees and their achievements in the educational and scientific fields. Show the chronological list of field research and a list of diploma works of students protected under the guidance of scientific experts in the all years.

Keywords: archeology, paleoecology, Central Siberia, Siberian Federal University.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список дипломных работ, защищенных под руководством сотрудников Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири в 2004–2016 гг.

1. Терехов А. С. Поселения раннего железного века южнотаежной зоны Среднего Енисея. 2004.
2. Лысенко И. А. Погребальные комплексы эпохи неолита – бронзового века Красноярской лесостепи. 2004.
3. Абдулина Ю. А. Культура неолита Среднего Енисея зоны южной тайги (на примере комплекса Усть-Шилка II). 2005.
4. Маркелова М. С. Объекты исторического наследия на территории г. Красноярска. 2006.
5. Бабелюк Ю. Н. Красноярский вариант тагарской культуры. 2007.
6. Жарников З. Ю. Культура предскифского времени на территории Енисейского Приангарья (по материалам селища Шилка XII). 2007.
7. Быкова М. В. Мезолит Средней Сибири (на примере комплекса Усть-Шилка II). 2007.
8. Князева Е. В. История и хронология культуры эпохи раннего голоцена на Среднем Енисее. 2008.
9. Данилейко В. А. История этнографического изучения бассейна реки Подкаменная Тунгуска (по архивам Красноярского краевого краеведческого музея). 2008.
10. Григорьева Т. А. Роль бобра в истории древнего человека по материалам Казачинского археологического комплекса. 2008.
11. Сенотрусова П. О. Нижнее Приангарье в средние века (по материалам поселенческих комплексов). 2009.
12. Якименко А. И. Охрана объектов в г. Красноярске в 1920–1930 гг. 2009.
13. Ярославцева Н. П. Совершенствование памятникоохранительной деятельности в России (1965–2008 годы). 2009.
14. Гагаркин К. С. Памятник истории «Станция Сидельниково» Северной железной дороги Салехард – Игарка. 2009.
15. Пономарева Н. В. Музей-заповедник «Шушенское» как форма сохранения историко-культурного наследия. 2009.
16. Зайцева Т. С. Сравнительная характеристика памятников скифского времени Тувы – Аржан и Хайыракан. 2009.

17. Ишутина П. В. История археологического изучения города Красноярска и его окрестностей. 2010.
18. Бирюлева К. В. Средневековая керамика поселения Проспихинская Шивера-IV как источник по истории изучения народов Северного Приангарья. 2010.
19. Виноградов Д. А. История Северного Приангарья в раннем железном веке (по материалам комплекса Проспихинская Шивера-IV). 2011.
20. Субботина Е. В. Свидетельства о тунгусском населении Центральной Сибири. 2011.
21. Кондратов Н. М. Железоплавильные горны в истории средневекового населения Ангары (по материалам памятника Проспихинская Шивера-IV). 2011.
22. Толкацкий А. Н. Канско-Рыбинская котловина в средние века (по археологическим данным). 2011.
23. Южакова А. В. Проблемы изучения погребений, выполненных по обряду кремации в Сибири (по материалам Северного Приангарья). 2012.
24. Южакова А. В. Антропологические материалы позднесредневекового населения Среднего Прииртышья (на примере могильника Четлярово 27). 2014. Магистерская диссертация.
25. Малахова М. А. Роговые изделия как исторический источник (на примере материалов памятника Проспихинская Шивера-IV). 2014.
26. Вдовенкова М. В. Древняя история Средней Сибири по данным неолитических комплексов с сетчатой керамикой. 2016.
27. Саковцева Д. А. Древняя история Красноярской лесостепи на материалах Моностырского археологического комплекса (в трудах российских исследователей). 2016.

А. С. Вдовин¹, Н. П. Макаров²

¹Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Красноярск

e-mail: vdovin2002@bk.ru

²Красноярский краевой Краеведческий музей, Красноярск

e-mail: mnp@kkkm.ru

КРАСНОЯРСКИЙ ПЕРИОД АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. М. СЕРГЕЕВА

В статье рассматривается начальный период археологической деятельности С. М. Сергеева. Даны биографические сведения и основные вехи жизнедеятельности. На основе малоизвестных архивных материалов и музейных коллекций приведен обзор археологических исследований С. М. Сергеева в окрестностях Красноярска и на юге Енисейской губернии. Среди открытий начинающего ученого: палеолитическая стоянка и погребения раннего железного века у Переселенческого пункта, разведочные работы в зоне строительства железной дороги Ачинск – Минусинск, неолитические погребения у речки Шилки Забайкальской области и реки Базаихи близ Красноярска.

Приведенные в приложении документы свидетельствуют о постоянной переписке С. М. Сергеева с Московским археологическим обществом, ведущими археологами России. При этом исследователь обращает внимание центра на угрозу утраты памятников археологии в результате масштабных новостроек.

Опубликованное личное дело С. М. Сергеева указывает на постоянное повышение образовательного уровня от скромных трех классов духовного училища до специального археологического образования в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда.

Ключевые слова: С. М. Сергеев, история археологии, Красноярский музей, Средний Енисей.

Имя Сергея Михайловича Сергеева (1879–1947) хорошо известно в истории сибирской археологии. При этом красноярский период жизнедеятельности исследователя остается пока еще явно недостаточно освещенным [Макаров, 1989, с. 14–15; Кунгуров, 1992, с. 177–184; Вдовин, Кузминых, 2006, с. 168–174].

С. М. Сергеев родился 4 июня 1879 г. в Варшаве. За участие в антиправительственных выступлениях отчим С. М. Сергеева был выслан на поселение в Красноярск, где вскоре умер. Отправившаяся за ним в изгнание семья оказалась в трудном положении. Юный Сергей смог закончить только три класса духовного училища в Красноярске, где обучение было бесплатным. В 1895 г. он поступил на строительство Средне-Сибирской железной дороги. Работал переписчиком, конторщиком, начальником станции Кара-Чокот, затем в 1904 г. откомандирован на Забайкальскую же-

лезную дорогу, где работал до 1908 г. С этого года он переходит на работу в Министерство земледелия, работая в переселенческих пунктах [Кунгуров, 1992, с. 178]. В должности зав. отделом переселенческого пункта в Красноярске С. М. Сергеев работает в 1910–1917 гг. По приезду в Красноярск С. М. Сергеев в первую очередь становится исследователем территории Переселенческого пункта. Здесь в 1894 г. В. В. Передольским были найдены неолитические погребения, а в 1896–1897 гг. французским археологом бароном Ж. де Баем обнаружены древнейшие орудия палеолитического облика [Передольский, 1896, с. 211; Ларичев, 1969, с. 60].

В 1910 г. С. М. Сергеев вступает в члены Красноярского подотдела Русского географического общества и начинает активное сотрудничество с Красноярским городским музеем. Совместно с его сотрудниками А. Н. Соболевым

и А. П. Ермолаевым были обследованы лесовые обнажения в различных пунктах Афонтовой горы, Военного городка, Кубеково по Енисею и собраны палеонтологические и археологические коллекции для музея. Кроме того, в музей им передаются зоологические и нумизматические коллекции [Двадцатипятилетие Красноярского..., 1915, с. 42].

В 1911 г. С. М. Сергеев планировал провести археологическую разведку на лодке от Минусинска до Красноярска, запрашивая в КОРГО открытый лист на эти работы [ГАКК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 52. Л. 48]. Тогда же ему удается обнаружить стоянку «Переселенческий пункт», где на шестиметровой глубине был вскрыт очаг из камней. Рядом с кострищем были найдены каменные и костяные орудия палеолитического облика, а также кости северного оленя, косули, зайца [Ларичев, 1969, с. 105–106].

В 1912 г. С. М. Сергеев передает в Красноярский музей каменные изображения рыбы и фалла из д. Бири Минусинского уезда [Двадцатипятилетие..., 1915, с. 42, 43].

В 1913 г. С. М. Сергеев получил от Иркутской губернской ученой архивной комиссии средства для проведения археологических исследований в Минусинском округе у д. Сухая Ерба и Биря [Дэвлет, 1976, с. 24; Вдовин, 1998]. В последующие годы С. М. Сергеев и сотрудники Красноярского музея проводят археологические разведки в южной и центральной частях Енисейской губернии. Эти работы вызывают особый интерес, поскольку они положили начало первым раскопкам и последующему изучению ныне хорошо известных памятников окуневской и андроновской культур бронзового века [Вадецкая, 1986, с. 38]. В 1914 г. С. М. Сергеев и А. Я. Тугаринов организуют разведочные работы в зоне строительства железной дороги Ачинск – Минусинск [Вдовин, Кузьминых, 2009, с. 24–37]. В ре-

зультате на местах земляных строительных работ была собрана значительная археологическая коллекция. В то же время приводимый ниже отчет исследователя показывает насколько сложной была обстановка для организации археологических работ в зоне строительства железной дороги. Не получив сразу открытый лист на раскопки, С. М. Сергеев с горечью констатировал, что грабительские раскопки любопытствующих как бы сегодня обозначили их – «черных археологов», стали обычным явлением для строителей железной дороги. В своем отчете С. М. Сергеев предлагает запретить несанкционированные раскопки курганов в полосе отчуждения, заблаговременно извещать ученых и власти о возможном уничтожении курганов. По его мнению, найденные предметы должны быть переданы в музей, а в район постройки должны быть командированы археологи для раскопок [Сергеев, 1914, с. 1–4; прил. 1].

В этом же году С. М. Сергеев приглашает И. Т. Савенкова, известного исследователя палеолита Енисея, осмотреть Переселенческий пункт и собранные за несколько лет каменные орудия из лёссов Афонтовой горы. Он хочет убедиться в палеолитическом возрасте находок, поскольку не решается отнести их к палеолиту [Ларичев, 1969, с. 106]. Сам И. Т. Савенков в 1914 г. получил средства на раскопки от Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, составив широкую программу исследования палеолитических поселений на Афонтовой горе в Красноярске. В результате проведенные раскопки дали сенсационные результаты, но стали последними в жизни И. Т. Савенкова [Вдовин, Макаров, 2014, с. 82–87]. Впоследствии, работая на Алтае, именно С. М. Сергеев оказался у истоков изучения палеолита этого региона. Так, «савенковская школа» оставила глубокий след в жизни исследователя.

Теперь исследования С. М. Сергеева получили известность в научных кругах, и в 1915 г. он становится действительным членом Московского археологического общества.

К 1915 г. восходит знакомство С. М. Сергеева с А. М. Тальгреном, который организовал экспедицию в Сибирь и провел раскопки курганов на территории Енисейской губернии. Работая с коллекциями в музеях Красноярска и Минусинска, А. М. Тальгрэн стремился наладить контакты с местными археологами, присылая им литературу имеющую отношение к сибирской археологии. В свою очередь, сибиряки знакомили Тальгрена с материалами своих раскопок [Вдовин, Кузьминых, 2006, с. 168–174].

После выхода в 1917 г. книги о коллекции Товостина А. М. Тальгрэн успел отправить ее – до разрыва почтовых сношений между Россией и Финляндией – своим русским коллегам и, прежде всего, тем, кто помогал ему советом и делом. Всем им, в том числе двум красноярцам С. М. Сергееву и Н. А. Пикулевичу, в книге выражена признательность и благодарность. В Красноярск были направлены два экземпляра книги: в музей КОРГО и С. М. Сергееву. К последнему книга дошла окольными путями: ее переслали из Красноярска в Петроград, где Сергей Михайлович работал в то время и параллельно учился в Петроградском археологическом институте [Вдовин, Кузьминых, 2006, с. 168–174].

С. М. Сергеев постоянно стремился к повышению своего образовательного и профессионального уровня. В 1916 г. он сдал экстерном экзамен за полный курс обучения в Красноярском реальном училище, 1917–1923 гг. получает археологическое образование в археологических институтах Петрограда, Москвы и Московском университете. В сорокалетнем возрасте, имея семью и двух детей, как отмечено в анкете при поступ-

лении в Московский археологический институт (прил. 2), он решает дальше заниматься археологией [ЦИА г. Москвы. Ф. 576. Оп. 1 Д. 3532. Л. 1].

В 1916 г. С. М. Сергеев совместно с фотографом Переселенческого пункта Н. А. Пикулевичем доставили в Красноярский музей несколько глиняных сосудов из разрушенного Енисеем погребения у с. Новосёлово [КККМ, кол. № 101]. Орнаментация сосудов оказалась удивительно близкой посуде из Андроновского могильника, раскопанного двумя годами ранее А. Я. Тугариновым. Эти материалы и другие находки позволили несколько лет спустя С. А. Теплоухову и Г. К. Мергарту отнести их к выделяемой ими андроновской культуре бронзового века [ГАКК. Ф. 795. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–6].

С. М. Сергеев пытался использовать любую возможность для получения новых данных об археологических памятниках на территории Енисейской губернии. Показательным является его письмо председателю Красноярского подотдела РГО Н. Н. Козьмину 1916 г., в котором он сетует, что поздно узнал о предстоящей сельскохозяйственной переписи. Он пишет: «Просил своих сотрудников по переписи спрашивать по деревням чудские вещи и если можно приобретут. Жаль, что нельзя было раньше узнать о переписи и [подготовить] программу для инструкторов – нашего переселенческого [пункта] членов, [чтобы] хотя бы выяснить типы курганов по наружным признакам и границы их распространения, имея ввиду, что перепись охватит всю губернию и все закоулки, и уголки ее, следовательно, инструктора изъезжают ее всю вдоль и поперек» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 66. Л. 189].

1917 г. принес новую удачу С. М. Сергееву. В урочище Бор у р. Базаихи им было раскопано еще одно древнее погребение, содержащее шейное украшение из зубов животных, костяных

пластинок и бусинок из раковин [Карцов, 1929, с. 6].

Продолжается исследование Перевозинской стоянки. В 1919 г. С. М. Сергеев раскапывает здесь два погребения, сопровождающиеся керамикой тагарской культуры. Тогда же в фонды Красноярского музея передана коллекция из 261 предмета со стоянок Минусинской котловины и Красноярского района. Разнообразные изделия из кости, камня, бронзы и железа датировались от эпохи неолита до Средневековья. Кроме того, в коллекции оказались и материалы двух неолитических погребений у речки Шилки Забайкальской области. В сопроводительном инвентаре: каменные наконечники стрел, костяные орудия с пазами, украшения из клыков кабана, нефритовые подвески и пастовые бусы [КККМ, кол. № 118].

Однако даже после отъезда из Красноярска С. М. Сергеев продолжает интересоваться енисейскими древностями и поддерживает связи с красноярцами. Уже обучаясь в Московском археологическом институте, он приезжает в Красноярск и выступает 20 января 1921 г. на заседании коллегии Красноярского музея с сообщением «О черепе *Pithecanthropus erectus* в связи с посмертными изменениями костей» [ГАКК. Ф. 795. Оп. 1. Д. 2в. Л. 5].

В 1920 г. в музей поступает «коллекция С. М. Сергеева (574 предмета), переданная С. М. Сергеевым и содержащая не только хорошо датированные отдельные находки, но и групповые, доставленные из произведенных раскопок.

К сожалению, нужно отметить, что не было возможности до сих пор получить хранящиеся в Москве протоколы этих раскопок. В 1921 г. «С. М. Сергеев передал музей дополнительные материалы к своим прежним сборам в Красноярском и Минусинском у.у., еще в прошлом году поступившим в музей. Предметы собраны на Базайской стоянке, на Переселенческом пункте, большая же часть (медь и железо) приобретена покупкой из находок в разных местах на юге губернии. Интересна большая киргизская орнаментированная ваза (реставрированная), найденная в д. Бири» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1045. Л. 34об].

С 1923 г., закончив МГУ, С. М. Сергеев предпринимает попытки вновь вернуться в Сибирь и заняться археологическими изысканиями. В 1925 г. он переехал в Новосибирск на работу в Управление уполномоченного наркомзема по Сибири. Там ему удалось обнаружить и описать два городища близ д. Курбес Новосибирского округа: «Паш-Тура» и «Крепость». В 1927 г. С. М. Сергеев получил приглашение на работу в Бийский краеведческий музей на должность директора [Кунгуров, 1992, с. 179].

Как видно из приведенного перечня работ, красноярский период археологической деятельности С. М. Сергеева был достаточно плодотворным, хотя и не отмечен специальными публикациями.

В связи с этим приводимые ниже архивные материалы дают нам дополнительную информацию о деятельности С. М. Сергеева в Красноярске.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Отчет о поездке члена Красноярского подотдела Императорского географического общества С. М. Сергеева в Ачинский уезд для археологических разведок в районе постройки дороги Ачинск – Минусинск в июне 1914 г.

4-го июня Красноярский Подотдел ИМПЕРАТОРСКОГО Географического Общества поручить меня выехать в г. Ачинск для осмотра кургана, обнаруженного при железнодорожных работах, на новостроящейся дороге, в окрестностях этого

города. [Получив от г. председателя Подотдела необходимые документы и аванс 5-го июня выехал в Ачинск – зачеркнуто А. В., Н. М.], куда я 5 июня и прибыл того же числа. От местной железнодорожной администрации мы узнали, что курган больших размеров, находится на второй версте дороги. Рабочие находили в нем большие горшки-урны. Начальник 1-го участка инженер Купецкий любезно предложил нам лично указать это интересное место. Курган расположен в полутора верстах на восток от города на левом берегу речки Тептятки, правого притока Чулыма. Уже первый беглый осмотр, обнаруженных земляными работами, боков кургана указал, что перед нами обыкновенный холм, сложенный из слоев светло-серого мелкозернистого песчаника, местами окрашенного окисями железа, с прослойками глинистого сланца. Находимые же урны – большая железистая конкреция – сфероидальной формой своей действительно напоминает древние сосуды. [Далее описание холма – А. В., Н. М.]<...>

Из Ачинска мы проехали далее держась, по возможности, направления строящейся дороги, где по полученным сведениям, в пределах второго участка обнаружены остатки стоянки и были находимы каменные фаллусы. Сообщение это было получено нами в виде слухов без приблизительного даже указания места. В с. Ужур резиденции второго участка, а также в попутных селах – резиденциях начальников дистанций несмотря на тщательные наши опросы, никто из железнодорожной администрации не мог указать нам этого места и вообще о подобных находках никому не известно. В Ужуре нам удалось узнать, что на 183 версте, около строящейся станции, найдены кости человека и животных пришлось констатировать [бесцеремонное – зачеркнуто – А. В., Н. М.] следующее можно сказать безразличное отношение железнодорожной администрации к памятникам древности. Насыпь одного из курганов вывозилась в полотно дороги. Средину кургана пройдена глубокой траншеей ниже дна погребений. Раскопки, как нами выяснено, были сделаны исключительно с целью простого любопытства. По техническим соображениям требовалось только спланировать площадь около станции т.е. снять насыпь кургана, но не углубляться и делать траншею, испортившую все три заключенные в нем погребения. Земля, конечно, не просеивалась, а вывозилась в насыпь. По словам начальника дистанции вещей не было найдено. Найденные кости и разбитые черепа из этого кургана, так равно и из обнаруженного работами грунтового погребения на 181 версте у тоннеля, были переданы по нашим просьбам для музея. Позже нам был передан подрядчиком г. Барским обломок какого-то предмета из красной меди /часть головной булавки/, найденный им в этом кургане. Обломок этот обточен напильником, очевидно с целью определения металла. В грунтовом погребении кроме костей человека /разбитых/ ничего не было. Кроме этого, нам были переданы, плохо сохранившиеся, плечевая кость носорога с 182 в. и б. берцовая кость лошади, найденная на почтенной глубине 3, 75 саж. На 181 версте. Оби эти кости были погребены в древней береговой террасе Чулыма выше нынешнего уровня реки на 5–6 сажней. Не располагая свободным временем и открытым листом от Археологической Комиссии, почему то задержавшим высылку такового, мы не имели возможности продолжить раскопки указанного кургана. Нам оставалось просить начальника дистанции не производить раскопки до моего следующего приезда, что нам было обещано.

На обратном пути, не доезжая с. Назарова нами, по указанию местного начальника дистанции, осмотрены курганы на 52 и 55 верстах и получен от него же череп (женский), найденный, в числе трех, при работах в выемке на 53 версте, пикет 529. По словам начальника дистанции, насыпи над погребением не было, кости залежали на глубине 0,50 саж, при скелетах было найдено три орнаментированных сосуда, из коих два были разбиты при выемке. Черепки и кости выброшены в насыпь. Целый

сосуд и 2 черепа разобраны по рукам и вернуть их не было возможности. На 55 версте, пикет 541 слева от полотна дороги встречен плоский курган, в насыпи коего устроена землянка для рабочих. На 52 версте, пикет 517 на этой же стороне два плоских кургана. Один из них раскопан администрацией дороги, опять таки без особой в том надобности. В центре кургана вырыта глубокая яма, попортившая погребения. На дне и в выбросах земли разбитые кости и череп, были ли вещи не выяснено. Этот курган сфотографирован нами. Все эти курганы не имели по сторонам камней. Далее, в районе работ, мы до Ачинска уже не встречали курганов. В обследованной местности одинокие курганы начинают встречаться уже от самого Ачинска. По мере приближения к югу количество их возрастает и около Ужура и далее по проселочной дороге к Копьевой мы встречали их большими группами, подобными минусинским степям. Заканчивая на этом свой отчет, ныне можем не [обратить внимания, что вышесказанное в достаточной мере должно дать характеристику отношений высшей администрации дороги к местным памятникам древности – зачеркнуто А. В., Н. М.]. [красным карандашом дописано – А. В., Н. М.] рекомендовать Красн[оярскому] подотделу войти в сношения с администр[ацией] дор[оги] и ---- губн[ские] власти. Необходимо энергичное вмешательство Губернской Администрации и Ученых обществ с целью прекратить дальнейшую раскопку курганов не вызванную необходимостью производства работ. Нами были констатированы раскопки только в Ачинском уезде где курганы сравнительно редки и вы позволим поставить вопрос; что делается (в) Минусинском уезде, в долинах Абакана и Уйбата, где курганы встречаются на каждом шагу? Не будут ли г.г. строители дороги, своими раскопками из за любопытства, способствовать развитию кладоискательства среди рабочих? случайная находка при раскопках предметов из золота, что допустимо, может вызвать, благодаря отсутствию надзора, массовое разграбление курганов, На указанные обстоятельства, мы, еще в начале весны, обращали внимание Императорской Археологической комиссии в лице А.А. Спицына и Иркутской Ученой Архивной Комиссии. По нашему мнению, необходимо принять следующие меры [по сохранению памятников древности – красным карандашом – А. В., Н. М.]:

1) Раскопки курганов в полосе отчуждения не должны быть допускаема ни под каким предлогом, за исключением случаев нахождения курганов на месте, где будет насыпаться полотно дороги.

2) О каждом случае уничтожения такого кургана Администрация дороги заблаговременно извещает ученое учреждение и местную полицейскую власть на предмет принятия мер к сохранности найденных предметов и доставки их в музей.

3) Случайные находки при земляных и иных работах должны быть точно зарегистрированы и передаваться обязательно в местные музеи. Должно быть установленное ответственное лицо, наблюдающее за выполнением этого и

4) В район постройки дороги должны быть командированы археологи для раскопок наиболее интересных памятников старины, подлежащих уничтожению последующими железнодорожными работами и сбора найденных при работах: костей животных, человека и прочих находках, которые, теперь частью валяются на месте работ, частью разбираются любителями.

Осуществление предлагаемых нами мер, как не противоречащих существующим законоположением о раскопках и находках, при помощи Губернской администрации, не должно бы встретить затруднений на практике.

С. Сергеев
июль 1914 года
Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Личное дело Сергеева Сергея Михайловича

Город *Москва* 1921 г.

4/V – 21 г.

№ 3532

Анкетный лист для заполнения

Название учебного заведения – *Московский археологический институт*

Факультет – *археологический*

Курс – *I*

Фамилия – *Сергеев* имя – *Сергей* отчество – *Михайлович*

Пол

Возраст – *41 год*

Семейное положение – *женат, 2 детей*

До поступления в высшую школу занимался ли где с перерывами или нет –
не занимался

Количество сданных зачетов – *2*

Полученное до того образование – *экстерном за 4 класса Реального училища*

Готовится ли к практической или научной деятельности – *к практической*

К какой именно области наук – *доисторической археологии*

Состоит ли членом профсоюза – *член Всеработ земли*

Служил ли где именно – *Центр. Отдел Землеустройства Колонизац. [Чаув].*

Ваши политическое воззрения – *беспартийный*

Вели ли Вы общественную работу в вашей школе какую – *нет*

Оклад Вашего жалования основной – *15 000 р.*, дополнительный –

Место постоянного жительства до поступления в высшую школу – *г. Красноярск*

Командирован ли сюда для учения и каким ведомством –

Получаете ли Вы материальную помощь от учреждения или от родных –

- натурой –

- деньгами –

Занятия Ваших родных – *отца нет, мать нетрудоспособная*

С каких лет стали самостоятельно зарабатывать на жизнь – *с 16 / 2 лет*

Перечислите профессии какими Вы когда-либо занимались – *конторский труд*

Пользовались ли Вы до сих пор каким-либо специальным обеспечением – *нет,*

- высшего учебного заведения – *нет*

Снимаете ли квартиру, комнату, койку на частной квартире – *жилец без права*
занятия отдельной комнаты

Адрес – *Москва, Фурманский переулок, д. № 18, кв. 17*

Подпись: *Сергеев*

Резолюцией заслуживает специального обеспечения

Ректор [подпись]

ЦИА г. Москвы. Ф. 576. О. 1. Д. 3532. Л. 1

Список литературы

1. Вдовин А. С. Иркутская ученая архивная комиссия и Енисейская губерния // Становление Красноярска как экономического и общественно-политического центра Енисейской губернии (к 370-летию г. Красноярска, 80-летию Государственной службы России): тез. докл. и сообщений науч.-практ. конф. – Красноярск, 1998. – С. 36–40.
2. Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Сергей Михайлович Сергеев (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр., посвященный 30-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Изд-во «Летопись», 2006. – Вып. 24. – С. 168–174.
3. Вдовин А. С., Макаров Н. П. Афонтова гора. 1914 г. Отец и сын Савенковы // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 82–87.
4. Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889–1914). – Красноярск, 1915. – С. 1–100.
5. Дэвлет М. А. К истории исследования памятников тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: КемГУ, 1976. – С. 23–26.
6. Кунгуров А. Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайс. сб. – Вып. XV. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992. – С. 177–184.
7. Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1929. – 67 с.
8. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1. – 388 с.
9. Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: КККМ, 1989. – С. 131–189.
10. Передольский В. В. По Енисею и его притокам // ИРГО. – 1896. – Т. XXXII – Вып. 3.
11. Сергеев С. М. Отчет о поездке члена Красноярского Подотдела Императорского Географического Общества С.М. Сергеева в Ачинский уезд для археологических разведок в районе постройки дороги Ачинск – Минусинск в июне 1914 г. // Библиотека КККМ, 571 (09), № 482. – 4 с.

S. M. SERGEEV AND HIS ARCHEOLOGICAL WORK IN KRASNOYARSK

This article discusses S. M. Sergeev's early archeological investigations. In the introduction the authors have given a biographical reference on S. M. Sergeev and the milestones of his career. Based on relatively unstudied archival sources and museum collections, the authors discuss Srgeev's archeological research in the vicinity of Krasnoyarsk and in the south of the Eniseiskaia guberniia (Yeniseisk Province). Among the discoveries of this beginning archeologist are a Paleolithic site and early Iron Age burial at Pereselencheskii punkt, surveys in the path of the Achinsk-Minusinsk railway, Neolithic burials at the Shilka river in the Zabaikal'skaia oblast' and the river Bazaikha near Krasnoyarsk.

The documents included in the appendix of this article serve a testimony to the regular correspondence between S. M. Sergeev and the Archeological Society of Moscow. In his letters we can see that the archeologist is concerned about the destruction of archeological sites during the large-scale construction projects.

In Sergeev's personal profile, which had been published, we can see that he was engaged in improving his education from a humble three year church school to a higher education in archeology at universities in Moscow and Leningrad.

Keywords: S. M. Sergeev, history of archeology, Krasnoyarsk Museum, Middle Yenisei.

П. В. Мандрыка, М. В. Вдовенкова, Л. А. Максимович

Сибирский федеральный университет, Красноярск
e-mail: pmandryka@yandex.ru, mvdovenkova@yandex.ru, lili_856@mail.ru

КЕРАМИКА С ОТТИСКАМИ СЕТКИ-ПЛЕТЕНКИ КОМПЛЕКСА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕР-IV*

В статье анализируется керамика с оттисками сетки-плетенки из третьего культурного слоя памятника Проспихинская Шивера-IV. Рассмотрена история изучения технологии изготовления сетчатой керамики. Представлены результаты анализа технического декора и орнамента сосудов. Выделено шесть вариантов орнаментации, которые относятся к разному времени.

К раннему неолиту отнесены емкости без орнамента и дополненные прочерченной полосой под венчиком. Поздним неолитом датирована керамика с заглаженными оттисками сетки и орнаментом, сопоставимым с посудой серовской культуры. Аналогии встречаются в материалах памятников Прибайкалья, Северного Приангарья, Красноярской лесостепи и Канско-Рыбинской котловины. В позднем неолите также использовалась керамика аплинского типа, ареал которой – Северное Приангарье.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, неолит, керамика, сетка-плетенка.

Исследователи древних культур Западной Сибири и европейской части России «текстильной керамикой называют черепки с отпечатками на них тканей, нитей, веревок, сетей, применявшихся, очевидно, при лепке или сушке глиняных сосудов» [Брюсов, 1950, с. 287]. Сам текстиль определяется как «собирательный термин, включающий прядельно-ткацкие изделия, ткани, плетения, имеющие полотно, образованное переплетением нитей» [Глушкова, 2002, с. 122].

Для обозначения текстильной керамики с отпечатками узловой сетки, обнаруженной на территории Средней Сибири, устоявшимися являются термины «сетчатая керамика» и «керамика с оттисками сетки-плетенки», которые в данной работе используются как синонимы.

Несмотря на то, что в Северном Приангарье накоплен огромный массив источников по керамике с оттисками сетки-плетенки, ее датировка и определение культурной принадлежности осложнены рядом проблем. Во-первых, она чаще встречается в компрессионных слоях с другими материалами неолита и бронзового века и вычленяется из них

типологически. Во-вторых, отсутствует корреляция материалов погребальных и поселенческих комплексов, в которых встречается такая керамика. В-третьих, имеющийся объем данных, полученных при раскопках, опубликован не в полном объеме и с недостаточным качеством для сопоставления.

О технологии изготовления и происхождении сетчатых оттисков. В сибирской археологии укоренилась гипотеза, что оттиски сетки-плетенки на сосудах являются, прежде всего, следами, оставленными в процессе формовки, т. е. относятся к техническому декору [Горюнова, Савельев, 1981, с. 125; Бердников, Лохов, 2014, с. 149]. В то же время некоторые авторы отмечают, что, возможно, оттиски сетки на ранней стадии изготовления глиняной посуды также имели и орнаментальное значение [Глушкова, 1991, с. 39].

Предпринимались попытки объяснения происхождения «сетчатых» отпечатков на керамике. Н. И. Витковский по материалам с Ангара, а Б. Э. Петри – Байкала предполагали, что это следы плетеной формы из прутьев или шнурков, в которой изготавливался сосуд,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-24005.

и сгоравшей при обжиге [Витковский, 1889, с. 21; Петри, 1916, с. 128]. Позднее Б. Э. Петри дополнил свою концепцию, и ее поддержал А. П. Окладников. Они считали, что для изготовления неолитических сосудов с сетчатыми отпечатками в качестве формы использовалась «ямка», вырытая в земле по форме будущего сосуда, или твердая основа, проложенная эластичной сеткой [Петри, 1926, с. 18; Окладников, 1950, с. 170–171].

Гипотезу экспериментально проверил в 1963–1966 гг. В. В. Свинин. Он отметил, что в процессе изготовления сосуда вынимался из ямы только тогда, когда стенки его уже затвердевали и становились малоподатливыми для нанесения орнамента. Свой вывод исследователь подкрепил наблюдением: «ранняя сетчатая керамика, как правило, орнаментирована очень скупо, только по венчику и бортику сосуда» [Свинин, 2000, с. 141].

Иные данные были получены в ходе экспериментов, проведенных Л. В. Новых, И. Г. Глушковой и Т. Н. Глушковым. Л. В. Новых, анализируя неолитическую керамику со стоянки Невонка (Нижнее Приангарье), отметила наличие оттисков сетки не только на внешней поверхности горшков, но и на дне с внутренней стороны и спаях лент [Новых, Акимова, 1989, с. 282]. Предполагалось, что сосуды лепились на плоскости, покрытой куском плетеной сетки. Емкость формовалась, начиная с горловины кольцевым налепом лент, которые, присоединяясь друг к другу, закреплялись сеткой и подсушивались. Дно изготавливалось отдельно, а также при помощи сетки скреплялось с туловом [Глушков, Глушкова, 1992, с. 87].

И. Г. и Т. Н. Глушковы, изучив керамику из коллекций памятников Няша, Чадобец и Пашино, предположили, что конструирование сосуда шло снизу вверх внешним подлепом от днища к устью. При этом сетчатые оттиски получались путем выбивки по поверхности

сосуда колотушкой, обтянутой сеткой [Глушков, Глушкова, 1992, с. 87–88]. Схожее предположение о выбивке стенок при конструировании сосудов высказано И. М. Бердниковым. Плетеная сетка использовалась в качестве прокладки и уплотнителя [Бердников, 2013, с. 207].

Приведенные выше концепции представляют разные способы и приемы изготовления сетчатой керамики. Предложенные алгоритмы исключают друг друга, рассматриваемые материалы разных памятников не сопоставлялись. Можно допустить, что сосуды даже в рамках одного комплекса могли конструироваться по-разному. Допущение возможно из-за фрагментарности и плохой сохранности керамического материала. Находки археологически целых сосудов редки, а разрозненные черепки разносились по площади стоянок на большое расстояние и из-за хрупкости и пористости разрушались.

Одним из аспектов в реконструкции технологии изготовления сосудов с оттисками сетки-плетенки является определение природы возникновения таких отпечатков на керамике. «Сетчатая» керамика – уникальный источник, так как позволяет восстановить не только гончарные традиции, но и традиции производства плетенных или тканых структур.

Исследователи давно обратили на это внимание и по разнообразию отпечатанных на керамике «сетчатых» оттисков предпринимали попытки ее разделения. Так, Л. П. Хлобыстин по характеру фактуры оттисков плетеной сетки в раннем неолите Таймыра выделил четыре основных типа керамики [Хлобыстин, 1998, с. 62–63]:

1) мелко- или крупносетчатая керамика. На ее поверхности сохраняются ясно видимые отпечатки ячеек сетки;

2) сетчато-ямчатая керамика. На ее поверхности сохраняются редкие отпечатки выпуклых узелков сетки;

3) сетчато-тканевая керамика. Отпечатки сетки плотно покрывают поверхность сосудов, создавая впечатление отпечатков плетеной или вязаной ткани;

4) сетчато-шнуровая керамика. Оттиски сетки на ней не дают представления о форме ячеек, а будучи заглаженными, выглядят как отпечатки выбивной лопаточки, обмотанной шнуром.

При этом он отмечал, что «встречаются сосуды, на поверхности которых в разных сочетаниях имеются отпечатки разного типа. Такую керамику можно называть просто сетчатой» [Хлобыстин, 1998, с. 62–63].

Подобное разделение керамики с отпечатками сетки-плетенки было проведено на материалах неолитического слоя поселения Пашина в Северном Приангарье. Из четырех видов отпечатков, предложенных классификацией Л. П. Хлобыстина, в керамической коллекции памятника мелкосетчатая и крупноячеистая сетки разделены на отдельные виды, сетчато-шнуровые оттиски не отмечены [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 111].

Для неолита Прибайкалья Д. Е. Кичигин разделяет сетчатую структуру оттисков по возможности ее определения на хорошо читаемую (ячеистую), слабо читаемую (аморфную) и нечитаемую (ямочно-узелковую) [Кичигин, 2016, с. 11].

Перечисленные выше классификации керамики по оттискам сетки-плетенки выработаны на материалах конкретных памятников и отражают морфологические особенности отпечатков. Перспективным и актуальным будет являться разделение сетчатой керамики по фактуре и строению сетки, отпечатки которой остаются на поверхности сосудов, в дополнение к классификации по орнаменту. Обсуждение вариантов таких сочетаний возможно для материалов памятника, представленных в настоящей статье.

Описание материала. Комплекс Проспихинская Шивера-IV расположен

на 10–16-метровой террасе правого берега р. Ангары, в 1,1–1,2 км выше русла р. Коды, в створе шиверы Проспихино. На нем стационарные охранные раскопки были проведены в 2009–2011 гг. Проспихинским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством П. В. Мандрыки. На вскрытой площади 6 090 м² выделено три культурных слоя, относящихся к широкому хронологическому диапазону от неолита до Средневековья [Мандрыка, Сенотрусова, Бирюлева, 2011, с. 432; Богучанская..., 2015, с. 95, 100].

Анализируемая в статье керамика с оттисками сетки-плетенки найдена в третьем культурном слое. Он приурочен к супесчано-суглинистой почве бурого цвета мощностью около 20 см, которая перекрывает серые «материковые» пески [Вдовенкова, 2014, с. 54]. Слой содержит материалы бронзового века и неолита, он компрессионный, поэтому стратиграфически и планиграфически разделить разновременные комплексы не удалось.

Из раскопа задокументировано 1 733 фрагмента керамики с оттисками сетки-плетенки на внешней поверхности. Целых емкостей не найдено, восстанавливается только одна. По фрагментам венчиков выделено 27 сосудов. Их диаметр по краю – от 10 до 30 см. Имеющиеся фрагменты дна демонстрируют его округлый контур для большинства емкостей и плоский – для одной.

Нагар на внутренней поверхности стенок сосудов отсутствует. Часть форм со следами ремонта – просверленными отверстиями (отмечены на пяти сосудах, на некоторых – парами) возле трещин и следами их замазки глиной (на одном сосуде).

Керамика пористая, рыхлая, в изломе заметна примесь к глине песка и дресвы. Черепки в основном коричневого цвета, но на некоторых участках встречаются пятна красно-бурого и кирпично-оранжевого оттенков (ожелезненное сырье?).

Внешняя поверхность сосудов покрыта оттисками сетки-плетенки, которые рассматриваются нами как технический декор. В 24 случаях отмечено использование узловой сетки, на четырех из них – с долей вероятности. Данная сетка представляет собой ромбические или прямоугольные ячейки, отделяемые друг от друга по углам узелками. Размер ячеек по оттискам от 4×4 до 7×7 мм, преобладают параметры 5×5 мм (на 13 сосудах). Ямки от узелков неправильной геометрической формы имеют размеры 1–2 мм. Оттиски от нитей тонкие, менее 1 мм.

Не все оттиски узловой сетки на керамике Проспихинской Шиверы-IV отпечатаны четко, в большей части они сильно деформированы, сдвинуты, фиксируются участками и переходят в неопределимую фактуру (рис. 1, 3). Иногда они накладываются друг на друга, заглажены, примяты, перекрыты орнаментом. Характер отпечатков указывает на разные способы конструирования форм. Диагностируется, что одни сосуды строились с использованием сетки как основы скрепляющей ленты (?), другие – лоскутным наклепом на форме-емкости с выбивкой стенок с внешней стороны колотушкой, обтянутой сеткой. На одном сосуде отмечены следы узловой сетки, заметно отличающиеся от других. Они представляют собой параллельные ряды ямок, оставленных, вероятно, крупными узелками мелко-ячеистой сетки (рис. 2, 6).

Орнамент локализуется в верхней трети сосуда. Выделяются шесть композиционных схем его построения.

Первый вариант исключает орнаментацию. К нему относятся 12 сосудов (рис. 1), на стенках которых фиксируется только технический декор. Здесь отмечаются закрытые формы, девять из которых имеют слабую профилировку шейки. Венчики восьми сосудов прямые, у четырех – скошены наружу. На десяти сосудах по обрезу края читаются оттиски сетки-плетенки, на остальных они заглажены.

Второй вариант представлен шестью сосудами (рис. 2, 1–6), орнаментированными под краем прочерченной линией, шириной от 0,3 до 0,9 см. Пять из них закрытой формы, один – открытой, шейка выражена у трех. Венчики прямоугольные в сечении, утолщены. По ним отмечаются оттиски сетки-плетенки (3 экз.) либо овальные вдавления (3 экз.). На трех сосудах линейный орнамент дополнен отверстиями диаметром 0,3–0,4 см.

Третий вариант включает три сосуда (рис. 2, 7, 9–10), украшенных горизонтальным поясом ямок, диаметром от 0,3 до 0,6 см. Они закрытой формы, один горшковидный (рис. 2, 9). Венчики прямые, с отпечатками сетки-плетенки (рис. 2, 10), продолговатыми оттисками (рис. 2, 9), глубокими наколами по внутреннему ребру (рис. 2, 7).

Четвертый вариант представлен тремя сосудами с орнаментом из ряда ямок и поясом оттисков гребенчатого штампа (рис. 2, 8, 11–12). Они простой закрытой формы с прямым венчиком, украшенным гребенчатыми оттисками. На одном сосуде такие же оттиски расположены с внутренней стороны (рис. 2, 12).

Пятый вариант отмечен на одном сосуде (рис. 2, 13) закрытой формы со скошенным наружу венчиком. Под краем расположен горизонтальный оттиск крученого шнура, который на одном из черепков разделяется на три линии.

Шестой вариант представлен двумя сосудами (рис. 2, 14–15) простой закрытой формы. Венчики, округлый и скошенный, деформированы с внутренней и внешней сторон рядами наколов. С внешней стороны под краем прочерчена горизонтальная линия, поверх которой на одном сосуде нанесен ряд ямок, на другом – отверстий. Ниже расположены оттиски прямоугольных наколов либо овальных штампов. Один из сосудов (рис. 2, 15) входил в состав клада с каменными изделиями [Вдовенкова, 2014, с. 54–56].

Керамика с оттисками сетки-плетенки комплекса Проспихинская Шивера-IV

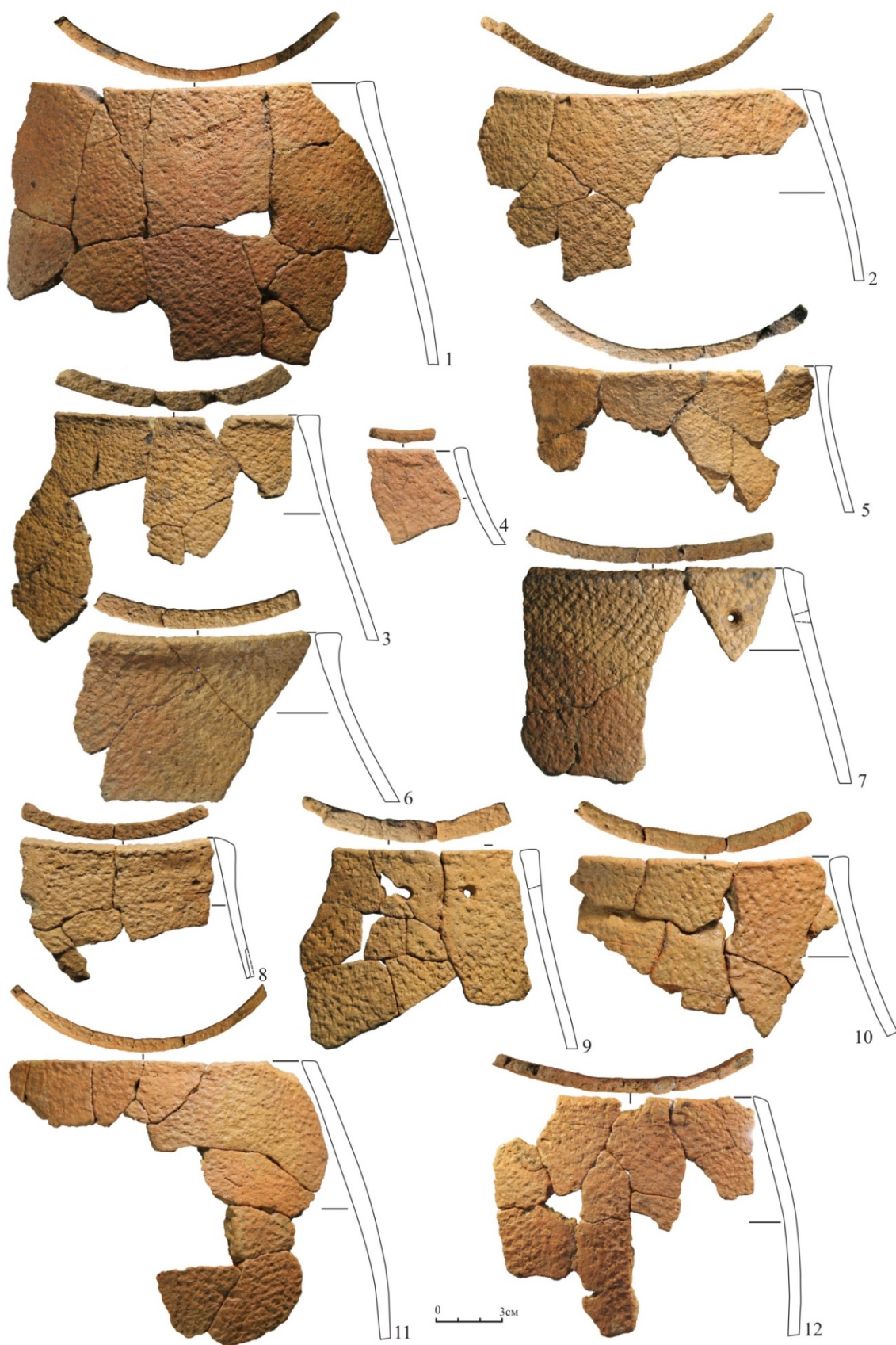

Рис. 1. Керамика с оттисками сетки-плетенки комплекса Проспихинская Шивера-IV. Первый вариант

Рис. 2. Варианты орнамента на сетчатой керамике комплекса Проспихинская Шивера-IV: 1–6 – второй вариант; 7, 9–10 – третий; 8, 11–12 – четвертый; 13 – пятый; 14–15 – шестой

Обсуждение. Керамика, стенки которой покрыты оттисками узловой сетки, достаточно часто встречается в материалах неолита Таймыра, Якутии, Прибайкалья, Северного Приангарья. В Западной Сибири ее присутствие отмечено на памятниках раннего бронзового века (например, поселение Рыбный Сор) [Глушков, Глушкова, 1992, с. 61, рис. 4]. Подобная посуда, очевидно, была известна в неолите и на территории Восточной Монголии (стоянка Тогоотын Гол-V) [Новый голоценовый объект..., 2015, с. 103, рис. 10, 2].

Несмотря на сходный «рябчатый» внешний вид поверхности, горшки отличаются способами конструирования формы, фактурой сетки-плетенки, применяемой при формовке, приемами ее использования, а также специально нанесенным орнаментом. Рассмотрение разновидностей последнего не позволяет говорить о культурном единстве всей керамики «сетчатого пласта» или сетчатой керамической традиции.

Сетчатая керамика с первым вариантом орнаментации комплекса Проспихинская Шивера-IV сопоставляется с сосудами из ряда поселений Северного Приангарья и Прибайкалья (рис. 3, 1–9). В Северном Приангарье она широко известна и по морфологическому сходству датируется традиционно неолитом (рис. 3, 10–11) [Леонтьев, Герман, 2016, с. 67–68] или временем серовской культуры (рис. 3, 7–8) [Археологические комплексы..., 2012, с. 202–203]. Более обоснованы ее датировки в Прибайкалье, по материалам многослойных памятников. В V, нижнем, культурном слое стоянки Саган-Заба II отмечены сосуды с оттисками от сетки-плетенки разных размеров и рельефности, в том числе и заглаженными. С керамикой комплекса Проспихинская Шивера-IV они сопоставляются по форме (закрытая простая или закрытая со слабовыраженной шейкой) и оформлению венчика (прямой,

утолщенный, покрыт техническим декором), но отличаются наличием орнамента из пояса ямок и косых прочерченных линий. Такая посуда со стоянки Саган-Заба II (рис. 3, 3–6) относится к раннему неолиту и датируется в пределах 6171–5892 л. н. (7170–6650 кал. л. н.) [Горюнова, Новиков, Вебер, 2014, с. 50–51, 59]. Схожая по форме керамика встречена и в ранненеолитических слоях многослойных поселений Бугульдейка II (рис. 3, 9), Улан-Хада, Характа 1 (рис. 3, 1–2). На местонахождении Бугульдейка II 4 к. г. с такой керамикой датируется в диапазоне некалиброванных дат от 5650±130 л. н. (СОАН-7155) до 8350±120 л. н. (СОАН-7156) [Бочарова, 2010, с. 128–129]. Подобная керамика из слоя Г/2 (X культурный горизонт) стоянки Улан-Хада [Горюнова, Хлобыстин, 1991, с. 158, рис. 12] может датироваться 5495±125 л. н. (СОАН-3336) [Горюнова, 2012, с. 18], а из II культурного слоя поселения Характы 1 в пределах 7,2–5,9 тыс. л. н. (8,2–6,5 тыс. кал. л. н.) [Новый стратифицированный..., 2016, с. 60–62, 68].

В целом сосуды первого варианта орнаментации по форме схожи с ранне-неолитической керамикой Прибайкалья, датируемой в пределах 8,3–5,5 тыс. л. н. Отличия заключаются в высоте и более выраженной профилировке шейки, а также в наличии орнамента на некоторых сосудах из Прибайкалья. Емкости закрытой формы без выраженной шейки на данной территории встречаются реже.

Сосуды второго варианта, орнаментированные под венчиком горизонтальной прочерченной линией, находят аналогии среди материалов памятников Северного Приангарья, Красноярской лесостепи и Канско-Рыбинской котловины (рис. 3, 12–17). На территории Нижней Ангары посуда простой закрытой и открытой формы, украшенная горизонтальной прочерченной линией, поясом небольших отверстий и рядом

оттисков по венчику встречается на стоянках Усть-Кода (рис. 3, 12) [Богучанская..., 2015, с. 82], остров Сергушкин-1 (рис. 3, 14) [Леонтьев, Герман, 2016, с. 67, рис. 1, 12], Пашина (рис. 3, 16) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 216], Аплинский порог (рис. 3, 15) [Гурулев, Харченко, 2012, с. 87]. При датировке ее бытования в южнотаежной зоне можно опираться на материалы стоянки им. Генералова на р. Чуне (рис. 3, 13), где такой сосуд был обнаружен в третьем культурном горизонте, который датируется в интервале 7,5–5,0 тыс. л. н. [Стоянка им. Генералова..., 2014, с. 167].

Для лесостепного района бассейна р. Кан Н. А. Савельев связывал распространение такой керамики в интервале 6,5–6,0 тыс. л. н. и объединял ее в «канский вариант "сетчатого" пласта» [Савельев, 1989, с. 22]. Немного древнее датирован третий слой местонахождения Попиха (7,5–6,9 тыс. л. н.) [Тимощенко, 2014, с. 41], где найдена сетчатая керамика с прочерченной линией [Тимощенко, 2010, с. 173]. Похожий сосуд был найден на стоянке Няша в Красноярской лесостепи (рис. 3, 17) [Глушков, Глушкова, 1992].

Третий вариант орнаментации сетчатых сосудов из Проспихинской Шиверы-IV предполагает наличие рядов ямок под венчиком (рис. 3, 18–21). На территории Северного Приангарья аналогичные сосуды известны на стоянках Взвоз (рис. 3, 18), Усть-Кова (рис. 3, 19), Каменка (рис. 3, 20) и др. На стоянке Взвоз они относятся авторами раскопок к серовскому типу керамики, а слой, в котором они залегали, датирован 4688 ± 100 л. н. (SPb_579) (калиброванный интервал 2σ – 3700–3100 л. до н. э.) [Герман, Леонтьев, 2012, с. 79, 82–84]. Близкие даты получены по материалам стоянки Усть-Кова – 4300 ± 30 л. н. (СОАН-1899), 4500 ± 100 л. н. (КРИЛ-379) [Усть-Кова..., 2015, с. 16, 21] и погребения

в устье р. Каменка – 4700 ± 120 л. н. (СОАН-3780). В последнем случае дата сделана по углю, отобранному из кострища над каменной надмогильной кладкой [Заика, 2009, с. 71–72]. Сетчатая керамика с такой же орнаментацией известна и в южнотаежной зоне Среднего Енисея. На стоянке Зимовейная (рис. 3, 21) ее датировка определяется рубежом IV – первой половиной III тыс. до н. э. [Макаров, 2005, с. 157–159].

Сосуды с четвертым вариантом орнаментации отличаются от остальных заглаженными оттисками сетки-плетенки. И. М. Бердников считает, что такой прием обработки стенок демонстрирует позднюю вариацию сетчатого технического декора. Вместе с орнаментом из пояса ямок и рядов оттисков гребенчатого штампа он встречается у сосудов, относимых к серовскому типу керамики. Бытовала такая посуда в интервале 5200–4300 л. н. [Бердников, 2013, с. 211, 221].

Сосуд пятого варианта орнаментации – с оттиском шнура под венчиком – прямых аналогий не находит, но может быть сопоставлен по форме с первым вариантом, а узором – со вторым.

Сосуды с шестым вариантом орнаментации соотносятся с аплинским типом керамики, ареал которого – Северное Приангарье (рис. 3, 22–26) [Бердников, 2013, с. 77–78; Гурулев, Харченко, 2012, с. 87; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 2015; Леонтьев, Герман, 2016, с. 69]. Датировка типа – от 5,5 (5,0) до 4,1 тыс. л. н. – основана на возрасте отложений стоянки им. Генералова, в которых были обнаружены эти материалы. Не противоречат такому возрасту и материалы Проспихинской Шиверы-IV, где сосуд входил в состав клада с поздненеолитическими каменными орудиями [Вдовенкова, 2014, с. 56].

Керамика с оттисками сетки-плетенки комплекса Проспихинская Шивера-IV

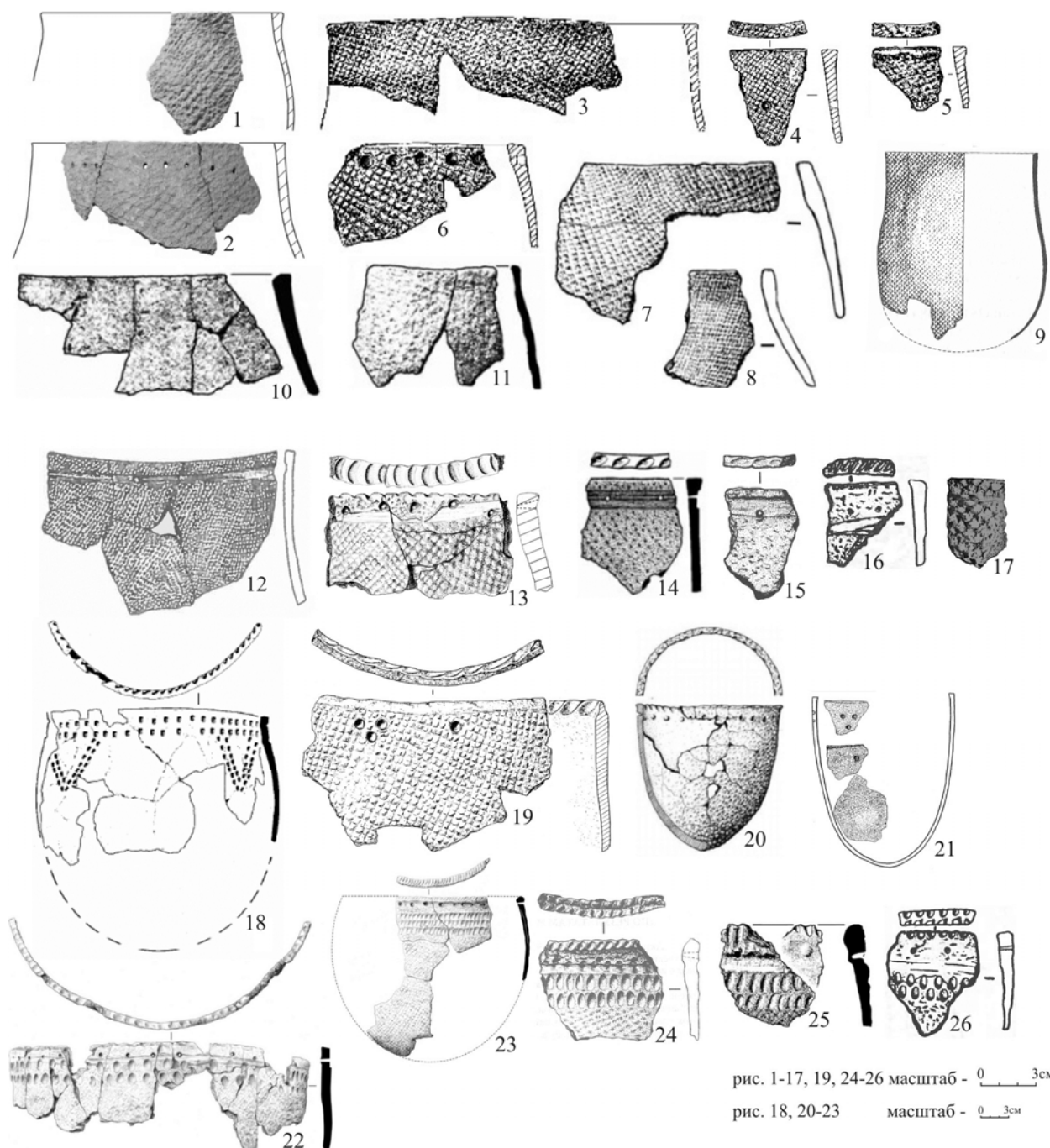

Рис. 3. Сетчатая керамика Сибири: 1–2 – Характа 1 [по: Новый стратифицированный..., 2016, , рис. 3, 3,9]; 3–6 – Саган-Заба II [по: Горюнова, Новиков, Вебер, 2016, рис. 5, 3, 5–6, 8]; 7–8 – Кода-3 [по: Археологические комплексы..., 2013, рис. 3, 1, 2]; 9 – Бугульдейка II [по: Бочарова, 2010, рис. 1, 9]; 10, 14, 25 – Сергушкин-1 [по: Леонтьев, Герман, 2016, рис. 1, 2–3, 12]; 11 – Сергушкин-3 [Там же, рис. 2, 4]; 12 – Усть-Кода [по: Богучанская..., 2015, рис. 75]; 13 – им. Генералова [по: Стоянка им. Генералова..., 2014, с. 7, 13]; 15, 24 – Аплинский порог [по: Гурулев, Харченко, 2012, рис. 1, 2–3]; 16, 26 – Пашино [по: Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, таб. LXXII, 1–2]; 17 – Няша [по: Глушков, Глушкова, 1992, рис. 13, 1–2]; 18 – Взвоз [по: Герман, Леонтьев, 2012, рис. 1, 7]; 19 – Усть-Кова [по Усть-Кова..., 2015, рис. 10, 2]; 20 – Каменка [по: Заика, 2009, рис. 16]; 21 – Зимовейная [по: Макаров, 2005, рис. 10, 4–6]; 22 – Отико I [по: Бердников, Лохов, 2013, рис. 3, 2]; 23 – стоянка им. Генералова [Там же, рис. 2, 1]

Заключение. Сетчатая керамика комплекса Проспихинская Шивера-IV входит в круг культур Средней Сибири, она находит аналогии как на территориально близких памятниках Северного Приангарья, так и среди материалов сопредельных территорий. Традиция изготовления керамики с техническим декором в виде сетки-плетенки сохранялась на протяжении всего неолита и, возможно, раннего бронзового века, что нашло отражение в материалах памятника. Это доказывается распространением выделенных вариантов орнамента и приведенными аналогиями из датированных комплексов.

К раннему неолиту были отнесены сосуды без орнамента и с прочерченной полосой под венчиком. Они простой и сложной формы со слабо выраженной шейкой. Такая керамика рас-

пространена в неолитических слоях (8,3–5,5 тыс. л. н.) многослойных поселений Прибайкалья, Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи.

К позднему неолиту отнесены сосуды с поясом ямок под венчиком. Такие емкости находят аналогии в памятниках Северного Приангарья и Красноярской лесостепи. Такие же поздненеолитические датировки получены для керамики, сопоставимой с посудой серовской культуры. Кроме пояса ямок она украшалась рядами оттисков гребенчатого штампа.

До раннего бронзового века, возможно, доживает неолитическая сетчатая керамика аплинского типа, ареал которой – южная тайга Северного Приангарья. Однако ее присутствие в комплексах с изделиями из металла пока не обнаружено.

Список литературы

1. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) / В. С. Славинский, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко, Е. А. Казаков, К. И. Милютин // Вест. НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7. – С. 194–205.
2. Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.
3. Бердников И. М., Лохов Д. Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2 (3). – С. 72–83.
4. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с.
5. Бочарова Е. Н. Неолитическая керамика многослойного местонахождения Бугульдейка II (юго-западное побережье озера Байкала) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 127–130.
6. Брюсов А. Я. «Сетчатая» керамика // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. XIV. – С. 287–305.
7. Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.
8. Вдовенкова М. В. Клад неолитических предметов из поселения Проспихинская Шивера-IV // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 54–56.

9. Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. – 1889. – Т. 20, № 2. – С. 1–42.
10. Герман П. В., Леонтьев С. Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 г.) // Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 78–85.
11. Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник. – Тобольск: Изд-во Тобольск. пед. ин-та, 1992. – 130 с.
12. Глушкова Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: Изд-во СурГПИ, 2002. – 206 с.
13. Глушкова Т. Н. Способы орнаментации текстильной керамики // Керамика как исторический источник. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, 1991. – С. 39–41.
14. Горюнова О. И. История исследования и значения первого в России многослойного геoarхеологического объекта Улан-Хада на Байкале (к 100-летию открытия) // Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 10–21.
15. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: ИГУ, 1981. – С. 115–125.
16. Горюнова О. И., Хлобыстин Л. П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 41–56.
17. Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Ранненеолитический комплекс V нижнего культурного слоя поселения Саган-Заба II на Байкале: планиграфия и датировка // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Этнология. Антропология. – 2016. – № 2 (19). – С. 10–25.
18. Гурулев Д. А., Харченко Ю. А. Опыт статистической обработки керамических комплексов Северного Приангарья (по материалам стоянки Аплинский порог) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск: НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 85–87.
19. Заика А. Л. Неолитическое погребение в устье р. Каменки на Нижней Ангаре // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – № 7. – С. 60–72.
20. Кичигин Д. Е. Природа нитей шнура и сетки-плетенки на древней керамике Прибайкалья: этнографические параллели // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2016. – № 2 (19). – С. 10–25.
21. Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика аплинского типа в археологических материалах острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2016. – Т. 1. – С. 66–73.
22. Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.
23. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Бирюлева К. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 432–436.

24. Новый голоценовый объект Тогоотын Гол-V на востоке Монголии / Н. В. Цыденова, Д. Тумэн, М. Эрдэнэ, Х. Пьецонка, Ф. И. Хензыхенова, С. Лоренц, В. Цех, Д. Б. Андреева, В. Б. Базарова, О. Д. Намзалова // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Пекин, 2015. – Т. 1. – С. 88–105.
25. Новый стратифицированный объект раннего неолита на западном побережье озера Байкал: поселение Характа 1 / О. И. Горюнова, Г. В. Туркин, А. Г. Новиков, А. М. Клементьев // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 17. – С. 55–73.
26. Новых Л. В., Акимова Е. В. Многослойная стоянка Невонка в Северном Приангарье // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – С. 280–290.
27. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – № 18. – Ч. 1. – 411 с.
28. Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварительное сообщение о раскопке стоянки «Улан-Хада» // МАЭ. – Петроград: Типография Императорской академии наук, 1916. – Т. 3. – С. 113–132.
29. Петри Б. Э. Сибирский неолит // Изв. биолого-географич. науч.-исслед. ин-та. – Иркутск: Изд-во «Власть Труда», 1926. – Т. 3. – Вып. 6. – С. 39–75.
30. Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: история основных идей и современное состояние проблемы: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.
31. Свинин В. В. Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 128–145.
32. Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, И. М. Бердников, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк, Н. Б. Соколова, А. А. Тимощенко, А. А. Попов, Н. В. Харламова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 150–191.
33. Тимощенко А. А. Археологическое местонахождение Попиха на р. Кан // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докл. V (L) Росс. с междунар. участием археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 171–174.
34. Тимощенко А. А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 10. – С. 27–49.
35. Усть-Кова – многослойное местонахождение Северного Приангарья. Геоархеологический аспект (по результатам работ 2008 г.) / Г. И. Медведев, Е. А. Липнина, Е. О. Роговской, Е. Б. Ощепкова, Н. И. Дроздов // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2015. – Т. 12. – С. 3–36.
36. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», Российская академия наук, Ин-т истории материальной культуры, 1998. – 342 с.

P. V. Mandryka, M. V. Vdovenkova, L. A. Maximovich

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

NET-IMPRESSED POTTERY FROM THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX PROSPIKHINSKAYA SHIVERA-IV

The article devoted to the net-impressed pottery from the third archaeological layer of the site Prosikhinskaya Shivera-IV. The paper deals with the historiography of the net-impressed pottery's manufacturing. The results of technical decor and ornament analysis are presented. Six variants of the decoration have been allocated for the ceramics collection. Vessels have different dating. Pottery without an ornament, or decorated with drawn line under the rim, dated as early Neolithic. Pottery with smoothed net impresses dated as late Neolithic and associated with Serovo's vessels type. Analogies have in Baikal region, North Angara region, Krasnoyarsk forest-steppe and Kansk-Rybinsk Depression. Also vessels belonged to the Aplinsk type have late Neolithic dates and located in North Angara region.

Keywords: Middle Siberia, Neolithic, pottery, net-impressed pottery.

Ю. А. Титова¹, Е. В. Титов²

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск
e-mail: abdulia@mail.ru

²Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнева, Красноярск
e-mail: witesoul@rambler.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ОТБОРА ИСХОДНОГО СЫРЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УДАЧНЫЙ-14*

В статье представлены результаты изучения подготовительной стадии гончарного производства – отбора исходного сырья – по материалам керамической коллекции из второго культурного слоя стоянки Удачный-14 в Красноярске. Бинокулярной микроскопией было определено пять видов используемого исходного сырья, для части из них установлены места отбора исходного сырья, а также естественный характер минеральной гранито-гнейсовой примеси.

Ключевые слова: Красноярская лесостепь, древнее гончарство, эксперимент, исходное сырье, глина, неолит, бронзовый век.

Метод научного эксперимента давно применяется в отечественной археологии. Вопросы экспериментального моделирования в исследовании технологии керамического производства разрабатывались в рамках историко-культурного подхода А. А. Бобринского в ходе работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства, были обобщены и описаны И. Н. Васильевой и Н. П. Салугиной [Васильева, Салугина, 1999, с. 181–198; Васильева, Салугина, 2015, с. 8–27]. В исследовании гончарной технологии главной задачей является определение навыков и принципов отбора исходного сырья как первой стадии гончарства. Они относятся к приспособительным, поскольку в вопросе исходного сырья древний гончар вынужден исходить из тех источников, которые ему доступны. Вместе с тем представление о виде пластичного сырья (навозы, ил, илистые глины, глины) является субстратным, т. е. остается неизменным очень продол-

жительное время. В рамках историко-культурного подхода можно сделать общие заключения о характере исходного сырья: выявить наличие и качественные особенности естественных примесей – бурого железняка, песка, растительных остатков и др.; определить пирометрические особенности сырья, т. е. степень его ожелезненности, которая определяется по цвету изделия, обожженного в окислительной среде, характеру железистых включений. В результате определяется вид исходного сырья [Бобринский, 1999, с. 17–33]. Возможность получения этой информации обусловлена общей методикой обработки материала: изучением свежих изломов археологической керамики с использованием микроскопа МБС-10 и сравнением их с эталонной коллекцией.

Для данной статьи объектом изучения выступает подготовительная стадия изготовления керамики (принципы отбора исходного сырья), предметом – керамические материалы, полученные

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-24003 и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

в результате раскопок на стоянке Удачный-14¹ в 2014 г. Из второго культурного слоя раскопа № 1 происходят 1096 фрагментов керамики не менее чем от 27 сосудов, из них 25 сосудов усть-бельского типа эпохи неолита, 3 сосуда, датируемые бронзовым веком, а также каменные орудия и отходы производства, остеологический материал [Титова, Бирюлева, 2016, с. 107–116]. Всего было изучено 46 образцов, в том числе фрагменты венчиков всех сосудов, фрагменты орнаментированных стенок, фрагменты стенок с техническим декором и фрагменты стенок без орнамента. В результате исследования были получены следующие данные по первой стадии керамического производства.

Еще при камеральной обработке материала было отмечено, что основная масса фрагментов керамики очень хрупкая и легко ломается. Одиннадцать сосудов изготовлено из не совсем пригодного для гончарства сырья – ожелезненной и сильно запесоченной глины, причем размер песчинок позволяет определить его как пылеватый. Песок в образцах кварцевый, окатанный, многоцветный: прозрачный, белый, серый и коричневый; размер песчинок 0,2–0,5 мм; точная концентрация не определяется в силу слишком мелкого размера песка и отсутствия методики подсчета и определения его концентрации, но визуально пропорция песка не менее чем 1:2. Такой вид исходного сырья характеризуется гончарами как тощие глины. Искусственное введение подобного песка в качестве отощителя невозможно, так как это сознательное ухудшение пластичных свойств сырья, к чему не могут стремиться ни современные, ни древние гончары [Бобринский, 1999, с. 25]. Остальные сосуды изготовлены из глины, которая также характеризуется как ожелезненная. По степени ожелезненности

и естественным минеральным примесям выделяется еще три вида использованных древними гончарами глин:

1) глина с включениями бурого железняка неправильных форм, пылевидного многоцветного кварцевого песка и многоцветных минеральных частиц, в основном матовых темно-серых и белых, размером 0,7–3 мм, в концентрации 1:5/6;

2) слабоожелезненная глина с единичными оолитовыми включениями бурого железняка и окислов железа и минеральной примесью в виде крупного окатанного песка и минеральной примеси размером до 1 см, включения белого, серого, красного, коричневого цвета в концентрации 1:4/5;

3) сильноожелезненная глина, фиксируются оолитовые включения бурого железняка, окислы железа, в глине значительная минеральная примесь, предположительно гранитных пород, отмечаются как дробленые остроугольные включения, так и окатанные, что характеризует их как естественные.

Таким образом, в результате исследования материала памятника выделяется минимум четыре вида исходного сырья, использовавшегося древними гончарами. В связи с этим основной целью постановки экспериментальной части исследования стали поиск и выявление источников исходного сырья в окрестностях археологического микрорайона. Для этого были обследованы территория памятника, низменности и приустьевые участки небольших речек, протекающих вблизи объекта (Собакина, Крутенская и Караульная). С одиннадцати пунктов было собрано сырье и подготовлены эталоны. В процессе работы каждое место сбора глинистого материала описывалось, отмечалось на карте и фотофиксировалось (рисунки).

¹ ВОАН «Удачный. Стоянка 14 (Западная-5)».

Рисунок. Карта размещения стоянки Удачный-14 и пунктов отбора образцов по программе «Исходное сырье»

Поскольку основная масса сосудов была изготовлена из сильно запесоченной ожелезненной глины, на территории памятника был произведен сбор вероятного исходного сырья – суглинков (рисунок, 4–6). Такое же сырье было отобрано на берегу Енисея и в приустьевых участках рек и ручьев (рисунок, 3, 9, 11). После изучения полученных эталонов было определено, что песок в них значительно отличается от песка из археологических образцов: он меньше по размеру (0,1–0,3 см), преобладают остроугольные включения. В археологических материалах песок преимущественно хорошо окатанный, размером 0,2–0,5 см.

Девять сосудов из коллекции были изготовлены из слабоожелезненной глины с примесью пылеватого многоцветного песка и минеральной приме-

сью. Это сырье соответствует глине, собранной в устье р. Собакина, на левом ее берегу, в 4,6 км западнее от места нахождения керамики (рисунок, 7). При этом стоит отметить, что в качестве исходного сырья эта глина использовалась продолжительный период времени, из нее изготовлены как сосуды усть-бельского типа, относящиеся к эпохе неолита, так и сосуды, датируемые по морфологическим признакам эпохой бронзы.

Для двух сосудов в качестве исходного сырья предположительно использовалось специфичное сырье, собранное в 9,3 км к юго-западу от места нахождения керамики, на правом берегу р. Караульная (рисунок, 10). При изучении образцов керамики была выделена группа сосудов, относящихся по форме и орнаментации к усть-бельскому типу, для которых отмечалось использование

в качестве исходного сырья сильнооже-
лезненной глины и значительной приме-
си в составе формовочных масс нека-
либрованной дресвы: прозрачной и бе-
лой с черными включениями (гранито-
гнейсовой). Дресва фиксировалась в ос-
новном крупная, до 3–4 мм, остроуголь-
ная, но отмечались и единичные окатан-
ные включения. Тогда эта особенность
позволила охарактеризовать исходное
сырье как содержащее естественную ми-
неральную составляющую (окатанные
включения) и отнести остальные мине-
ральные включения к рецептуре формо-
вочных масс. После отбора образцов ис-
ходного сырья в устье р. Караульная
и изготовления эталонов это заключение
было пересмотрено. В полученном об-
разце исходного сырья фиксируется
наличие остроугольных «дробленых»
минеральных включений в неравномер-
ной концентрации от 1:3 до 1:8, разме-
рами от 0,2 до 5 мм, при этом как отли-
чительный признак, характеризующий

именно исходное сырье, выделяется
наличие незначительной части окатан-
ных минеральных включений.

Таким образом, исследование
подготовительной стадии гончарства,
а именно исходного сырья, с привлече-
нием экспериментального метода, позво-
лило сделать ряд важных выводов. Ос-
новная масса сосудов была изготовлена
из сильно запесоченной глины, местона-
хождение которой установлено не было.
Для части сосудов использовалась глина
из приустьевоего участка р. Собакина,
в том числе и для сосуда, датированного
бронзовым веком. Очень специфичный
глинистый материал, содержащий
естественную минеральную примесь
в высокой концентрации, удалось найти
в 9,3 км к западу от места нахождения
археологической керамики. Выявление
подобного источника исходного сырья
позволило точнее определить как его ха-
рактер, так и рецептуру формовочных
масс.

Список литературы

1. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: монография. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–109.
2. Васильева И. Н., Салугина Н. П. Экспериментальный метод изучения древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: монография. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 181–197.
3. Васильева И. Н., Салугина Н. П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭиДГ): 25 лет работы // Самар. науч. вестн. – 2015. – № 3 (12). – С. 8–27.
4. Титова Ю. А. Бирюлева К. В. Новые материалы неолита и бронзового века красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 107–116.

**EXPERIMENTAL METHOD IN THE RESEARCH
OF THE PRINCIPLES OF SELECTION FEEDSTOCK BASED
ON THE MATERIALS FROM THE SITE UDACHNIY-14**

The article results of a study of the preparatory stage of pottery production – selection of raw material, based on the ceramic collection of the second cultural layer of the archaeological site Udachniy-14 in the city of Krasnoyarsk. Using a binocular microscope, were found the 5 types of feedstock. For the some of them we could find of reference collections of clay qualitative composition of the raw material selection of the location, as well as to determine the nature of the natural mineral granite-gneiss impurities.

Keywords: Krasnoyarsk forest steppe, ancient pottery, experiment, feedstock, Clay, Neolithic, Bronze Age.

КОМПЛЕКС МАТЕРИАЛОВ ВТОРОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2010 г.)*

В работе анализируются разновременные керамический комплекс и каменная индустрия второго культурного слоя стоянки Усть-Кова раскопа 2010 г. Основу керамической коллекции составляют сосуды преимущественно простой формы, украшенные поясом округлых вдавлений либо «жемчужин», датированные бронзовым веком. Также отмечены разнотипные неолитические сосуды с сетчатыми оттисками и единичные фрагменты керамики Средневековья и Новейшего времени. Первичное расщепление каменной индустрии характеризуется микропластинчатой технологией и, вероятно, специализированным производством отщеповых заготовок. Спецификой орудийного набора является преобладание изделий на непластинчатых сколах-заготовках. Каменный инвентарь имеет как аналогии, так и отличия с индустриями комплексов бронзового века региона.

Ключевые слова: Северное Приангарье, Усть-Кова, бронзовый век, керамический комплекс, аталонгский пласт, каменная индустрия, сравнительный анализ.

В настоящее время остается актуальной проблема культурно-хронологической систематизации древностей Северного Приангарья. В числе требующих дальнейших исследований находится проблема специфики культурных комплексов различных этапов древней истории региона. Ее разработка предполагает привлечение широкого круга источников, в том числе новых материалов.

Данная статья продолжает серию публикаций, направленных на введение в научный оборот и анализ массива источников, полученных в ходе работ Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН 2007–2012 гг. Рассматривается керамический комплекс и каменная индустрия второго культурного слоя (здесь и далее – к. с.) стоянки Усть-Кова раскопа 2010 г.

Многослойная стоянка Усть-Кова располагалась в Кежемском районе Красноярского края, на правом берегу приустьевоего участка р. Ковы (левый приток р. Ангара). Памятник приурочен к покровным отложениям II надпоймен-

ной террасы р. Ангара высотой 14–17 м над урезом реки. Территория памятника расположена в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС и в настоящее время полностью затоплена.

Впервые археологический материал палеолитического возраста в устье р. Ковы зафиксирован в 1937 г. А. П. Окладниковым [Ефименко, Береговая, 1941, с. 287]. Повторно стоянка была обследована в 1971 и 1972 гг. археологической экспедицией Иркутского государственного университета [Работы комплексной..., 1974; Дроздов, Дементьев, 1974, с. 211–214].

С 1976 по 1991 г. на Усть-Кове проводились развернутые стационарные исследования экспедицией КГПИ под общим руководством Н. И. Дроздова. Наиболее активный период исследований широкими площадями связан с 1970 – первой половиной 1980-х гг. [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 77–91; Хроностратиграфия..., 1990, с. 147–178]. В 1990 – начале 2000-х гг. с перерывами работы велись под руководством В. П. Леонтьева.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-24005.

Последние исследования стоянки (2008–2011 гг.) связаны с работами Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН. Работы проводились под руководством Г. И. Медведева и др. (2008 г.) [Усть-Кова..., 2015], В. П. Леонтьева и Е. В. Артемьева (2009 г.), В. П. Леонтьева и А. С. Вдовина (2010 г.) [Леонтьев, Вдовин, 2010], Е. В. Акимовой и Е. А. Томиловой (2011 г.) [Раскопки многослойного..., 2011; Последние раскопки..., 2014]. В настоящее время материалы введены в научный оборот частично.

Раскоп 2010 г. (560 м²) заложен в западной, приустьевой части памятника и примыкал на большей части периметра к раскопам прошлых лет. В ходе работ выявлены три культурных слоя, относящихся к различным хронологическим эпохам [Леонтьев, Вдовин, 2010]. Второй к. с. зафиксирован на глубине 0,40–0,70 (0,85) м и приурочен к толще коричневой супеси. Стратиграфическая ситуация в целом идентична зафиксированной в ходе работ других лет (см. выше).

Для слоя характерна слабая насыщенность: изделия из камня – 1 563 шт.; фрагменты керамических сосудов – 726 шт.; изделие из кости – 1 шт.; фаунистические остатки – 25 шт. Частично для анализа привлекались керамика и изделия из камня первого к. с., сопоставляемые с рассматриваемым комплексом. Распределение находок по раскопу в целом равномерное, с некоторым уменьшением концентрации при удалении от бровки террасы. Каких-либо объектов, за исключением ориентированной по линии юго-запад – северо-восток вытянутой кладки (1,5×0,8 м) из галек и валунов, не зафиксировано. Анализ планиграфии и состава находок также не позволяют выделить какие-либо структуры.

Керамический комплекс второго к. с. включает фрагменты не менее чем

от 24 сосудов, выделенных по венчикам и крупным блокам стенок. Описание керамической коллекции приводится в соответствии с методикой О. И. Горюновой и Н. А. Савельева [1981].

Первая керамическая группа объединяет четыре сосуда с сетчатыми оттисками на внешней поверхности. Один фрагмент венчика зафиксирован в первом к. с. Всего учтено 119 черепков. Один сосуд с профилированной невысокой шейкой. Три емкости простой формы. Фрагмент профилированного венчика не орнаментирован (рис. 1, 2). Два сосуда украшены поясками разряженных треугольных фигур, выполненных округлыми вдавлениями. В одном случае внутренний край венчика рассечен широкими наколами (рис. 1, 1). Один сосуд (рис. 1, 3) орнаментирован в зоне венчика двумя рядами отступающих оттисков. Поверх верхнего ряда нанесен пояс округлых сквозных отверстий. Внутренне ассиметричный венчик украшен по скосу тремя рядами аналогичных оттисков, по внешнему краю – косыми продолговатыми наколами.

Профилированный сосуд находит аналогии среди раннеолитической сетчатой керамики юга Средней Сибири [Бердников, 2013, с. 208]. Узкодатированные аналогии остальным изделиям авторам не известны. Сосуды с поясками треугольных фигур найдены, в частности, на стоянке Усть-Кова в 2008 г. [Усть-Кова..., 2015, с. 18, рис. 10]. Близкие фрагменты венчиков с рядами отступающих оттисков, перекрытых ямочными вдавлениями, известны со стоянки Сергушкин-3 [Леонтьев, Герман, 2016, с. 68, рис. 1, 10, 13]. Беря во внимание различия в морфологии и широкие временные рамки бытования сетчатой керамики на юге Средней Сибири, представляется обоснованным предположение о разновременности сосудов группы, суммарно датирующихся в рамках неолита.

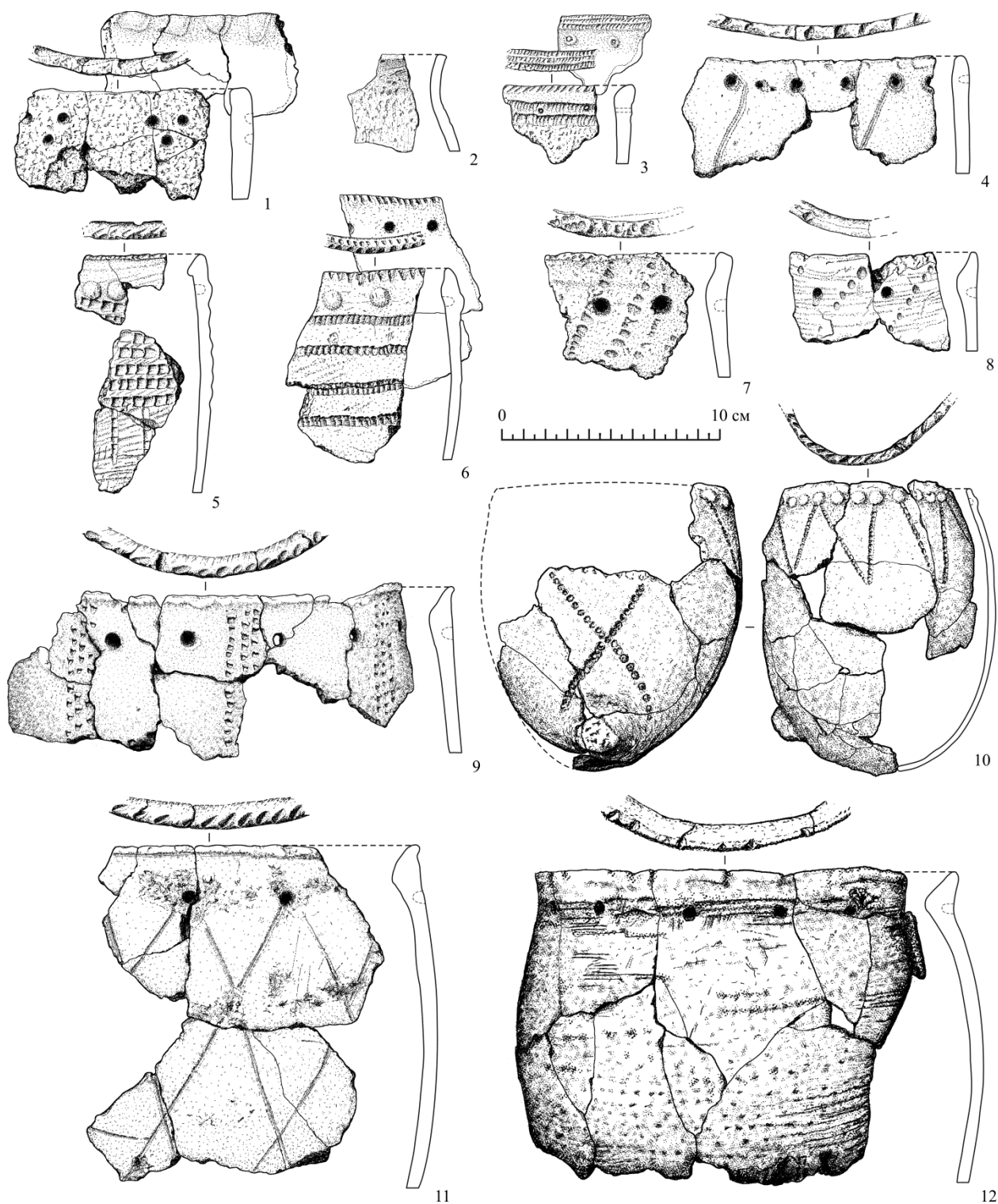

Рис. 1. Стоянка Усть-Кова. Раскоп 2010 г. Культурный слой 2.
Фрагменты и реконструкции керамических сосудов: 1–3 – керамика с сетчатыми оттисками;
4–12 – керамика с поясами округлых вдавлений или «жемчужин»

Ко второй группе отнесены сосуды преимущественно простой формы украшенные поясом округлых вдавлений, реже «жемчужин» (рис. 1, 4–12). Часть черепков (34 шт.) зафиксирована в первом к. с. Всего учтено 465 фрагментов от 14 сосудов. Только один сосуд за счет сильно отогнутого венчика имеет сложную форму (рис. 1, 12). Реконструируются как открытые (3 шт.), так и закрытые (3 шт.) емкости. У пяти сосудов отмечается небольшой изгиб кромки венчика (рис. 1, 9, 11). Восстановлен один «сосуд-дымокур» с ушками (рис. 1, 10). У большей части изделий, за исключением двух случаев (рис. 1, 4, 10), отмечается треугольное в сечении утолщение и скос по внутреннему борту венчика.

Представлены как гладкостенные (9 шт.), так и сосуды с техническим декором (4 шт.) в виде субпараллельных тонких со сглаженными краями трасс, образующих блоки с горизонтальной однонаправленной либо несогласной ориентацией («рубчатость»). На одном сосуде отмечено сочетание гладкостенной поверхности и участков с «рубчатыми» оттисками.

В орнаментации сосудов использовались зигзагообразные и Х-образные фигуры (рис. 1, 10), в одном случае формирующие ромбическую сетку (рис. 1, 11), наклонно расположенные прямые одиночные (рис. 1, 4, 7, 8) либо строенные линии (рис. 1, 9), выполненные прочерчиванием либо оттисками. Два сосуда оформлены горизонтальными рядами отступающих вдавлений (рис. 1, 5, 6), в одном случае дополненных ниже короткими разряженными вертикальными отрезками аналогичных оттисков. Шесть сосудов, помимо пояса ямок, не орнаментированы (рис. 1, 12). Все изделия, за исключением одного экземпляра¹, рассечены различной формы оттисками по скосу либо срезу

венчика. В одном случае украшены внешний и внутренний края симметрично овального венчика (рис. 1, 6).

Группа характеризуется политетической совокупностью признаков формы, композиции и мотивов орнаментации, проявленных в различных сочетаниях на конкретных сосудах. Она находит аналогии в керамических комплексах памятников Средней и Южной Сибири датирующихся бронзовым веком в интервале ~4000 (4500)–2800 л. н.² [Гурулёв, Максимович, 2016, с. 189]. В данных территориальных рамках керамика бронзового века не демонстрирует морфологического единства, и бытование пересекающихся по ряду признаков керамических традиций, вероятно, связано с единством в рамках эпохи. По единичным радиоуглеродным датировкам распространение керамики, близкой второй группе Усть-Ковы, в Северном Приангарье фиксируется в диапазоне ~3600–3000 л. н. [Там же]. Вопросы как более раннего появления, так и верхней хронологической границы требуют дальнейших исследований. Незавершенность внутренней типологии и хронологии керамики данного облика в Северном Приангарье позволяют на данном этапе исследований рассматривать ее в рамках керамического пласта, названного аталонгским [Там же].

Одиночными фрагментами представлены сосуды с тонкими обмазочными валиками, керамика лесосибирского, усть-ковинского типов и гончарная неорнаментированная керамика (3 шт.). Изделия сопоставляются с посудой Средневековья и Новейшего времени [Бирюлева, 2015; Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013].

Также зафиксировано два сосуда (20 фрагментов), культурно-хронологическая интерпретация которых затруднена. Первый представлен фрагментом прямого

¹ Возможно, это связано с малым размером фрагмента.

² Здесь и далее – некалиброванный радиоуглеродный возраст.

неорнаментированного венчика. Второй сосуд со слабоогнутым утолщенным по внешнему борту венчиком, орнаментированным рядом округлых вдавлений.

Помимо этого, керамический комплекс слоя составляют многочисленные неорнаментированные и неинформативные (расслоившиеся либо крайне малого размера) фрагменты тулова (113 шт.), черепки, орнаментация которых не позволяет однозначно отнести их к тому или иному сосуду или не находящие среди них аналогов (34 шт.), а также фрагмент поддона и три ушка различной формы.

Каменная индустрия. Среди изделий из камня (1 563 шт.) преобладают продукты дебитаж и отходы производства – 1 370 шт. (87,65 %)³, включающие: отщепы – 949 шт., сколы – 212 шт., пластинчатые отщепы и сколы – 48 шт., осколки и обломки – 161 шт. Пластинчатые снятия – 42 шт. (2,69 %) включают микропластинки (ширина до 6 мм) – 10 шт., пластинки (7–12 мм) – 27 шт., пластины (12–17 мм) – 5 шт. Нуклевидные формы – 15 шт. (0,96 %), представлены микропластинчатыми ядрищами – 7 шт., их обломками – 2 шт., и нуклеусами для отщепов – 6 шт. Орудийный комплекс составляют 111 (7,1 %) изделий. Также в индустрию входят неопределимые – 3 шт. и галечные изделия – 3 шт., продукты естественного разрушения горной породы – 9 шт., отдельности сырья и их фрагменты – 10 шт.

Основу сырьевой базы каменной индустрии второго к. с. составляют две группы горных пород. Первая (65,1 %) – литифицированные мелкозернистые осадочные породы (аргиллиты, алевролиты и др.), в том числе кремненные. Окраска преимущественно однотонная, палевая или светло-серая. Вторая группа (14,6 %) – разноокрашенные, с полосчато-рисунчатой или пятнистой текстурой,

а также однотонные кремнистые (кремненные) породы (в частности – кремненная древесина). Изделия из других пород не составляют многочисленных серий.

Среди отщепов, сколов, пластинчатых отщепов и сколов (включая фрагменты) преобладают короткие снятия – 1–3 см (797 шт.) и 3–6 см (355 шт.). Немногочисленно представлены крупные экземпляры от 6 до 10 см – 21 шт., сколы более 10 см – 1 шт., а также чешуйки – 35 шт. Часть отщепов и сколов несут на дорсале частично (4 шт.) либо полностью (3 шт.) шлифованную поверхность. Отмечены два скола удаления основания микропластинчатых нуклеусов.

Группа снятий с параметрами микропластин, пластинок и пластин представлена преимущественно проксимальными – проксимально-медиальными (22 шт.) и медиальными (15 шт.) – сегментами, в меньшей степени – дистальными фрагментами (3 шт.) и целыми снятиями (2 шт.).

Микронуклеусы делятся на две группы. Первую группу составляют пять целых и один обломок проксимальной части монофронтальных, одноплощадочных ядрищ (28×15×24–54×34×30 мм) (рис. 2, 1–3). В качестве заготовок в трех случаях выступали ситуативно подготовленные фрагменты отдельностей сырья. Одно изделие на массивном сколе. В двух случаях заготовка неопределима. Два ядрища подпризматической формы на начальной стадии расщепления несут негативы закончившихся заломы инициальных снятий. Изделия в рабочей стадии утилизации представлены двумя псевдоклиновидными и одним торцовым нуклеусом. Одно ядрище в финальной стадии сработанности с призматическим круговым расщеплением. Площадки прямые или скошенные к контрфронту, выполнены одним сколом либо ретушированы по периметру, со стороны фронта или фронта и латералей.

³ Здесь и далее – процент от общего количества изделий из камня.

Во вторую группу отнесены два миниатюрных ортогональных многоплощадочных нуклеуса для коротких нерегулярных снятий с параметрами микропластин. Первое изделие ($23 \times 34 \times 17$ мм) на обломке (?), низкой подпризматической формы с двумя перпендикулярно ориентированными поверхностями скалывания. Площадки специально не подготавливались. Второе изделие ($26 \times 26 \times 14$ мм) на неопределимой заготовке (сработанный микронуклеус?) имеет форму клина с плоскими торцовыми поверхностями. Разнонаправленное расщепление производилось по четырем поверхностям. В качестве площадок выступали поверхности фронтов и притупленное реброоснование.

Также зафиксирован продольный фрагмент микронуклеуса, несущий одну из латералей и часть контрфронта с естественной поверхностью.

Выделена серия (6 шт.) ядрищ с негативами отщеповых и коротких нерегулярных пластинчатых снятий (рис. 2, 4–7). В качестве заготовок двух изделий выступали массивный скол и отдельность сырья. В трех случаях заготовка неопределима. Ядрища небольшие ($24 \times 20 \times 11$ – $65 \times 60 \times 29$ мм), представляют собой неоднородную группу по форме и схемам расщепления: монофронтальное однонаправленное; монофронтальное встречное; бифронтальное однонаправленное (2 шт.); бифасиальное бифронтальное радиально-продольное; многофронтальное (сфероид). В большинстве случаев площадки специально не подготавливались.

Среди орудийного набора (111 шт.) наиболее многочисленную группу составляют вторично модифицированные сколы (31 шт.) и снятия со следами ретуши утилизации (32 шт.). Для изделий на непластинчатых сколах-заготовках (28 шт.) характерна преимущественно ретушная обработка по одному (16 шт.) либо двум (2 шт.) боковым краям. Еди-

нично отмечены отщепы с ретушированным анкошем на боковом крае, ретушью по дистальному концу, дистальному концу в сочетании с утончением корпуса (рис. 2, 9), боковому краю и дистальному концу, двум боковым краям и дистальному концу, двум боковым краям и проксимальному концу, по углу сопряжения бокового края и дистального конца, периметральной ретушной обработкой (рис. 2, 10). Также зафиксированы три фрагмента отщепа и сколов с неопределенным расположением ретуши.

Вторично модифицированные орудия на пластинчатых заготовках представлены медиальным фрагментом микропластины ($15 \times 5 \times 2$ мм) с вентральной протяженной краевой ретушью по одному боковому краю (вкладыш), пластинкой ($40 \times 11 \times 5$ мм) с дорсальной протяженной краевой ретушью по дистальному и двум боковым краям (рис. 2, 14) и крупной пластиной ($53 \times 20 \times 6$ мм) с дорсальной протяженной крутой модифицирующей ретушью по одному боковому краю (рис. 2, 15).

Группу снятий с ретушью утилизации составляют отщепы (19 шт.), сколы (2 шт.), пластинчатые отщепы и сколы (3 шт.), микропластина, пластинки (5 шт.), пластина и одна крупная пластина. В половине случаев (17 шт.) следы утилизации локализованы по одному боковому краю. Также отмечены случаи с расположением их на двух боковых краях (4 шт.), на дистальном (8 шт.) или дистальном и боковом краях (3 шт.).

Скребки (рис. 2, 11–12, 16–18) ($23 \times 16 \times 5$ – $66 \times 31 \times 10$ мм) представлены семью целыми предметами и одним обломком. Выполнены преимущественно на отщепах (6 шт.), единично на пластинчатых отщепах и сколах. Выделяются концевые скребки (3 шт.), одиночно встречены двойной концевой, двойной концевой с ретушью продольного края, концевой скошенный, скребок с ретушью на $2/3$ периметра.

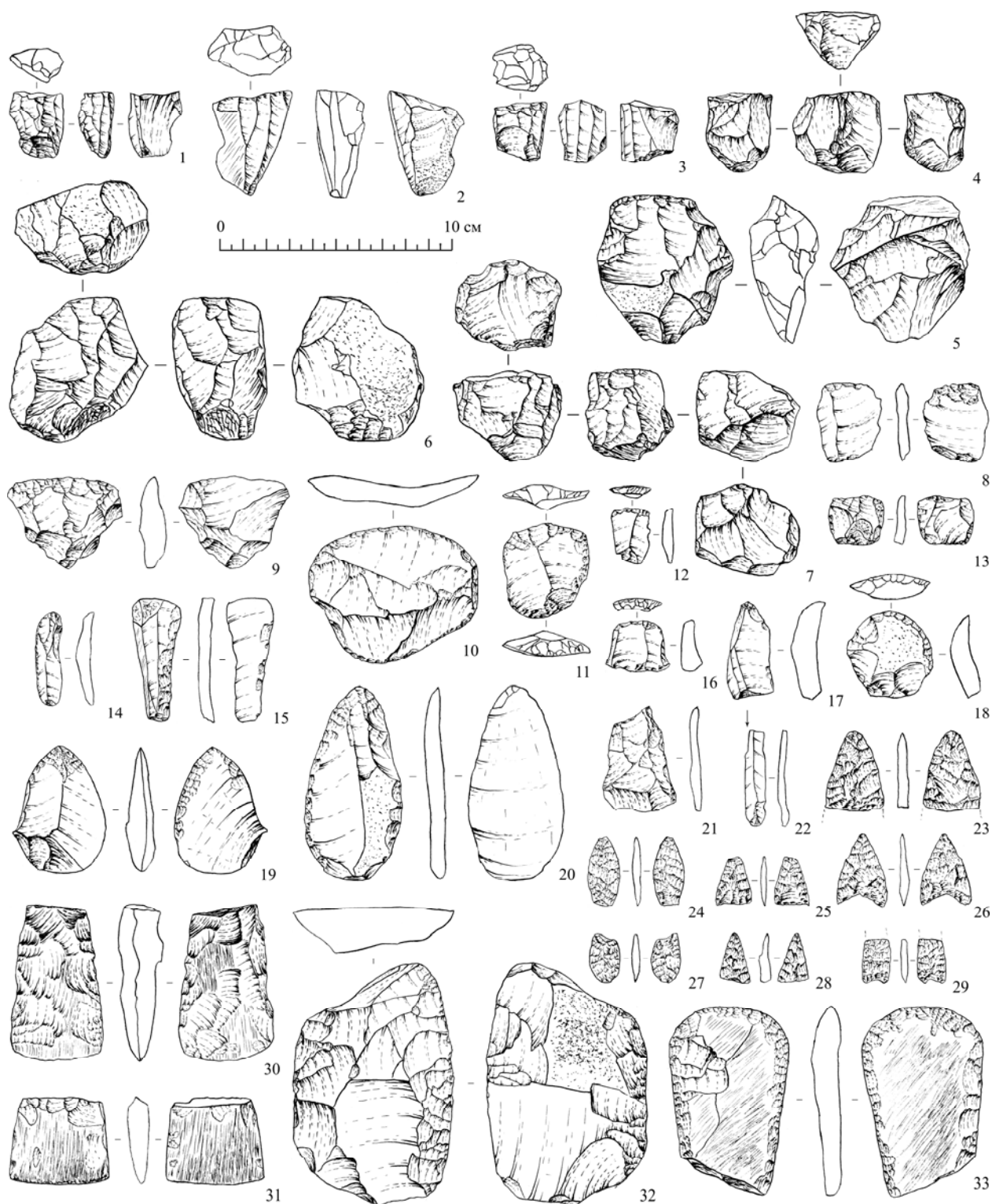

Рис. 2. Стоянка Усть-Кова. Раскоп 2010 г. Каменный инвентарь:

1-3 – микропластинчатые нуклеусы; 4-7 – отщеповые нуклеусы; 8, 13 – долотовидные орудия;
 9, 10 – отщепы с ретушью; 11, 12, 16-18 – скребки; 14 – пластинка с ретушью; 15 – крупная пластинка
 с ретушью; 19, 20 – ножи; 21 – проколка; 22 – угловой резец; 23-29 – наконечники стрел;
 30, 31 – фрагменты рубящих орудий; 32 – скребло; 33 – орудие на плитчатом обломке;
 1-30, 32-33 – второй к. с.; 31 – первый к. с.

Группу долотовидных орудий (рис. 2, 8, 13) составляют четыре экземпляра целых изделий ($22 \times 11 \times 7$ – $38 \times 32 \times 22$ мм) и один обломок. Орудия выполнены на отщепах и сколах, имеют подквадратную, подпрямоугольную или подтрапцевидную форму с прямыми, двумя противоположащими (2 шт.) либо четырьмя сопряженными (2 шт.) рабочими краями, несущими следы забитости.

Зафиксированы два ножа на отщепах (рис. 2, 19–20), в одном случае – пластинчатом. Оба изделия ($84 \times 41 \times 7$, $56 \times 40 \times 13$ мм) имеют длинное выпуклое ретушированное лезвие на одном из продольных краев заготовки, заканчивающихся острием. У одного изделия частично обработан обуховый край.

Единично представлены: обломок острия на крупной пластине со сплошной ретушной обработкой боковых краев, фрагмент ретушированной по периметру проколки на отщепе (рис. 2, 21), и угловой резец на фрагменте пластинки ($41 \times 8 \times 3$ мм) (рис. 2, 22).

Наконечники стрел представлены законченными изделиями (рис. 2, 24–29) (8 шт.) и двумя фрагментами пера, обломанных в процессе изготовления (рис. 2, 23). Из законченных форм на четырех сломаны жала, по одному экземпляру представлены фрагменты пера, медиальной части и базы, а также целое изделие ($31 \times 21 \times 4$ мм). В двух случаях наконечники имеют подтреугольную форму с вогнутым насадом. Единично реконструируются треугольная форма с прямым и вогнутым насадом, листовидная – с выпуклым насадом, лавролистная – с прямым насадом.

Отмечены небольшие массивные бифасиально обработанные изделия (4 шт.) и их фрагменты (2 шт.), а также обломки неопределимых орудий (?) с двусторонне обработанными ребрами (4 шт.). Бифасиальные изделия ($35 \times 41 \times 21$ – $55 \times 28 \times 22$ мм) выполнены в четырех случаях на массивных сколах, в двух

случаях заготовка неопределима. Общая форма и контур ребра не выровнены. Обработка нерегулярная, мелкоотщеповая, как правило, не покрывает оба фаса.

Рубящие орудия представлены массивной бифасиально оббитой заготовкой топора и двумя обломками законченных изделий. Топор с обломанным обухом (рис. 2, 30) имеет трапециевидное поперечное сечение, выполнен обивкой с полной шлифовкой слабовыпуклого лезвия и частичной, неполной (только межфасеточные ребра) корпуса. Второе изделие представляет собой обломок корпуса орудия неопределимой формы, несет две сопряженные под прямым углом полностью шлифованные поверхности.

Также в первом к. с. зафиксирован обломок прилезвийной части полностью шлифованного орудия (рис. 2, 31) наиболее вероятно происходящего из рассматриваемого комплекса. Изделие имеет прямоугольное поперечное сечение, лезвие – прямое, симметричное.

Два фрагментированных орудия на уплощенных (плитчатых) обломках сырья. На первом изделии отмечены следы односторонней протяженной краевой нерегулярной ретуши по двум несопряженным краям. Второе представляет собой орудие (рубящее?) с обломанной торцевой частью, имеет сплошную бифасиальную краевую обработку периметра, расширяется к закругленному «лезвию» (рис. 2, 33).

Единственное в своем роде крупное ($101 \times 69 \times 17$ мм) однолезвийное скребло (рис. 2, 32). Обработка изделия бифасиальная. Произведено утончение корпуса по обоим фасам. Слабовыпуклое лезвие выполнено крутой среднефасеточной односторонней ретушью. Изделие обломано по одному из углов.

В число остальных орудийных форм входят отбойник, два фрагмента абразивов и «молот» с перехватом. В качестве отбойника ($107 \times 50 \times 52$ мм)

использовалась подэллипсоидной формы галька. Изделие имеет три отдельных участка забитости и негативы отраженных сколов. Абразивы выполнены на уплощенных небольших гальках крупнозернистых пород. Изделия несут в одном случае (на одной плоскости) подперекрестные, а в другом (на двух противоположающихся поверхностях) – субпараллельные (в рамках отдельных блоков) тонкие трассы. Одно также имеет негативы нескольких сколов. На «молоте» (115×59×45 мм), нанесенном на продолговатой гальке, в медиальной части пикетажем выполнен поперечный опоясывающий 2/3 диаметра изделия желоб-перехват.

Также к индустрии второго к. с. относятся обломки недиагностируемых изделий (3 шт.), продукты естественного (термического?) разрушения неопределимого изделия с бифасиально оформленным краем (9 шт.), гальки со следами оббивки (3 шт.), а также отдельные сырья и их обломки (10 шт.). Последние составляют как предметы без следов обработки, так и первично оббитые изделия, одно из которых (134×55×34 мм) может являться заготовкой рубящего орудия, оставленного по причине проявлений анизотропии сырья (трещиноватость). Изделие подпрямоугольной в плане формы с трапециевидным поперечным сечением бифасиально оббито. Также сюда отнесен крупный (93×75×56 мм) блок сырья с проявлением трещиноватости, несущий следы параллельной односторонней оббивки по двум плоскостям.

Обсуждение. Полученные данные позволяют говорить о диффузии культурных остатков верхних к. с. раскопа 2010 г. стоянки Усть-Кова. Морфология ряда каменных изделий предполагает возможность некоторой примеси во втором к. с. предметов из нижележащих культурных отложений.

По аналогиям с изделиями с поселений Проспихинская Шивера I и IV

можно говорить о поздней датировке «молота» с перехватом [Мандрыка, Князева, 2011, с. 159; Князева, 2011, с. 113]. Также вероятно отношение абразивных инструментов и оббитых галек ко времени раннего железного века – Средневековья [Мандрыка, Князева, 2011, с. 157; Князева, 2011, с. 113–114; Князева, 2015, с. 16], что, однако, не может быть однозначно установлено без их функционального определения.

Наблюдается схожесть ряда технико-типологических характеристик каменных индустрий второго к. с. и нижележащего палеолитического слоя. К ним относятся высокий удельный вес артефактов на полосчато-рисунчатых кремнях, а также морфологическая близость ряда предметов – ядрищ для нерегулярных отщеповых и пластинчатых снятий, микропластинчатых нуклеусов второй группы, а также ряда долотовидных орудий и бифасиально обработанных изделий [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 85–89; Последние раскопки..., 2014; Усть-Кова..., 2015]. Вопрос природы пересечения характеристик индустрий второго и третьего к. с. и возможного смешения культурных остатков остается открытым.

Стоит предполагать, что ситуация «верхнего» смешения обусловлена контактным залеганием культурных напластований и их постдепозиционными нарушениями, что также может быть правомерно в отношении связи с нижележащими отложениями. В частности, на отдельных участках площади раскопа отмечены перекопы, связанные с антропогенной деятельностью, захватывающие первый и частично второй к. с. В обоих случаях, на основании имеющихся фактических данных, беря во внимание облик индустрии второго к. с., стоит предполагать незначительный в статистическом отношении масштаб смешения материалов между культурными слоями.

Состав керамического комплекса раскопа 2010 г. Усть-Ковы, а именно неоднородность и, вероятно, разновременность сетчатой керамики, а также относительная многочисленность сосудов, украшенных поясом округлых вдавлений или «жемчужин», предполагает что наиболее интенсивный период эксплуатации исследованного участка памятника и накопление основного массива культурных остатков второго к. с. связаны с деятельностью носителей данной керамической традиции(-ий?).

Анализ коллекции каменных артефактов позволяет сделать ряд заключений относительно индустрии второго к. с.

Насколько можно судить по морфологии немногочисленных микропластинчатых ядрищ первой группы, для индустрии не характерен стандартизированный тип пренуклеуса. Ядрища формировались на подходящей формы сколах или фрагментах отдельностей сырья с их ситуативной подправкой. Стратегия утилизации строилась либо на эксплуатации одной торцевой поверхности, либо на расширении дуги фронта на боковые плоскости. Последнее, вероятно, связано с непригодностью поверхности скалывания, и ядрища с узкой поверхностью расщепления могли утилизироваться вплоть до полного истощения. Корректировка формы нуклеусов в процессе утилизации была связана с точечной подправкой площадки и поддержанием продольной выпуклости поверхности скалывания посредством коротких встречных снятий с основания или его удаления. Обращает на себя внимание отсутствие в комплексе сколов удаления площадок («таблеток»).

Спорная позиция микропластинчатых нуклеусов, отнесенных ко второй группе, не позволяет рассматривать их в рамках индустрии второго к. с.

Вероятно, целевой заготовкой выступали относительно короткие пластинчатые снятия с различным парамет-

ром ширины (микропластины – пластины) без ориентации на производство стандартизированных сколов. В коллекции отсутствуют ядрища с негативами снятий, равных пропорциям пластин, что, вероятно, объясняется сработанностью представленных изделий. В качестве основной функции пластинчатых заготовок предполагается их использование в качестве вкладышей составных орудий, на что указывает, в частности, находка фрагмента острия костяной обоймы с односторонним V-образным пазом. Атрибуция орудий на пластинках (резец и ретушированное изделие) неоднозначна.

Производство крупных пластин (ширина ≥ 18 мм), очевидно, носило побочный характер, о чем свидетельствуют их единичность и отсутствие других контекстуально необходимых продуктов расщепления, маркирующих бытование самостоятельной технологии. Также мы не можем говорить о последовательной утилизации пластинчатых ядрищ, на что указывают их морфология и метрические параметры. Вероятно, производство крупных пластин, как и части пластинчатых отщепов и сколов, связано с первичной обработкой крупных блоков сырья, ситуативно используемых как нуклеусы.

Неоднозначность происхождения отщеповых ядрищ не дает возможности уверенно говорить о целенаправленном производстве заготовок этого типа. При этом очевидно, что в их качестве выступали побочные снятия, происходящие из различных технологических контекстов. Стоит отметить, что метрические параметры большей части модифицированных в орудия сколов не позволяют связать их с рассматриваемыми ядрищами, что, однако, может быть обусловлено истощенностью последних.

Основная масса орудийных форм (не менее 66 %) выполнена на нестандартизированных непластинчатых сколах-

заготовках: вторично модифицированные и сколы со следами ретуши утилизации, скребки, долотовидные орудия, ножи, часть бифасиально обработанных изделий и наконечников стрел.

Интерпретация группы бифасиально обработанных изделий неоднозначна. Ряд небольших предметов подтреугольной формы, имеющих замкнутое бифасиальное ребро, и обломков, несущих следы начальной обработки, гипотетически могут представлять собой заготовки наконечников стрел, чему, однако, противоречит их массивность и общая нерегулярность обработки. Одно из изделий, предположительно, представляет собой фрагмент неоконченного крупного бифаса.

Группа наконечников стрел демонстрирует различные варианты форм. Фрагментация законченных изделий может быть связана как с использованием (метательный износ), так и с разломом на финальной стадии обработки.

Среди рубящих орудий выделяются две технологические модели формообразования. В первом случае обработка производится двусторонней оббивкой с замкнутого ребра, во втором, наиболее вероятно, – посредством плоской обработки с нескольких продольных ребер по четырем сопряженным под близкими к прямым углам поверхностям (напр.: [Hansen, Madsen, 1983]). В настоящее время нет достоверных оснований культурно-хронологического разграничения данных технологических моделей на территории Северного Приангарья, которые могли бытовать совместно.

Находки сколов со следами шлифовки указывают на случаи подправки либо переоформления рубящих орудий. Скорее всего, обработка была связана с необходимостью коррекции формы или подправки изделий после разрушения в ходе использования.

В ходе работ последних лет в Северном Приангарье изучен ряд памятни-

ков, представленных «чистыми» комплексами эпохи бронзы с керамикой аталонгского облика: Усть-Карабула [Макаров, 2013], Абакан-18 [Сенотрусова, 2015], Капонир [Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010], Парта [Савин, 2010], Ручей Конный-3 [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011], Усть-Верея 2 [Савин, Солодская, Груздева, 2012], Итомиура [Мандрыка, Сенотрусова, 2014], Скородумный Бык [Пупаева, Фокин, 2015]. Помимо близости керамических комплексов с материалами Усть-Ковы, отмечаются аналогии в каменной индустрии⁴: это доминирование непластинчатых сколов-заготовок и серийность различных вторично модифицированных орудий на сколах. В целом наблюдается относительное преобладание данной орудийной группы при малочисленности других изделий. В той или иной мере представлены контексты производства бифасов крупных и малых форм (наконечники стрел), шлифованных рубящих орудий. В индустрии стоянки Скородумный бык отмечена серия отщеповых ядрищ и различных нуклевидных изделий, отличных от вышеописанных использованием преимущественно одной поверхности скалывания. В то же время в материалах рассматриваемых памятников полностью отсутствуют следы микропластинчатого производства. Также зафиксирован ряд не характерных для Усть-Ковы изделий: наконечников стрел с черешковым насадом, скребков модифицированной сужающейся к основанию формы, скребков с вентральной обработкой и др. Кроме того, в сырьевом наборе отмечается абсолютное преобладание артефактов, выполненных на мелкозернистых осадочных породах. Необходимо отметить, что набор изделий привлекаемых памятников в целом немногочислен, ряд форм представлен только индивидуаль-

⁴ По материалам стоянок Абакан-18, Капонир, Скородумный Бык.

ными экземплярами, что затрудняет достоверное установление характера индустрий и проведение аналогий.

Обращаясь к материалу погребальных комплексов бронзового века Северного Приангарья, необходимо учитывать условность сопоставления инвентаря стояночных объектов и захоронений, демонстрирующих различные сферы культуры [Базалийский, 2012, с. 45]. В погребениях обнаружены небольшие частично или полностью шлифованные тесла и топоры овальной либо трапецевидной формы с выпуклым лезвием; наконечники стрел различного размера, подтреугольной, листовидной или ромбической формы; крупные бифасы; ножи различной формы; ножевидные вкладыши трапецевидной и сегментовидной форм [Дударёк, Лохов, 2014, с. 60, 62–66]. Важными представляются факты сосуществования различной формы наконечников стрел, бытования технологии производства крупных бифасов и вкладышевого вооружения, представленного, однако, исключительно бифасиально обработанными изделиями.

Таким образом, индустрия второго к. с. стоянки Усть-Кова находит как ряд общих черт, так и существенных отличий с инвентарем стояночных и погребальных комплексов бронзового века. Правоммерно считать, что в первую очередь различия могут быть связаны с неоднородностью индустрии Усть-Ковы. Даже предполагая связь основного массива каменного инвентаря с аталонгской

керамикой, необходимо учитывать, что последняя демонстрирует морфологическую неоднородность, связанную, возможно, с хронологическими различиями, и в настоящее время не имеет четко обозначенных узких рамок бытования [Гурулёв, Максимович, 2016]. Также нельзя исключать возможность изменчивости и спецификации однокультурных индустрий, связанных с особенностями хозяйственной деятельности поселения, доступностью сырья и пр. Все это позволяет предполагать вариабельность камнеобработки носителей аталонгской керамической традиции(-ий?). Таким образом, вопрос культурно-хронологической атрибуции индустрии культурного слоя стоянки остается открытым.

Заключение. Результаты анализа материалов второго к. с. стоянки Усть-Кова раскопа 2010 г., несмотря на неоднозначность состава коллекции, дают дополнительные данные для дальнейшей разработки вопроса характера и специфики палеокультур голоцена Северного Приангарья, в первую очередь бронзового века – периода, который остается на настоящий момент наименее изученным в археологии региона. Решение в полной мере данной задачи на материалах стоянки Усть-Кова невозможно. Для верификации полученных данных и дальнейшей разработки проблематики требуется привлечение и детальный анализ материалов синхронных однокультурных комплексов.

Список литературы

1. Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.
2. Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

3. Бирюлева К. В. Тонковаликовая керамика Нижнего Приангарья: проблемы и перспективы изучения // Международная полевая школа в Болгаре: сб. материалов итоговой конф. – Казань, Болгар: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2015. – С. 58–64.
4. Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.
5. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С. 115–133.
6. Гурулёв Д. А., Максимович Л. А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 185–194.
7. Дроздов Н. И., Дементьев Д. И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 204–228.
8. Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 54–80.
9. Ефименко П. П., Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР // Палеолит и неолит СССР. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Материалы и исследования по археологии СССР. – № 2. – С. 254–290.
10. Князева Е. В. Каменные орудия труда как источник изучения хозяйственной деятельности населения южно-таежной зоны Средней Сибири в раннем железном веке – Средневековье (на основе экспериментально-трассологического анализа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 21 с.
11. Князева Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в эпоху Средневековья: опыт экспериментально-трассологических исследований // Вестн. Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 108–116.
12. Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010 – Т. XVI. – С. 534–537.
13. Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика аплинского типа в археологических материалах острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 66–73.
14. Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2013. – С. 130–175.
15. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская шивера-IV в Нижнем Приангарье // Вестн. Томского государственного университета. Серия: История. – 2013. – № 2 (22). – С. 67–71.
16. Мандрыка П. В., Князева Е. В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трассологический анализ // Вестн. Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 155–162.
17. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и Средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Изв. Ир-

кутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 63–81.

18. Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010 – Т. XVI. – С. 559–564.

19. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье / Е. В. Акимова, Е. Н. Кукса, И. В. Стасюк, Е. А. Томилова, В. М. Харевич, А. Н. Мотузко // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 256–264.

20. Пупаева Л. А., Фокин С. М. Материалы бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 59–67.

21. Работы комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (1970–1974 гг.) / М. П. Аксенов, О. И. Горюнова, Н. И. Дроздов, И. Л. Лежненко, Г. И. Медведев, Н. А. Савельев // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 2. – С. 165–172.

22. Раскопки многослойного поселения Усть-Кова в 2011 году (неолитические горизонты) / Е. В. Акимова, Е. А. Томилова, О. А. Горельченкова, Е. Н. Кукса, Ю. М. Махлаева, И. В. Стасюк, В. М. Харевич // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011 – Т. XVII. – С. 359–364.

23. Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010 – Т. XVI. – С. 582–586.

24. Савин А. Н., Солодская О. В., Груздева Е. А. Исследование поселенческого комплекса Усть-Верея-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012 – Т. XVIII. – С. 485–487.

25. Савин А. Н., Солодская О. В., Олышанецкая В. Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный-3 в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011 – Т. XVII. – С. 463–468.

26. Сенотрусова П. О. Стоянка Абакан-18 – новый памятник бронзового века в Нижнем Приангарье // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 52–58.

27. Усть-Кова – многослойное местонахождение Северного Приангарья. Геоархеологический аспект (по результатам работ 2008 г.) / Г. И. Медведев, Е. А. Липнина, Е. О. Роговской, Е. Б. Ощепкова, Н. И. Дроздов // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2015. – Т. 12. – С. 3–36.

28. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея) (экскурсия № 2) / Н. И. Дроздов, В. П. Чеха, С. А. Лаухин, Е. В. Акимова, В. Г. Кольцова, Е. В. Артемьев, А. А. Бочкарев, В. П. Леонтьев, А. А. Викулов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 185 с.

29. Hansen P. V., Madsen B. An experimental investigation of a flint axe manufacture site at Hastrup Vaenget, East Zealand // Journal of Danish Archaeology. – 1983. – Vol. 2. – P. 43–59.

V. P. Leontiev¹, D. A. Gurulev²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Krasnoyarsk*

² *Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

MATERIALS OF UST'-KOVA SITE CULTURAL LAYER 2 (BASED ON EXCAVATIONS IN 2010)

The paper considers different ages pottery complex and stone tools of Ust'-Kova site cultural layer 2 (was excavated in 2010). The basis of pottery complex is vessels mainly simple shapes decorated by a lines of rounded indentations or «pearls» of Bronze Age. To a lesser extent presented heterogeneous net-impressed Neolithic pottery and single specimens of Middle Ages and Modern Age vessels. Primary knapping of the industry is characterized by microblade technology and probably specialized production of flake blanks. The specificity of the tool assemblage is the predominance of pieces made on non-lamellar blanks. The industry has analogies and differences with the complexes of the region associated with the «pearl-ribbed» pottery.

Keywords: Northern Angara region, Ust'-Kova, Bronze Age, pottery complex, atalonga stratum, stone industry, comparative analysis.

П. В. Мандрыка, Д. А. Виноградов

Сибирский федеральный университет, Красноярск
e-mail: *pmandryka@yandex.ru; vindim0408@mail.ru*

ПОСЕЛЕНИЕ ЗЕЛЕНый ЛУГ I И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕТАГАРСКОГО ВРЕМЕНИ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В статье представлены и проанализированы материалы нового памятника в окрестностях г. Канска, который содержит культурный слой поселения позднетагарского времени. Выявленный каркасно-столбовой объект с хозяйственной ямой, бронзовые, костяные и каменные орудия характеризуют местную культуру коневодов, испытавшую влияние со стороны носителей тагарской культуры. Ее датировка в рамках II–I вв. до н. э. определена аналогиями вещей. Наличие бронзового лома и шлака, всплесков и орудий ударно-терочного действия позволяют авторам предположить занятие обитателей поселка бронзолитейным делом.

Ключевые слова: Канская лесостепь, поселение, лесостепной вариант, тагарская культура, валиковая керамика.

Канская лесостепь в период существования тагарской культуры рассматривается в трудах исследователей как промежуточный, связующий район между Красноярской лесостепью и тайгой Нижней Ангары [Mergart, 1926, с. 45; Максименков, 1960а, с. 159]. Имеются концепции о вхождении его вместе с Красноярским районом в особую область тагарской культуры [Карцов, 1929; Киселев, 1951] или о существовании в нем своеобразной, отличной от минусинской, культуры тагарского времени [Максименков, 1961], развивающей местные традиции бронзолитейного производства [Генералов, Дзюбас, 1995, с. 142]. При этом влияние соседей определялось по наличию орудий минусинских форм, а своеобразие культуры обосновывалось материалами погребения, найденного в 1957 г. в Канске, и случайными находками кинжалов, ножей, шильев, кельтов с геометрическим орнаментом, боевых топоров [Максименков, 1960б, с. 45; Он же, 1961]. Масштабными археологическими работами трех последних десятилетий XX в. в районе были выявлены

более 50 и раскапывались более десятка памятников с материалами, синхронными тагарской культуре [Блейнис, 1989; Археологические памятники..., 1992; Тимошенко, 2008; Толкацкий, 2009; и др.]. Несмотря на многослойность поселений с «четкой стратиграфией отложений» находки раннего железного и бронзового веков часто залегают вместе, и работа по их типологическому разделению только начата. И если для бронзового века намечено выделение комплексов раннего и позднего этапов [Генералов, Дзюбас, 1991; Тимошенко, 2013], то материалы раннего железного века еще не осмыслены и ждут введения в научный оборот. В связи с этим открытие и изучение под Канском нового поселения с культурным слоем позднетагарского времени имеет исключительное значение.

Представление материалов. Поселение Зеленый Луг I расположено в пойменной части левого берега р. Кан, в 0,8 км севернее одноименного поселка и в 1,3 км юго-западнее д. Новый Путь. Памятник занимает восточный край

останца четырехметровой террасы, который примыкает к старичному озеру. Со слов местных жителей, в недалеком прошлом местность была занята березовой рощей, затем ее раскорчевали, поверхность распахали, здесь размещались хутора, загоны для скота, лисья ферма. В настоящее время территория свободна от построек, используется под пастбище.

Объект открыт в 2014 г. отрядом археологической экспедиции Сибирского федерального университета под руководством З. Ю. Жарникова. В разведочном шурфе, заложенном на мысовидном крае террасы, был выявлен разрушенный пашней культурный слой, содержащий

каменный отщеп, фрагмент керамики с «вафельными» оттисками от выколотки, а также сустав и зуб животного.

На следующий год работы продолжены П. В. Мандрыкой. Весной, после схода снега, на открытых участках распаханной поверхности собран подъемный материал, двенадцатью разведочными шурфами определены условия залегания и сохранность культурных слоев, их насыщенность археологическим материалом, уточнены границы объекта. Тогда же был составлен его инструментальный план (рис. 1). В летний период раскопом № 1 в северной части памятника вскрыта площадь 100 м² (рис. 2).

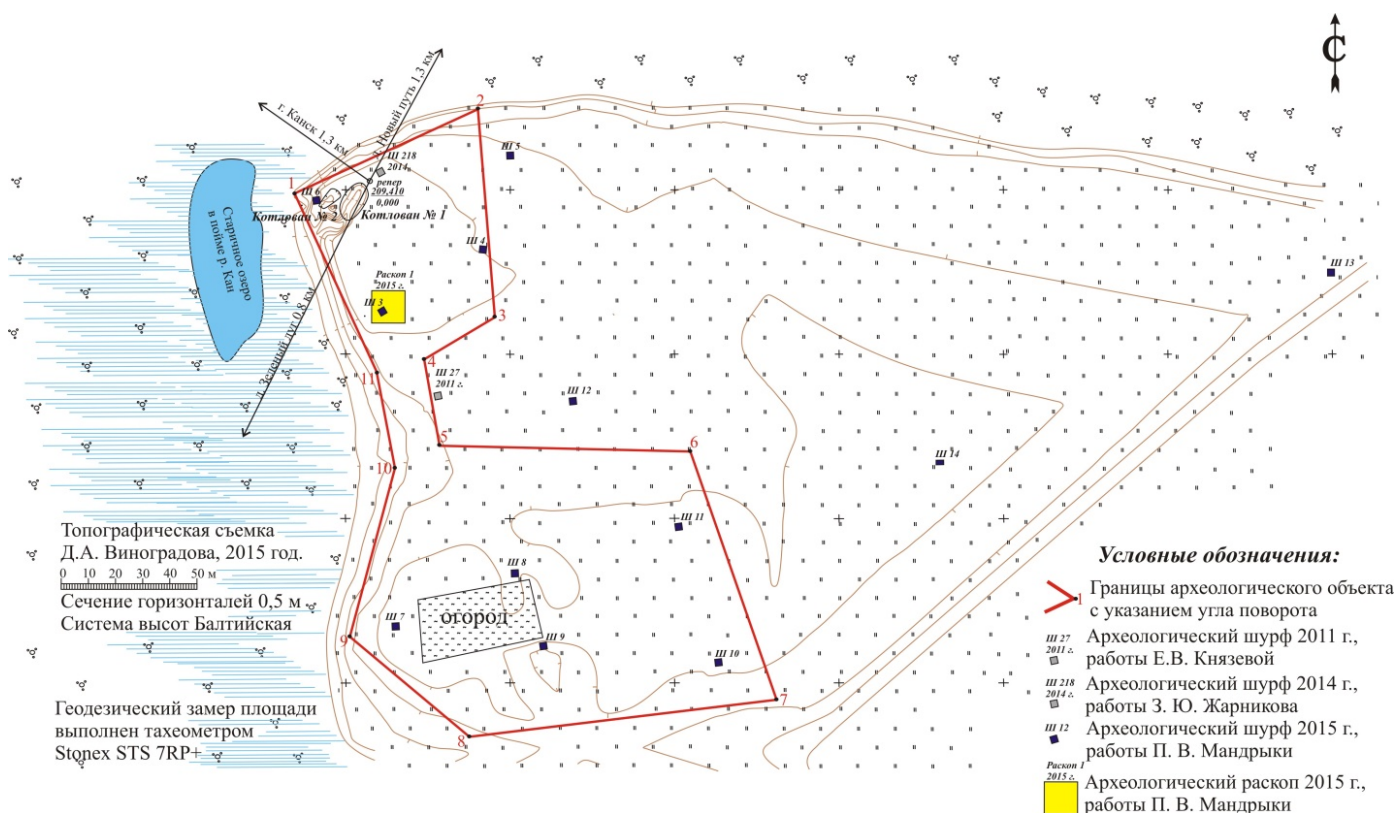

Рис. 1. Топографический план поселения Зеленый Луг I

Рис. 2. Фотография зачистки материка раскопа с выбранным заполнением всех ям

В ходе проведенных работ для всей площади памятника был определен характер геологических наслоений, который представлен следующим чередованием слоев (приводится по северной бровке участка № 3 раскопа № 1 сверху вниз, глубина, см) – рис. 3:

- дерн, темно-серая мешаная супесь с корнями травянистых растений – 0–4;
- темно-серая жирная супесчано-суглинистая почва (первый культурный слой), мешанная в верхней части толщи. Граница пахоты резкая, местами размытая, слабочитаемая, проходит на глубине 20–22 см. Нижняя граница слоя языковидная, резкая, сформирована полигональными трещинами, проникающими с глубины 25–30 см до 50 см и заполненными той же темной почвой. Из слоя на глубину до 60 и 85 см впущены ямы, заполненные мешаной темно-бурой

суглинистой почвой и линзовидными прослойками песка и/или суглинка. Подобные ямы были зафиксированы на всех участках раскопа и в шурфах № 5, 8, 9 и 11;

- бурый, темно-серый (коричневый) суглинок, плотный – 25–50. В кровле содержит находки второго культурного слоя;
- серый песок – 45–90. Материк.

Ниже отложения не вскрывались.

Выполненными археологическими вскрытиями установлено наличие двух культурных слоев. Они распространяются на возвышенных участках останца только вдоль его западного края.

Артефакты второго культурного слоя приурочены к кровле и толще бурого суглинка. Из раскопа они представлены двумя каменными отщепами и 86 обломками костей крупного копытного животного. Из шурфа № 6 – каменным

отщепом, округлой галькой со следами использования и колотым камнем. Из шурфа № 7 – каменными отщепом и пластиной. Из шурфа № 10 – тремя каменными отщепами. Слой нарушен ямами и норами, впущенными из первого слоя. Судя по стратиграфическому положению и морфологии каменных изделий, слой относится к неолиту и в данной статье не рассматривается.

Первый культурный слой представлен темно-серой супесчано-суглини-

стой почвой, покрытой дерном. Его кровля неоднократно распахивалась, находки из этого уровня, обозначенного как «к. с. 1/1», переотложены. Нижний уровень слоя (к. с. 1/2) потревожен распашкой в меньшей степени, находки из него залегали скоплениями, встречались крупные предметы. Впущенные из подошвы слоя ямы прорезали нижележащую толщу суглинка и углублялись в материк. Этот уровень был обозначен как «к. с. 1/3».

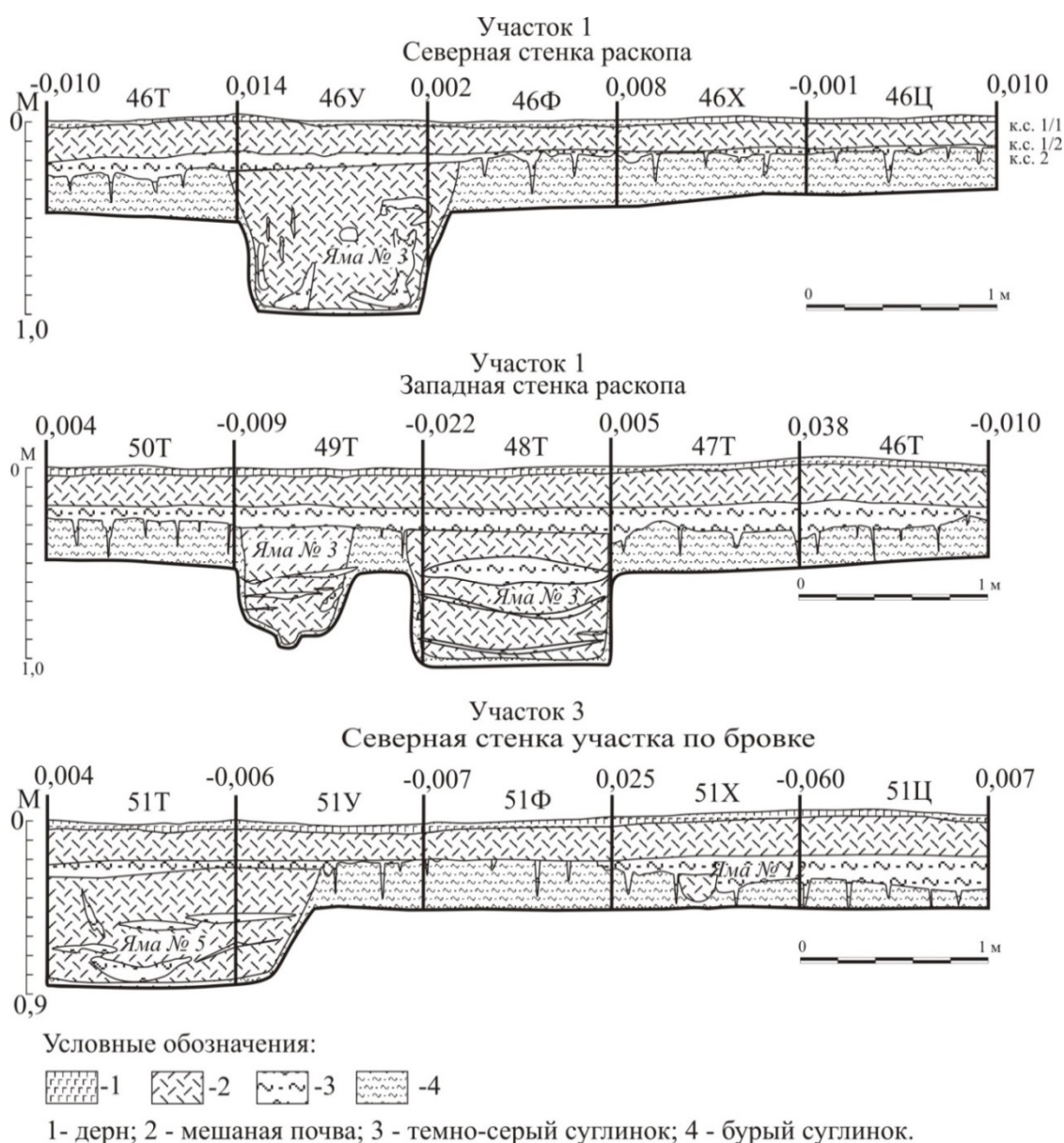

Рис. 3. Стратиграфический профиль раскопа

Артефакты верхнего уровня первого слоя залежали рассеянно и представлены фрагментами керамики, каменным пестом, бронзовой проколкой-сверлом, кусочками бронзового лома, шлака (?), а также обломками костей и зубов животных (некоторые принадлежали лошади).

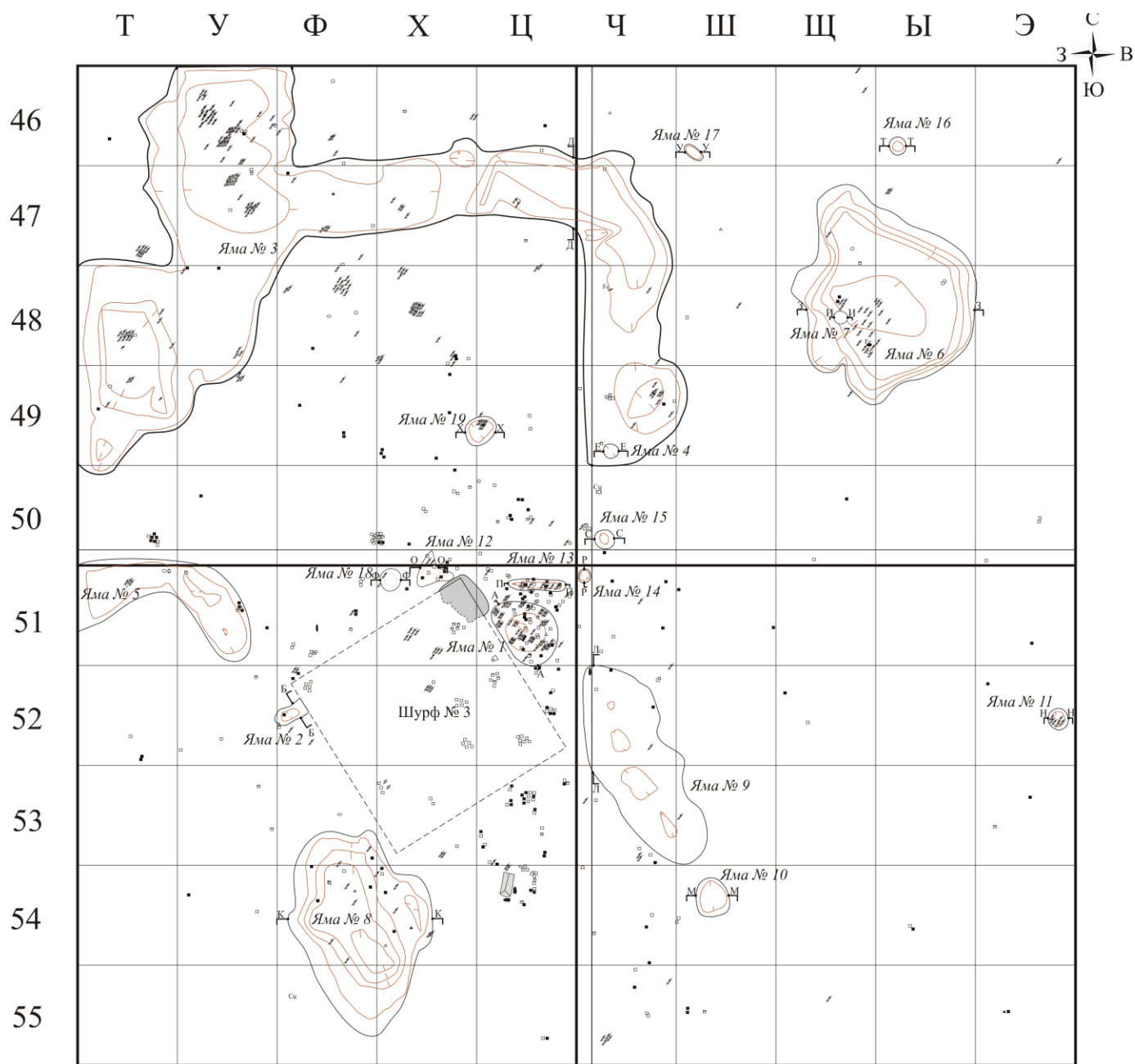
На площади раскопа находки из второго уровня первого слоя сосредоточены в основном вокруг объекта, выделявшегося пятном темной (черной) почвы неправильной треугольной формы размером 150×100 см мощностью 2 см, под которым была расчищена хозяйственная яма № 1. Она имела овальную форму, размер 80×55 см при глубине 35 см. Дно ровное, округлое. Верхний уровень заполнения выделялся почвой темно-серого цвета, в которой размещались обломки костей животных, фрагменты керамики с тонкими обмазочны-

ми валиками, фрагменты керамики без орнамента, каменный отщеп и кусок песчаника. Нижний уровень был заполнен скоплением рубленых костей лошади, залежавших в бурой рыхлой почве (рис. 4). Рядом с ямой расчищена «лепешка» спекшейся глины с включением редких мелких обломков кальцинированных костей. Она округло-подпрямоугольной формы, размер 50×30 см и толщиной 6 см. Расслаивается на три части. Почва вокруг не прокалена.

В пределах обозначенного объекта отмечены фрагменты одного керамического сосуда (рис. 7, 3), точильный камень и бронзовый всплеск, а рядом – обломок бронзового серпа, два каменных отбойника (?), кожемялка (?), пест, молоток (ретушер). На уровне слоя зафиксированы фрагменты керамики, обломки 20 определимых и 123 неопределимых костей животных.

Рис. 4. Фотография зачистки костей лошади на нижнем уровне ямы № 1

Условные обозначения:

□ фрагмент керамики без орнамента	■ фрагмент керамики с орнаментом	● каменный молоток	▬ точильный камень
○ галечник или камень	✕ колотый камень	▧ скорлупа	▢ керамическое ушко
* шлак	▣ обожженная глина	▴ костяной наконечник стрелы	▴ каменный скол
▬ фрагмент колотой кости	Fe железный предмет	▬ каменный ретушер	▬ обломок гальки
Сб бронзовый предмет		▬ каменная кожемялка	

Разрезы ям:

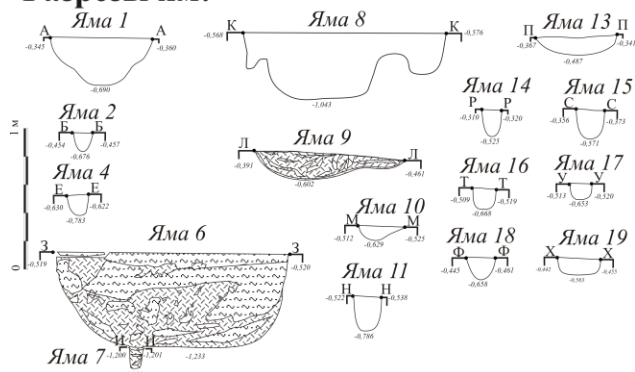

Рис. 5. План находок первого культурного слоя

С уровня слоя было впущено еще 18 ям разных размеров и глубины (рис. 5).

Яма № 2 – возможно, от столба, обнаружена в двух метрах юго-западнее хозяйственной ямы № 1. Она неправильной овальной формы, размер 40×18 см, глубина 22 см. Дно округлое, со ступенькой. В заполнении из темно-серой почвы найден фрагмент керамики с тонким налепным валиком.

Яма № 3 – в виде канавы с углубленными участками. Раскопом вскрыта ее юго-восточная часть, имеющая П-образную форму, размер 510×320 см при ширине 70–120 см и глубине 20–70 см. Дно неровное, с перемычками и углублениями. Заполнена плотной темно-серой почвой, включающей прослойки и линзы суглинка бурого цвета. В ней на разной глубине встречено большое количество костей животных, фрагменты керамики без орнамента и с обмазочным валиком. В западном секторе траншеи, в самом большом углублении возле дна найдены два наконечника стрелы: один – с расщепленным насадом, другой – с длинным черешковым насадом. В северном секторе траншеи зафиксирована пуговица (?) из фаланги животного. Назначение ямы не ясно, возможно, это нора крупного животного.

Яма № 4 – возможно, от столба, находилась на краю ямы № 3, в ее южном секторе. Она округлой формы, размер 17×15 см, глубина 15 см. Заполнена плотной темно-серой почвой.

Яма № 5 зафиксирована в 2,5 м западнее ямы № 1. Она дугообразной формы, размер 165×80 см, глубина 56 см. Дно неровное, ступенчатое. Заполнена плотной темно-серой почвой с линзами бурого суглинка. В ней отмечено скопление обломков кальцинированных костей животных, а также обломок гальки в форме бруска (оселок?).

Яма № 6 расчищена в 1,2 м восточнее ямы-траншеи № 3. Она неправильной

округлой формы, размер 170×180 см, глубина 73 см. Дно округлое, неровное. Заполнена плотной темно-серой почвой с линзами и кусками бурого суглинка. В заполнении найдены отросток рога козули с подпиленным основанием, обломки костей животных, фрагменты венчика сосуда с тонкими налепными валиками, фрагменты стенок с гладкой поверхностью и оттисками шнура, а также неопределимый коррозированный предмет из железа. Назначение ямы не ясно, на ее дне имелось углубление (яма № 7), возможно, от основания столбика. Оно имело округлую форму размером 15×15 см, глубиной 15 см с округлым дном, было заполнено плотной темно-серой почвой.

Яма № 8 находилась в 2,5 м юго-западнее ямы № 1. Она неправильной овальной формы, размер 120×190 см, глубина 73 см, с неровным дном. Заполнена плотной однородной темно-серой почвой. В ней найдены обломки костей животных, фрагменты керамики с тонкими обмазочными валиками и без орнамента, а также каменный отщеп.

Яма № 9 размещалась в 0,4 м юго-восточнее ямы № 1. Она неправильной овальной формы, размер 240×80 см, глубина 37 см, с неровным, углубленным в трех местах дном. Заполнена плотной темно-серой почвой с включением суглинка. В ней отмечен обломок расколотой кости животного.

Яма № 10 расчищена в 0,2 м юго-восточнее предыдущей. Она округлой формы, размер 32×30 см, глубина 11 см. Дно округлое. Заполнена плотной однородной темно-серой почвой.

Яма № 11, возможно, от столба. Зафиксирована возле восточной стенки раскопа. Она округлой формы, размер 20×20 см, глубина 26 см. Дно округлое. Заполнена плотной темно-серой почвой. В ней встречены фрагменты костей животных.

Яма № 12 – возможно, кротовина, расположена возле «лепешки» спекшейся

глины. Она овально-треугольной формы, размер 36×38 см, глубина 11 см. Дно ровное. Заполнена темно-серой почвой с линзовидными прослойками бурого суглинка. В ней найдены обломки костей животных и фрагмент керамики без орнамента.

Яма № 13 – от кротовины, расчищена с северной стороны от ямы № 1. Она удлиненно-овальной формы, размер 56×10 см, глубина 14 см, с ровным дном. Заполнена темно-серой почвой с кусками бурого суглинка. В ней обнаружены фрагменты керамики без орнамента, с обмазочными валиками и обломки костей животных.

Яма № 14 – от столба, отмечена с северо-восточной стороны от ямы № 1. Она округлой формы, размер 10×10 см, глубина 21 см. Дно округлое. Заполнена темно-серой почвой. Находок в ней нет.

Яма № 15 – также от столба, расчищена в 0,3 м северо-восточнее предыдущей. Она округлой формы, размер 20×20 см, глубина 22 см, с округлым дном. Заполнена темно-серой почвой, без находок.

Яма № 16 – от столба, была впущена в северо-восточной части раскопа. Она округлой формы, размер 18×18 см, глубина 16 см, с округлым дном. Заполнена темно-серой почвой. Находок в ней нет.

Яма № 17 – возможно, от столба, размещалась в 2 м западнее предыдущей, возле ямы-траншеи № 3. Она овальной формы, размер 20×10 см, глубина 12 см. Дно округлое. Заполнена темно-серой почвой, без находок.

Яма № 18 – от столба, зафиксирована с западной стороны от ямы № 1 и «лепешки» спекшейся глины. Она округлой формы, размер 20×20 см, глубина 20 см. Дно округлое. В заполнении из темно-серой почвы отмечен фрагмент кости животного.

Яма № 19 – возможно, от столба. Она расчищена в 2 м севернее ямы № 1. Имеет округлую в плане форму, размер

30×25 см, глубина 13 см. Дно округлое. Заполнена темно-серой почвой. В ней отмечены обломки костей животного.

Обсуждение материалов. Выявленные на площади раскопа ямы свидетельствуют о наличии на поселении не только нор землеройных животных, но и каких-то углубленных объектов и наземных каркасно-столбовых построек. Хозяйственная яма № 1 с уложенными в ней разрубленными костями позвоночника лошади¹ и размещавшаяся рядом «лепешка» спекшейся глины составляют один объект, назначение которого стоит еще осмысливать. Очевиден факт преднамеренного сокрытия острых обломков костей, которые не могли служить исходным сырьем для изготовления каких-либо изделий. Разброс фрагментов керамики одного сосуда и орудий производства (точильного камня, песта, молотка, отбойников (?) из галечника, бронзового всплеска) не выходит за пределы площадки, ограниченной ямами № 10, 15, 19, 18 и 2. Судя по их размерам, в них могли устанавливаться опоры для кровли и прямой стены.

Сопоставление находок на этой площадке между собой, а также с находками из других участков и уровней слоя показали их идентичность (рис. 6–8). Везде встречены галечные орудия ударно-терочного действия, бронзовые орудия и кусочки лома, шлака (?), кости животных. Сопоставляется и керамика. Фрагменты от одних и тех же сосудов отмечены на всех уровнях первого слоя. Исключения составляют скопление черепков сосуда № 3, которые обнаружены на уровне 1/2, и сосуда № 2 из шурфа № 8.

¹ Определения проведены А. М. Клементьевым.

Рис. 6. Каменный инвентарь поселения: 2–3 – уровень 1/1; 1, 4–8 – уровень 1/2

В общей сложности на памятнике на разных уровнях первого слоя найдено 638 фрагментов керамики, из них 107 обломков венчиков и стенок принадлежат восьми сосудам (рис. 7). Остальные черепки из-за их небольших размеров не идентифицируются с конкретной формой.

Сосуды лепились ручным способом из глины с примесью песка и дресвы. Обжиг хороший, черепки плотные, в изломе темно-серого, черного цвета. Наружная поверхность семи сосудов гладкая (она заглаживалась, возможно, с использованием пучка травы). Стенки одной банки покрыты оттисками от колотушки с гладкими рубчатыми отпечатками. Технический декор отмечен еще на семи небольших черепках. На поверхности шести фиксируются от-

печатки крученого шнура, на одном – «вафельный» оттиск, также оставленный при выколотке. С внутренней стороны стенки всех фрагментов гладкие, некоторые покрыты нагаром.

Шесть сосудов открытой формы с прямой шейкой и прямым венчиком. Две емкости закрытой горшковидной формы с профилированной шейкой и прямым венчиком. Толщина стенок – 0,4–0,5 см, в привенчиковой зоне она может достигать 1,0 см (с трапециевидным сечением), у одной – до 1,2 см (с Т-образным сечением).

Четыре сосуда украшены в верхней части горизонтальными налепными тонкими обмазочными валиками треугольными в сечении. Венчик при этом оставался гладким. Край одной банки оформлен рядами пальцевых защипов.

Один горшок орнаментирован по венчику насечками, а по шейке – вертикальной прочерченной полоской. На черепке от второго горшка фиксируется отверстие диаметром 0,5 см.

В керамическую коллекцию также входят три фрагмента от прямоугольных налепных ушек с двумя отверстиями (рис. 7, 4, 13), фрагмент стенки с наколом подковообразной формы (рис. 7, 15), а также отдельные черепки с тонкими налепными обмазочными валиками (77 шт.).

Подобная керамика с «обмазочными» валиками хорошо известна на обширной территории южной, средней и северной части Сибири. Для каждого района в разное время исследователями выделены ее варианты, отличающиеся формой сосудов, приемами нанесения валиков, композиционным построением орнамента. В южнотаежной зоне Среднего Енисея П. В. Мандрыка обозначает ее появление в атагарское время, а сохранение традиции ее изготовления – на протяжении всего гуннского и ранне-

средневекового периода [Мандрыка, 2008]. Такое же продолжительное существование тонковаликовой керамической традиции наблюдается в Северном Приангарье [Окладников, 1940; Мандрыка, Бирюлева, 2012; Леонтьев, Герман, 2015]. С таштыкского времени подобные комплексы отмечены на юге Сибири [Леонтьев, Леонтьев, 2009] и в Красноярском районе [Фокин, 2008], а со второй половины I тыс. н. э. – в бассейне р. Томи и Горной Шории [Ширин, 2004б], на Таймыре [Хлобыстин, 1998] и севере Западной Сибири [Чемякин, 2002]. Посуда из поселения Зеленый Луг I представляет ранний вариант тонковаликовой керамики, сопоставимой с посудой из Нижнепорожнинского I поселения, расположенного в южной тайге Среднего Енисея [Мандрыка, 1998].

Время существования поселения Зеленый Луг I определяется целой серией предметов, залежавших вместе с обозначенной керамикой в одном слое и некоторых ямах.

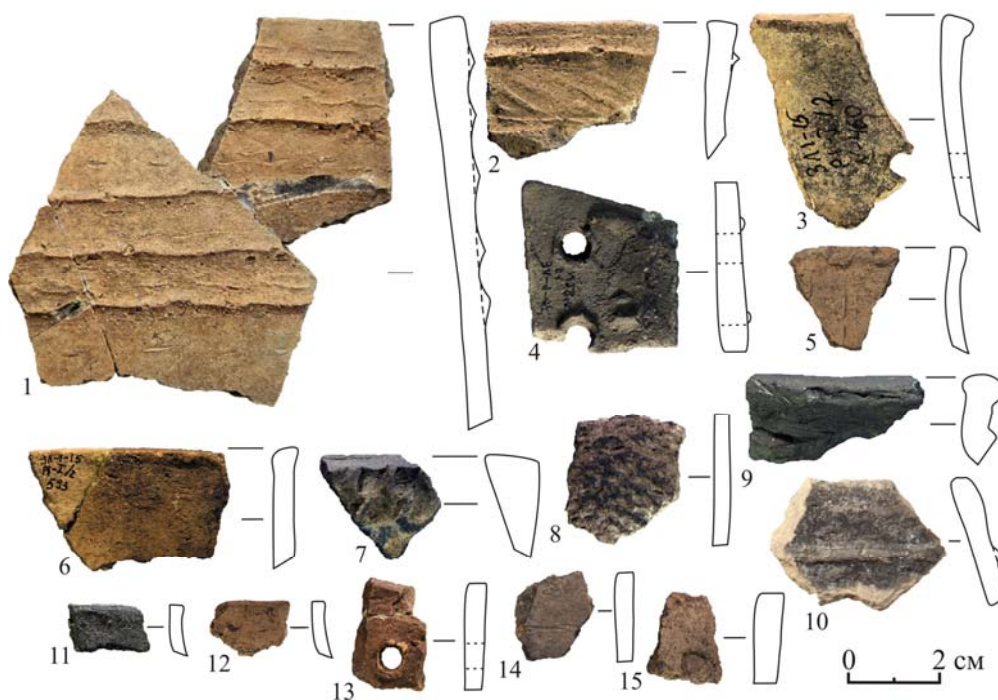

Рис. 7. Фрагменты керамических сосудов (уровень 1/1): 1 – сосуд № 1; 2 – сосуд № 4; 3 – сосуд № 3; 5 – сосуд № 8; 6 – сосуд № 7; 7 – сосуд № 5; 14, 15 – фрагменты керамики; уровень 1/2: 4, 8–9 – сосуд № 6; 10 – сосуд № 2; 11–12 – фрагменты керамики

Бронзовый серп представлен обломанной короткой рукояткой с полукруглым отверстием у основания и уступом к лезвию (рис. 8, 11). Спинка орудия прямая, заточка сохранившейся части лезвия двусторонняя. Изделие изготовлено в двухстворчатой литейной форме, о чем свидетельствуют литейные швы на ребрах рукояти. Серпы подобной формы с коротким черенком характерны для тагарской культуры, в большом количестве случайно найдены на полях Минусинской котловины, есть они и среди инвентаря из раскопанных курганов [Киселев, 1951, с. 229, 255; Степная полоса..., 1992, с. 436, табл. 86, 8, 9; Мартынов, 1979, с. 100–102, рис. 23]. Отмечено их распространение в тагарское время и в лесостепных районах около Красноярска и Канска [Максименков, 1961, с. 314]. Еще В. В. Радлов отмечал, что короткий черенок и незначительное отверстие не позволяют достаточно прочно прикрепить рукоять к серпу, при работе инструмент вкладывался непосредственно в руку [Радлов, 1894, с. 84].

Возможно, через отверстие в серпе закреплялся ремень, образуя петлю, которая надевалась на запястье руки [Мартынов, 1979, с. 101–102]. Натяжение ремешка от запястья к кисти также способствовало более надежной фиксации серпа.

Бронзовая проколка-сверло четырехгранная, с прямоугольным обушком, слегка расширяющимся телом и заостренным концом (рис. 8, 7). На ее гранях отмечены продольные углубления, а на самом острие – винтовое скручивание. Прототипом такого инструмента могли выступать бронзовые четырехгранные шилья, которые хорошо известны в культурах бронзового и раннего железного веков Сибири [Киселев, 1951, с. 121; Молодин, 1985, рис. 30; Матющенко, Синицына, 1988, с. 101, рис. 89, 12, 13; Членова, 1994, с. 71; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 33, табл. III, 12; Чича ..., 2004, с. 275]. Особенностью данного орудия выступают желобки в гранях, что характерно для проколки из памятников тесинского этапа [Степная полоса..., 1992, с. 443, табл. 93, рис. 35].

Рис. 8. Находки из первого культурного слоя и заполнения ям:

1–3 (яма № 6); 4 (яма № 3) – уровень 1/3; 5 – подъемный материал; 6 – из шурфа № 3; 7–8 – уровень 1/1; 9 – из шурфа № 9; 10–12 – уровень 1/2; 1–4 – кость; 5–6 – камень; 7–12 – бронза

Гарпуновидный наконечник стрелы двухлопастной, с шипами и удлинённым насадом, расширяющимся к приостроенному черешку (рис. 8, 1). Сечение пера ромбовидное, изготовлен из кости. Подобные наконечники стрел на длинном насаде распространены довольно широко. Часто их относят к гарпунам, так как у их основания имеется крестообразный упор. Наконечник из поселения Зеленый Луг I без упора, но со слегка расширенным основанием. Аналогии ему зафиксированы на Шестаковском городище второй половины III–I вв. до н. э. [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 107, рис. 29] и в материалах из сборов М. П. Грязнова на Чудацкой Горе в Верхнем Приобье [Шишин, 2004а, с. 53, рис. 2, 9].

Наконечник стрелы вытянутой ромбовидной формы, с расщепленным насадом (рис. 8, 2). Сечение пера линзовидное. Изготовлен из рога. Изделия такого типа находят аналогии в материалах хуннского культурного комплекса [Давыдова, 1996; Худяков, 2014, с. 133–135], в том числе на памятниках тесинского этапа [Кулемзин, 1976, с. 38; Кузьмин, 1988, с. 69, рис. 12, 11; Савинов, 2009, с. 67].

Каменный оселок представлен обломком с просверленным у края биконическим отверстием (рис. 8, 6). Такие брусковидные оселки широко распространяются по Евразии и характерны для раннего железного века в целом [Степная полоса..., 1992, с. 136; Савинов, 1994, с. 95; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 56, 1, 3].

Заключение. Таким образом, по приведенным аналогиям первый культурный слой памятника следует датировать II–I вв. до н. э. и относить к позднему этапу атагарской культуры. Не противоречит такому выводу и нахождение в слое костей лошади, обломков железных и бронзовых неопределимых изделий, орудий из галечника – брусковидного оселка (?), пестов, отбойников, молотка, а также керамических налепных прямоугольных ушек от сосудов-дымокуров.

Материалы поселения дополняют наши представления о развитии местной культуры, испытавшей влияние со стороны носителей атагарской культуры [Максименков, 1961]. Отмеченное наземное каркасно-столбовое строение и присутствие в нем орудий ударно-терочного действия вместе с бронзовым ломом и шлаком, застывшим выплеском указывают на занятие обитателей поселения бронзолитейным делом. Расширение вскрытых площадей памятника позволит выявить площадки, которые должны сопровождаться ямами и участками с прокаленной почвой, т. е. объектами со следами повышенного термического воздействия.

После наших работ южная часть поселения раскапывалась отрядом археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством Э. Н. Киргинекова. Публикация результатов этих работ существенно дополнит характеристику представленного памятника.

Список литературы

1. Археологические памятники Канской лесостепи (к своду памятников Красноярского края) / Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов, С. А. Дзюбас // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: КГУ, 1992. – Т. 1. – С. 90–93.
2. Блейнис Л. Ю. Новые данные к археологической карте Канского района // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – С. 226–235.
3. Генералов А. Г., Дзюбас С. А. К вопросу об изучении бронзового века Канской лесостепи // Палеоэкологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 121–126.

4. Генералов А. Г., Дзюбас С. А. Бронзовые кельты Канского музея // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. – С. 133–143.
5. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – Т. 2. – 176 с.
6. Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск: Краснояр. гостиполит, 1929. – 67 с.
7. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.
8. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Наука, 1951. – 643 с.
9. Кузьмин Н. Ю. Тесинсинский курган у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. – Л.: Наука, 1988. – С. 55–82.
10. Кулемзин А. М. Тагарские костяные наконечники стрел // Изв. Лаборатории археологических исследований. – Кемерово: КемГУ, 1976. – Вып. 7. – С. 30–41.
11. Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз. Пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 87–106.
12. Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 178 с.
13. Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. – 1960а. – № 1. – С. 148–162.
14. Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. – Иркутск, 1960б. – С. 43–46.
15. Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 43–46.
16. Мандрыка П. В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1998. – 24 с.
17. Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 162–164.
18. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Пропсихинская Шивера-I // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 50–61.
19. Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Тагарские поселения. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 135 с.
20. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
21. Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.
22. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
23. Окладников А. П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИ-ИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 106–112.
24. Радлов В. В. Сибирские древности. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1894. – Т. 1, вып. 3. – 178 с.

25. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с.
26. Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: Ин-т истории матер. культуры; СПб. гос. ун-т, 2009. – 226 с.
27. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – 493 с.
28. Тимощенко А. А. Археологические исследования Канско-Рыбинской котловины Иркутским государственным университетом // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 38–39.
29. Тимощенко А. А. Неолит и бронзовый век Канско-Рыбинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2013. – 32 с.
30. Толкацкий А. Н. История археологического изучения Канско-Рыбинской котловины // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – С. 32–34.
31. Троицкая Т. Н., Бородавский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
32. Фокин С. М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2008. – С. 210–214.
33. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 342 с.
34. Худяков Ю. С. Распространение костяных стрел с раздвоенным насадом и со встроенной свистункой в культурах Саяно-Алтая и Байкальского региона в хунно-сяньбийскую эпоху // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2014. – Ч. 1. – С. 133–136.
35. Чемякин Ю. П. Городище Сартым-урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2002. – Вып. 1. – С. 38–76.
36. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Ю. Н. Гаркуша, Й. Шнеевайсс, А. Е. Гришин, О. И. Новикова, М. А. Чемякина, Н. С. Ефремова, Ж. В. Марченко, А. П. Овчаренко, Е. В. Рыбина, Л. Н. Мыльникова, С. К. Васильев, Н. Бенеке, А. К. Манштейн, П. Г. Дядьков, Н. А. Кулик // Материалы по археологии Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. Вып. 4. – 336 с.
37. Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пушкинский науч. центр РАН, 1994. – 170 с.
38. Ширин Ю. В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // РА. – 2004а. – № 2. – С. 51–60.
39. Ширин Ю. В. Средневековые комплексы с желобчато-валиковой керамикой на юге Сибири // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Красноярск: Краснояр. краевой краеведческий музей, 2004б. – Ч. 1. – С. 182–189.
40. Merhart G. Bronzezeit am Enissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien: Verlag von Anton Schroll, 1926. – 189 s.

THE SETTLEMENT THE ZELENYY LUG I AND ITS VALUE FOR STUDYING OF LATE TAGAR TIME OF THE KANSK FOREST-STEPPE

In article represented and analyzed materials of a new site in the neighborhood of Kansk which contains the cultural layer of a late Tagar time settlement. By ground the construction associated with the midden, bronze, bone and stone tools characterizes the local culture of horse breeders which had influence from carriers of the Tagar culture. Dating of the settlement is II-I centuries BC. It's defined by analogies of the findings. Presence of bronze scrap and slag, bronze splashes and shock-friction tools allow authors to assume bronze making activity on the settlement.

Keywords: Kansk forest-steppe, settlement, forest-steppe variation, Tagar culture, pottery with raised borders.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ ЖЕЛЕЗНЫХ КИНЖАЛОВ ТАГАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Попытки реконструкций металлургических процессов древности неизбежно приводят к отглаженной официозной истории человечества. Как согласуется феномен наличия сложнейших в технологическом плане изготовления высокохудожественных образцов оружия с их последующим упадком и деградацией? Данный взгляд на старую тему – взгляд практический – может привести к неожиданным, инновационным способам разгадки «проклятых» вопросов величайшей из квазинаук – истории.

Ключевые слова: тагарская эпоха, железные кинжалы, ковка, литье.

Темой тагарского оружия интересовались в течение последних ста лет многие исследователи-археологи (Д. А. Клеменц, А. В. Субботин, С. В. Киселёв, Ю. С. Гришин, Н. Л. Членова, А. И. Мартынов, М. Х. Маннай-Оол, Ю. С. Худяков и др.). Существует немалое число попыток классификации кинжалов по материалу, по форме навершия, перекрестия, клинка и их сочетаний. Но если взглянуть на проблему с точки зрения технологии изготовления (имеются в виду, конечно, железные кованые, а не литые бронзовые экземпляры), то приходит мысль об еще одном, никем до сих пор не предложенном (видимо из-за отсутствия реальных, а не виртуальных попыток реконструкции) варианте классификации. Как известно, кинжал состоит из четырех основных частей: клинка, перекрестия, рукоятки и навершия. Все железные кинжалы можно разделить на три группы: а) цельнокованные (рис. 1); б) с насаживаемым перекрестием (рис. 2); в) с насаживаемым перекрестием и навершием (рис. 3). Допустимо существование четвертой группы – с насаживаемым навершием, – но подобные экземпляры автору неизвестны.

Возможно также деление кинжалов на классы по сложности изготовления. Здесь в первую очередь

следует отметить знаменитый кинжал из коллекции Эрмитажа с козлиными головами на навершии и фигурами волков на перекрестье – тип I (рис. 4). Далее (по мере упрощения): экземпляры с перекрестиями, изображающими протомы голов волков и грифонов, навершиями и рельефом на рукоятках – тип II (рис. 5); такой же, но с канелюрами на рукоятке – тип III (рис. 6); с перекрестием без рельефа (чаще бабочковидным) и «грифонным» навершием – тип IV (рис. 7); с прорезными рукоятками – тип V (рис. 8); с плоским перекрестьем и навершием и неканелированной рукояткой и клинком – тип VI (рис. 9)¹.

Рис. 1. Группа А

¹ Здесь и далее рисунки приведены без масштаба.

Рис. 2. Группа Б

Рис. 3. Группа В

Рис. 4.
Тип I

Рис. 5.
Тип II

Рис. 6.
Тип III

Рис. 7.
Тип IV

Рис. 8.
Тип V

Рис. 9.
Тип VI

Рис. 10. Отдел I

Рис. 11. Отдел II

Рис. 12. Отдел III

Разумеется, нужно учитывать и форму сечения клинка: ромбовидное с сильновогнутыми сторонами – отдел I (рис. 10); каннелированное с меняющейся шириной желобков – отдел II (рис. 11);

ромбовидное со слабовогнутыми сторонами – отдел III (рис. 12); каннелированное с желобками постоянной ширины – отдел IV (рис. 13); ромбовидное – отдел V (рис. 14).

Рис. 13. Отдел IV

Рис. 14. Отдел V

Рис. 15

Рис. 16. Способ 1

Рис. 17. Способ 2

Примеры отделов, как и типов, представлены от сложного к простому. Конечно, приведенная схема разделения не абсолютна, но думается, каждый, прикоснувшийся к теме реальной реконструкции, с ней согласится, хотя, как и в каждом правиле, здесь есть исключения или, скорее, «особые» экземпляры, отличающиеся формой отдельных частей, а следовательно, и технологией изготовления (рис. 15).

Для кинжалов группы Б могли быть применены различные способы насадки и укрепления перекрестий: 1) подгонка и посадка нагретого перекрестия на холодный клинок с немедленным охлаждением в воде для избежания нагрева и расширения клинка с последующим ослаблением соединения. Посадка осуществлялась в два этапа

с промежуточным охлаждением клинка и подогревом подогнанного по месту насадки перекрестия (рис. 16); 2) примерная подгонка перекрестия по месту, вставка в зазоры между клинком и перекрестьем медных вкладышей, подогрев, обжимка, пайка в горне. Возможно, была еще одна, окончательная, обжимка после достижения расплавления припоя. Предположение о применении подобной технологии возникло при обнаружении вкраплений меди в углублениях рельефа и в «швах» перекрестия. На клинке и рукоятке их количество сходит на нет по мере удаления от перекрестия (рис. 17); 3) подгонка, посадка и клепка перекрестия (рис. 18). Все изложенное подразумевает кузнечную обработку, но существует еще термическая (закалка) и химико-термическая (цементация) обработ-

ки железа (стали). Их применение может менять технологическую карту, по крайней мере, для кинжалов группы Б. Если посадка перекрестья производилась после закалки, то для минимизации неизбежного отпуска при контакте горячего металла перекрестья с каленым клинком следовало иметь наименьшую допустимую температуру нагрева и время контакта путем незамедлительного охлаждения в воде насаженного и обжатого перекрестья. Если нагрев под закалку производился после насадки перекрестья, то избежать ослабления жесткости соединения даже в современных условиях довольно сложно. Если перекрестье крепилось с помощью пайки медью, то нагрев под закалку (около 800 °С) с учетом температуры плавления меди (1 080 °С) не нарушал крепости соединения. Довольно надежным следует считать и клепаное соединение, которое в случае ослабления могло быть подтянуто повторно. Операция цементации является собой длительный, многочасовой процесс прогрева (900 °С) в специальном горне заготовки, погруженной в углеродосодержащую среду – мелкий древесный уголь [Колчин, 1985, с. 246] – для придания большей прочности и возможности дальнейшей закалки. Опасность ослабления жесткости соединения перекрестья с клинком при этом возрастает для всей группы Б по сравнению с нагревом под закалку.

Конечно, дальнейших исследований и попыток реконструкции ждет вопрос изготовления и насадки перекрестий и наверший со сложными рельефами [Минасян, 2014, с. 98], но здесь прогресс неизбежно зависит от применения методов разрушающего анализа, которые могут окончательно ответить на вопрос, ковались или отливались «железные тагарские кинжалы». Исследования, проведенные в 2015 г. в лаборатории

художественнойковки СФУ, в Красноярском и Минусинском краеведческих музеях, однозначно отвергают предположение об импорте этих кинжалов из Китая, где литье чугуна якобы освоили в VIII–V вв. до н. э. [Минасян, 2014, с. 98]. Искровой метод может быть не совсем точным, но в данном случае вполне применим, так как различие искр чугуна и стали очень велико, и проверка семи экземпляров на отсутствие чугуна это совершенно подтверждает (рис. 19). Все проверенные артефакты изготовлены из стали с содержанием углерода от 0,2 до 0,8 %.

Существуют разные точки зрения на происхождение тагарских железных кинжалов. Если предположить, что они местного производства (как подражание бронзовым «собратьям»), то отсутствие в те времена металлургии железа [Сунчугашев, 1979, с. 20] опровергает такой вариант. Даже при наличии импортных полуфабрикатов для изготовления подобных кованых шедевров нужны профессионалы высочайшего уровня и соответствующий инструментарий. Откуда и зачем им тут взяться? Противоположный взгляд – это импорты из ахеменидского Ирана [Членова, 1992, с. 222], которые служили моделями для бронзового тагарского литья. Находка двух «близнецов» – железного и бронзового – в приличном состоянии явилась бы «железным» аргументом в пользу этой точки зрения. Но подобные кинжалы на территориях их предполагаемого изготовления не обнаружены.

Вывод однозначен: чтобы узнать, как устроена лягушка, надо ее разрезать! Но ввиду отсутствия у автора, да и не только у него [Минасян, 2014, с. 98], материалов для вскрытия, процесс реконструкции может быть направлен по ложному пути.

Рис. 18. Способ 3

Рис. 19. Искровой метод определения химического состава стали

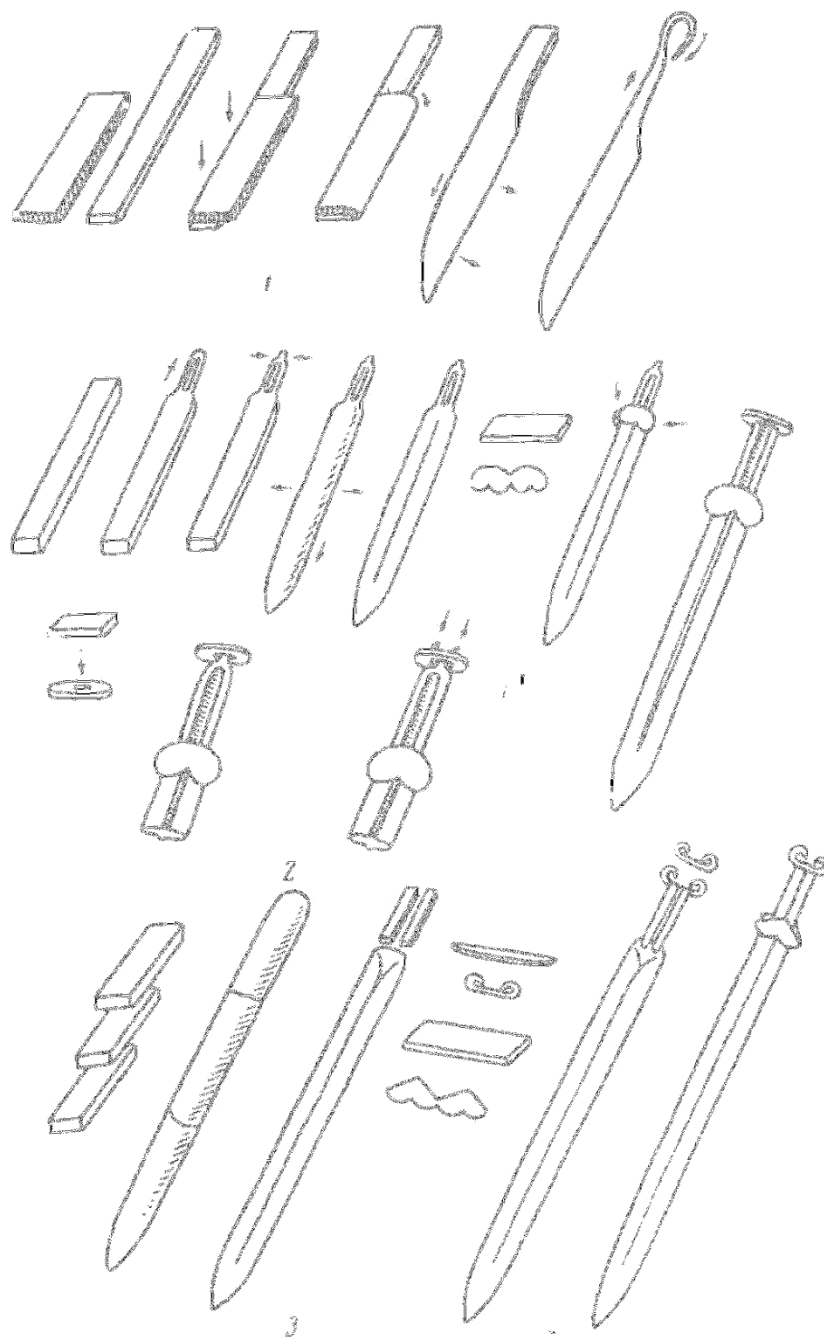

Рис. 20. Технологические схемы изготовления ножа и мечей
[по: Шрамко, 1971, с. 145, рис. 5]

Примером «бумажной» реконструкции может служить схема изготовления скифского акинака (практически идентичного по технологии с тагарскими кинжалами), предложенная Шрамко [Шрамко, 1971, с. 145, рис. 5] (рис. 20). В частности речь идет об изготовлении

и насадке перекрестия. Представленная схема, не подтвержденная реальной ковкой, – это типичный образец кабинетной мысли. Роль кузнеца-реконструктора – максимально «влезть в шкуру» своего далекого коллеги-мастера, который прекрасно знал свое ремесло.

Список литературы

1. Колчин Б. А. Древняя Русь. Город, замок, село. – М.: Наука, 1985. – 430 с.
2. Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 472 с.
3. Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакассии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1979. – 192 с.
4. Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–223.
5. Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Новые исследования техники обработки железа в Скифии // СА. – 1971. – № 4. – С. 140–153.

S. A. Kolchin

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

RECONSTRUCTION OF METALWORKING TECHNOLOGY AT MANUFACTURING IRON DAGGERS OF TAGAR TIME

Attempt to reconstruct the ancient metallurgical processes inevitably lead to uncomfortable questions ironed to the semi-official history of mankind. How does the phenomenon of the presence of the most complex in terms of technology manufacturing highly artistic types of weapons and their subsequent decline and degradation? This view on the old theme, practical view, may lead to an unexpected, innovative methods for clues of «damned» issues of greatest quasi science – history.

Keywords: Tagar epoch, iron daggers, forging, casting.

ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ*

В статье представлены результаты изучения предметов импорта, обнаруженных в ходе раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Монголии. Осуществлена систематизация материалов исследований более 30 объектов, расположенных в разных частях страны. Выявленные привозные изделия включают металлические зеркала, монеты, изделия из шелка и лака, а также брактеат (индикацию) византийской монеты. За исключением последней находки все предметы демонстрируют разного рода связи кочевников с Китаем. Брактеат византийской монеты является свидетельством западных контактов кочевников. Установлено, что большая часть рассмотренных импортных изделий датируется второй половиной VII – первой половиной VIII в. Данный хронологический отрезок характеризуется расцветом культуры раннесредневековых тюрок, что было обусловлено воссозданием кочевой империи после периода политической зависимости от Китая. Не исключено, что часть привозных изделий поступила кномадам в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для них войны 721–723 гг. Нет сомнений, что импортные вещи являлись важным показателем статуса в обществе раннесредневековых тюрок Монголии.

Ключевые слова: предметы импорта, Монголия, раннее Средневековье, тюрки, Китай, погребальные комплексы.

Важным аспектом истории раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются контакты кочевников с сопредельными территориями. Одним из показателей различного рода отношений стало появление в предметном комплексе кочевников рассматриваемого региона предметов, произведенных в ремесленных центрах оседлых земледельцев. Изучение таких изделий имеет особое значение и традиционно привлекает внимание исследователей. Специфика распространения предметов импорта отражает направления, характер и степень интенсивности взаимных контактов кочевников с соседними территориями, а также является показателем существования торговых путей в различные исторические периоды. Изделия из ремесленных центров нередко становятся важным маркером для уточнения датировки ар-

хеологических комплексов Центральной Азии. Фиксируемые особенности использования привозных вещей кочевниками демонстрируют место этих предметов в быту и в ритуальной практике кочевников, отражая социальную дифференциацию и некоторые стороны мировоззрения скотоводов обширного региона.

Выше обозначены лишь наиболее важные факторы, определяющие необходимость специального исследования импортных изделий из археологических памятников кочевников Центральной Азии. В настоящей статье представлены основные результаты систематизации и анализа подобных вещей из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии. Используются результаты раскопок более 30 объектов, изученных в разных частях страны [Серегин, 2014]. При интерпретации особен-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Азиатская часть России и Китай: традиции и механизмы трансграничного взаимодействия в древности и Средневековье», МК-7457.2016.6).

ностей распространения импортных вещей в памятниках Монголии учитывались более многочисленные материалы исследований погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона.

Изделия из шелка. Одной из наиболее распространенных групп импортных предметов в археологических памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются изделия из шелка. Чаще всего такие находки сохраняются в виде фрагментов. При этом в ряде случаев представляется возможным реконструировать первоначальную форму изделий, а также изучить орнамент. Серия подобных находок зафиксирована в ходе раскопок тюркских погребений на территории Монголии. К настоящему времени накоплен значительный опыт в изучении китайских шелковых изделий раннего средневековья [Бентович, Гаврилова, 1972; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989; Лубо-Лесниченко, 1994; Кубарев, 2005 и др.]. Эти сведения позволяют осуществить атрибуцию находок из памятников Монголии.

Анализ сохранившегося орнамента позволил выделить несколько основных групп шелковых тканей, зафиксированных в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии [Тишкин, Серегин, 2013, с. 63]. Некоторые из них обнаружены и в комплексах, раскопанных на территории Монголии. Один из известных вариантов орнаментации шелковых тканей второй половины I тыс. н. э. представлен изделиями с изображением драконов с «древом жизни» в медальонах, между которыми помещены стилизованные пальметки. Судя по известным материалам, такие находки получили широкое распространение

у кочевников Центральной Азии [Захаров, 1926, табл. VI; Бентович, Гаврилова, 1972, рис. 3–4; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 408; Кубарев, 2005, табл. 53–55, 64, 76, 1 и др.]. Период их наиболее широкого распространения ограничен концом VII – первой половиной VIII вв. [Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 413; Кубарев, 2005, с. 30]. К этой группе шелковых тканей относится находка из погребения Наинтэ Суме [Боровка, 1927, рис. 7] (рис. 1, 1). Кроме того, схожая система орнаментации, но с некоторыми отличиями, представлена на фрагменте шелка из захоронения могильника Джаргаланты [Евтюхова, 1957, рис. 9–10] (рис. 1, 2).

Несколько небольших фрагментов шелка обнаружены в ходе раскопок ограбленного погребения Хана [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Endrei, 1967]. Зафиксированные изделия демонстрируют различный орнамент, довольно подробно рассмотренный в специальной статье [Endrei, 1967]. Наиболее полно сохранился фрагмент с орнаментом в виде так называемых цветочных ромбов (рис. 1, 3). Обозначенные изделия находят аналогии в материалах танского времени, в том числе в известной коллекции императорской сокровищницы Сёсоин, относящейся ко второй половине VIII в. [Endrei, 1967, fig. 2; Лубо-Лесниченко, 1994, с. 91–92].

Еще один фрагмент шелкового изделия обнаружен в скальном погребении Жаргалант Хайрхан [Rock Tomb..., 2009, fig. 15]. Судя по имеющимся описаниям и иллюстрациям, орнамент на ткани отсутствует. Отличительной особенностью находки является китайская надпись из четырех иероглифов, которая требует дальнейшего исследования [Там же, р. 380].

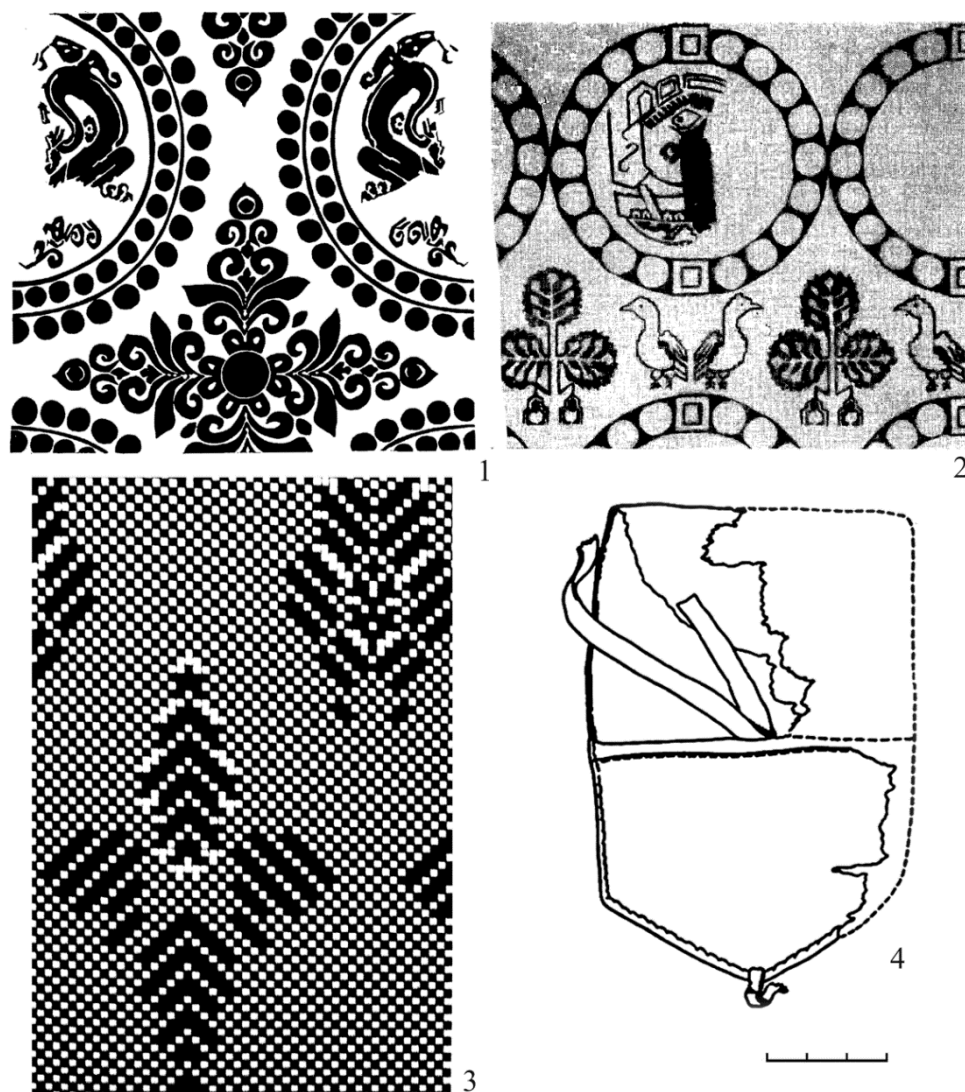

Рис. 1. Шелковые изделия из памятников Монголии
[по: Боровка, 1927, рис. 7; Евтюхова, 1957, рис. 5, 12, 10; Endrei W.Gy., 1967, fig. 1]

Далеко не во всех случаях при исследовании тюркских погребений Монголии установлено изначальное расположение шелковых изделий, а также особенности их назначения. Судя по имеющейся информации, ткани являлись частью одежды, использовались при изготовлении футляров для хранения мелких бытовых предметов (зеркало, гребень, монеты), а также могли быть частью конского снаряжения (подстилка под седло).

Металлические зеркала. Гораздо более редкой по сравнению с шелковыми тканями категорией находок из памятников раннесредневековых тюрок являются *китайские* металлические зеркала. К настоящему времени в закрытых комплексах известно всего 19 экземпляров, представленных целыми изделиями и фрагментами [Тишкин, Серегин, 2013, табл. 2]. В тюркских погребениях Монголии обнаружены две такие находки.

Рис. 2. Китайское зеркало в шелковом футляре из комплекса Джаргаланты
[по: Евтюхова, 1957, рис. 3, 4, 1]

Первая из них представлена зеркалом из захоронения кургана № 2 некрополя Джаргаланты [Евтюхова, 1957, рис. 3, 4, 1] (рис. 2). Данная находка демонстрирует один из наиболее распространенных типов подобных изделий китайского происхождения из раннесредневековых памятников Центральной Азии. Это зеркало округлой формы с центральной шишкой-петлей, вокруг которой помещены четыре льва в зарослях винограда. Внутреннее орнаментальное поле предмета отделено валиком в виде виноградной лозы; во внешнем изображены иволги среди виноградных побегов. Подобные изделия, имеющие некоторые вариации в оформлении, обнаружены в ряде погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона [Грач, 1958, рис. 8, 9; Kenk, 1982, abb. 9, 2; Овчинникова, 1990, рис. 33, 17; 2013, табл. XII, 4; Кубарев, 2005, табл. 46, 4], а также зафиксированы в ходе исследований синхронных комплексов на сопредельных территориях [Распопова, 1972, рис. 2; Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 15–20; Грушин, Тишкин, 2004, рис. 1, 1; Молодин, Соловьев, 2004, рис. XIV, табл. XVIII, 43; и др.]. Датировка зеркал

такого типа определяется в рамках VII–IX вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 18].

Вторая находка китайского зеркала обнаружена в погребении комплекса Наинтэ Суме [Боровка, 1927, табл. IV, 1]. Изделие сохранилось в виде небольшого фрагмента, однако представляет большой интерес для изучения. Судя по оставшейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, зеркало может относиться к экземплярам ханьского времени, или демонстрировать более позднюю копию такого предмета. Следует отметить, что подобная ситуация уже неоднократно отмечена при исследовании тюркских погребальных комплексов. Ряд изделий из раннесредневековых захоронений Алтая VII–IX вв. имеет характеристики, сближающие их с произведениями китайских ремесленников дотанского времени [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 34; Лубо-Лесниченко, 1975, с. 41; Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII, XXIV].

Особенности расположения китайских металлических зеркал в тюркских погребениях Монголии полностью соотносятся с закономерностями в реа-

лизации данного компонента ритуальной практики, зафиксированными в ходе раскопок памятников кочевников Алтае-Саянского региона второй половины I тыс. н. э. [Серегин, 2007]. Целые зеркала в захоронениях раннесредневековых тюрок обнаружены чаще всего в районе головы умершего человека [Грач, 1958, с. 26, рис. 3; Савинов, 1994, с. 148, рис. 102; Длужневская, 2000, с. 180; Кубарев, 2005, с. 376, табл. 94]. Подобная же ситуация отмечена и в ходе раскопок комплекса Джаргаланты [Евтюхова, 1957, с. 209, рис. 2]. Несколько иная закономерность наблюдается в отношении фрагментов зеркал. В тех случаях, когда удалось зафиксировать точное расположение таких предметов, они были помещены в районе пояса или у ноги покойного [Грач, 1968, с. 106; Савинов, 1982, с. 111]. Данной традиции соответствует место находки фрагмента зеркала в погребении Наинтэ Суме [Боровка, 1927, с. 74, рис. 6].

Обозначенные довольно устойчивые закономерности расположения металлических зеркал в могиле могут быть объяснены с точки зрения их использования в повседневной жизни или с учетом специфики мировоззренческих представлений кочевников. Помещение рассматриваемых изделий в районе пояса умершего, по всей видимости, обусловлено тем, что они носились в поясной сумочке-футляре. Не исключено, что фрагменты зеркал подвешивались прямо на пояс [Руденко, 2004, с. 126], что демонстрируется их редким расположением у ноги покойного. Менее однозначной представляется интерпретация частого расположения изделий у головы умершего человека. Объяснение этой закономерности может быть связано с непосредственной утилитарной функцией зеркала, которое помещалось рядом с головой, чтобы покойный мог «смотреться» в него [Худяков, 2001, с. 95, 98]. Другое объяснение следует искать в наличии

определенных представлений, связанных с указанной частью тела. Особое отношение к голове человека возникло в древности [Медникова, 2004, с. 40] и имело различное проявление. Возможно, некоторые специфические элементы ритуала, зафиксированные при исследовании ряда погребений эпохи средневековья в Южной Сибири, могут быть объяснены именно с этой точки зрения [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, с. 78–79].

В контексте объяснения обозначенных наблюдений определенный интерес представляют сведения о специфике использования металлических зеркал в обряде населения Поднебесной империи – регионе, с которым связано происхождение большинства подобных находок из тюркских комплексов. В древних и средневековых погребениях Китая рассматриваемые изделия часто фиксируются среди других предметов сопроводительного инвентаря [Масумото, 2005, с. 302]. Известно, что определенное распространение получил обычай подвешивать зеркало над изголовьем кровати для того, чтобы отогнать нечистую силу [Маракуев, 1947, с. 169]. В данном случае возникает вопрос о степени проникновения культурных традиций китайского общества в среду кочевников. С одной стороны, очевидно, что комплекс мировоззренческих представлений кочевников и жителей Поднебесной империи различались коренным образом, что усугублялось сложными политическими отношениями. В то же время постоянные контакты элиты скотоводов с китайскими дипломатами, торговцами и чиновниками не проходили бесследно. К примеру, вполне возможно, что некоторые орнаментальные сюжеты китайских зеркал могли восприниматься и переосмысливаться кочевниками. Не лишенным оснований представляется предположение о том, что кочевники выбирали для подделки типы зеркал с определенными, более понятными им изображениями

[Лубо-Лесниченко, 1975, с. 23]. В период раннего средневековья этому могло способствовать упрощение символики танских зеркал, которая стала менее каноничной и более доступной для некитайских народов [Масумото, 2005, с. 301]. Таким образом, можно рассматривать предположение о восприятии номадами традиций в размещении зеркал в погребении.

Необходимо также отметить, что обозначенные закономерности в расположении зеркал в могиле характерны для многих культур кочевников раннего железного века и Средневековья степного пояса Евразии [Тишкин, Серегин, 2011, с. 111–115]. Объяснение схожести зафиксированных традиций может заключаться в наличии универсальных представлений, связанных с использованием металлических зеркал.

Монеты. Еще одной показательной группой китайских изделий, в редких случаях обнаруживаемых в памятниках кочевников Центральной Азии, являются монеты. Такие находки традиционно привлекают внимание специалистов, так как представляют собой достаточно надежные хронологические маркеры, демонстрируя *terminus post quem* для конкретных объектов. Наиболее ча-

сто в археологических комплексах раннего Средневековья обнаружены монеты «кайюань тунбао». В 621 г. был осуществлен первый выпуск изделий данного типа, ставших самыми долговечными в истории Китая и получивших наибольшее распространение за его пределами. При этом помимо находок оригинальных монет фиксируются многочисленные подделки и подражания, что также является показателем их «популярности» [Воробьев, 1963, с. 63; Зеймаль, 1999, с. 192–206].

Именно к типу «кайюань тунбао» относятся монеты, обнаруженные в единственном тюркском погребении на территории Монголии. Изделия зафиксированы в ходе раскопок неоднократно упомянутого в настоящей статье женского захоронения комплекса Джаргаланты [Евтюхова, 1957, рис. 8] (рис. 3). Семь монет были уложены в шелковый мешочек, перевязанный тесемкой [Евтюхова, 1957, с. 212]. Подобные изделия, относящиеся к разным выпускам, встречаются в ряде тюркских погребений на сопредельных территориях [Евтюхова, 1948, рис. 116; Грач, 1960, рис. 78; 1966, рис. 22; Овчинникова, 1982, рис. 3, 1; 2004, рис. 8, 11; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 9, 1; Кубарев, 2005, рис. 16, 8].

Рис. 3. Китайские монеты из комплекса Джаргаланты [по: Евтюхова, 1957, рис. 8]

Анализ особенностей распространения китайских монет показывает, что бытование таких предметов у раннесредневековых кочевников если и было связано с использованием их как эквивалента стоимости [Щербак, 1960], то, безусловно, только этим не ограничивалось. Не лишенным оснований представляется утверждение о том, что подобные изделия могли носиться как амулеты [Басова, Кузнецов, 2005, с. 135]. Свидетельством изменения первоначальных функций предметов можно считать благожелательные надписи, нанесенные на отдельных экземплярах [Добродомов, 1980; Кляшторный, 2006, с. 117]. Не лишены оснований предположения о том, что китайские монеты использовались для украшения одежды в качестве нашивных блях, являлись частью ожерелий, подвесок, входили в состав наборного пояса и др. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30; Камышев, 1999, с. 59; Масумото, 2001, с. 52; Филиппова, 2005, с. 15]. В ряде случаев, когда определено расположение рассматриваемых изделий в могилах раннесредневековых тюрок Центральной Азии, они находились в районе пояса умершего человека. Вероятно, данная ситуация отражает ношение монет в поясной сумочке, остатки которой сохранились в некоторых погребениях [Овчинникова, 1982, с. 213; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 96]. При этом в тюркском погребении, исследованном на территории Монголии, такая находка была помещена в районе головы покойной [Евтюхова, 1957, с. 212]. Интересно отметить, что рассматриваемое женское погребение комплекса Джаргаланты является единственной женской могилой тюркской культуры, в которой обнаружены китайские монеты. Во всех остальных случаях такие изделия являлись частью сопроводительного инвентаря погребений мужчин.

Лаковые изделия. Наиболее редкой категорией предметов китайского импорта, обнаруженных в раннесредневековых комплексах Центральной Азии, является *изделия из лака*. На сегодняшний день известно всего две таких находки в тюркских погребениях, одно из которых раскопано на территории Монголии [Евтюхова, 1957, с. 210–211, рис. 6], а второе исследовано в Туве [Длужневская, 2000, с. 180]. Судя по сохранившимся остаткам изделий, в обоих случаях чашечки были изготовлены с применением черного лака. Зафиксированы также иероглифы, изображенные красным цветом на их стенках. Интересно отметить высокую степень сходства элементов обрядовой практики этих объектов, в том числе набор сопроводительного инвентаря. Помимо обозначенных захоронений, остатки лаковой чашечки отмечены в одном кыргызском погребении, раскопанном на территории Минусинской котловины [Евтюхова, 1948, рис. 4–5]. Других подобных изделий в раннесредневековых комплексах Центральной Азии нам не известно.

Ограниченное количество имеющихся материалов, а также отсутствие специальных работ не позволяют использовать информационный потенциал лаковых изделий из тюркских погребальных комплексов. Широкий спектр современных возможностей в указанном направлении демонстрирует накопленный в последние годы опыт изучения подобных находок из археологических памятников Алтая и Монголии раннего железного века [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008; Полосьмак, Кундо, 2011; Елихина, Новикова, 2013; Новикова, Степанова, Хаврин, 2013; Elikhina, Novikova, Khavrin, 2013; Дашковский, Новикова, 2015; Сутягина, 2015 и др.].

Рис. 4. Брактеат (индикация) византийской монеты из комплекса Увгунт
[по: Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990, рис. 1]

Брактеат византийской монеты. Единственной импортной находкой из тюркских погребений Монголии, происхождение которой не связано с Китаем, является *золотой брактеат (индикация) византийской монеты* из комплекса Увгунт (рис. 4). В отличие от рассмотренных выше предметов, данное изделие, судя по имеющимся сведениям, отражает западные контакты раннесредневековых кочевников. Проведенный анализ находки позволил заключить, что брактеат изготовлен в подражание византийским монетам Ираклия или Леонтия, что ограничивает возможный период его производства рамками второй половины VII – первой половины VIII в. [Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990, с. 10–12]. Характеристики изделия дают основания для предположения о том, что реплика выполнена согдийским мастером, который, судя по имеющейся на брактеате рунической надписи, мог проживать в восточных согдийских колониях [Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990, с. 11; Klyashtornyj, 1993, p. 129–131].

Западные контакты раннесредневековых тюрков Центральной Азии отра-

жают и другие подобные нумизматические находки. Впервые индикация монеты обнаружена в 1937 г. в ходе раскопок раннесредневекового комплекса Туэкта в Центральном Алтае [Киселев, 1949, табл. LII, 3]. Материалы исследований данного памятника до сих пор опубликованы крайне фрагментарно. Согласно описанию, рассматриваемое золотое изделие обнаружено в центральном ограбленном погребении кургана № 2 обозначенного некрополя [Киселев, 1949, с. 305]. Важно отметить, что на данной индикации также зафиксированы знаки, напоминающие руническую письменность. Серия подобных находок существенно пополнилась в результате раскопок элитного раннесредневекового комплекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) в Монголии [Эртний нуудэлчдийн..., 2013, т. 183–196]. Проведенный анализ данной нумизматической коллекции, насчитывающей более 40 предметов, позволил выделить золотые индикации византийских, согдийских и сасанидских монет, произведенных, судя по зафиксированным характеристикам изделий, в Восточном Согде [Горбунов, Серов, 2015, с. 77].

Заключение. Итак, небольшая коллекция импортных изделий, обнаруженных в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Монголии, представлена фрагментами шелковых тканей, металлическими зеркалами, монетами, одним лаковым изделием, а также брактеатом (индикацией) монеты. За исключением последней находки, все предметы демонстрируют разного рода связи кочевников с Китаем. Брактеат византийской монеты является свидетельством западных контактов номадов.

Большая часть рассмотренных импортных изделий датируется второй половиной VII – первой половиной VIII в. Данный хронологический отрезок характеризуется расцветом культуры раннесредневековых тюрок, что было обусловлено воссозданием кочевой империи после периода политической зависимости от Китая. Не исключено, что часть привозных изделий поступила к номадам в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для них войны

721–723 гг. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 109].

Нет сомнений, что импортные вещи являлись важным показателем статуса в обществе раннесредневековых тюрок Монголии. Это подтверждается не только редкостью изделий, но также тенденциями их распространения в археологических комплексах. В большинстве случаев китайские предметы обнаружены в «богатых» захоронениях, сопроводительный инвентарь которых включал и другие ценные находки. Стоит отметить, что большая часть рассмотренных выше предметов импорта обнаружена в ходе раскопок всего пяти погребений [Боровка, 1927; Евтюхова, 1957; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Наван, Сумьябаатар, 1987; Rock Tomb..., 2009]. В четырех из них находились сопроводительные захоронения двух лошадей, что является максимальным количеством животных в тюркских комплексах Монголии и может также считаться важным показателем социального статуса погребенного человека.

Список литературы

1. Басова Н. В., Кузнецов Н. А. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 134–136.
2. Бентович И. Б., Гаврилова А. А. Мугская и катандинская камчатые ткани // Краткие сообщения Института археологии. – 1972. – Вып. 132. – С. 31–37.
3. Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 43–88.
4. Воробьев М. В. К вопросу определения старинных китайских монет «кайюань тунбао» // Эпиграфика Востока. – 1963. – Вып. XV. – С. 123–139.
5. Горбунов В. В., Серов В. В. Нумизматические материалы из тюркского кургана Шорон Бумбагар // Изв. Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – 2015. – № 4/1 (88). – С. 72–78.
6. Грач А. Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. – 1958. – № 4. – С. 18–34.
7. Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экс-

педиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. I. – С. 73–150.

8. Грач А. Д. Исследования в Бай-Тайге // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II.: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 81–107.

9. Грач А. Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Краткие сообщения Института археологии. – 1968. – Вып. 114. – С. 105–111.

10. Грушин С. П., Тишкин А. А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и Средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 239–243.

11. Дашковский П. К., Новикова О. Г. Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана № 31 могильника Чинета-II (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайс. ун-та, 2015. – С. 115–119.

12. Длужневская Г. В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 178–188.

13. Добродомов И. Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрков // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М.: Наука, 1980. – С. 94–97.

14. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.

15. Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. – 1957. – № 2. – С. 207–217.

16. Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. – 1941. – Вып. 16. – С. 75–117.

17. Елихина Ю. И., Новикова О. Г. Исследования китайских лакированных чашечек эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – № 1 (7). – С. 135–146.

18. Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. – 1926. – Вып. 1. – С. 71–106.

19. Зеймаль Е. В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху Средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1999. – С. 192–206.

20. Камышев А. М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. – 1999. – Вып. IV. – С. 57–65.

21. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. (МИА № 9).

22. Кляшторный С. Г. Монета с рунической надписью из Монголии // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – С. 115–119.

23. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.

24. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., Шкода В. Г. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: инф. бюлл. – 1990. – Вып. 16. – С. 5–16.

25. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

26. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М.: Наука, 1975. – 155 с.
27. Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 326 с.
28. Лубо-Лесниченко Е. И. Трифонов Ю. И. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1989. – С. 406–416.
29. Маракуев А. В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области: тр. ТГУ им. В. В. Куйбышева. – 1947. – Т. 98. – С. 167–174.
30. Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 49–52.
31. Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: ДонНУ, 2005. – Т. 2. – С. 295–304.
32. Медникова М. Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетея, 2004. – 208 с.
33. Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 71–86.
34. Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-II на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 184 с.
35. Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1987. – 155 т.
36. Новикова О. Г., Степанова Е. В., Хаврин С. В. Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – № 1 (7). – С. 112–124.
37. Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. – 1982. – № 3. – С. 210–218.
38. Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 223 с.
39. Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. – М.: РУСАКИ, 2004. – С. 86–110.
40. Овчинникова Б. Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы / Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 139–172.
41. Полосьмак Н. В., Кундо Л. П. Новые данные о лаковых изделиях из ноин-улинских курганов (по результатам междисциплинарных исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 171–175.
42. Распопова В. И. Зеркала из Пенджикента // Краткие сообщения Ин-та археологии. – 1972. – Вып. 132. – С. 65–69.
43. Руденко К. А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. – 2004. – № 1–2 (12–13). – С. 111–156.

44. Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.
45. Савинов Д. Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 104–124.
46. Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). – Л.: Наука, 1988. – С. 83–103.
47. Серегин Н. Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 5. – С. 115–121.
48. Серегин Н. Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 1 (9). – С. 101–114.
49. Сутягина Н. А. Лаковые изделия из погребений могильника Бугры в Алтайском крае // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Хух-Хото: Музей Внутренней Монголии, 2015. – Т. 2. – С. 619–628.
50. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.
51. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – Вып. 1(7). – С. 49–72.
52. Тишкин А. А., Хаврин С. В., Новикова О. Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алтайс. ун-та, 2008. – С. 196–200.
53. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
54. Филиппова И. В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
55. Худяков Ю. С. Бронзовые зеркала пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – Вып. 7. – С. 94–102.
56. Щербак А. М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // Вестник древней истории. – 1960. – № 2. – С. 139–141.
57. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа / А. Очир, Л. Эрдэнэболд, С. Харжаубай, Х. Жантегин. – Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 2013. – 290 с.
58. Elikhina Y., Novikova O., Khavrin S. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science // Asian Archaeology. – 2013. – V. 2. – P. 93–107.
59. Endrei W. Gy. Silk Fabrics of Grave I at Hana // Acta archaeologica. – 1967. – T. XIX. – P. 423–428.
60. Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. – 1967. – T. XIX. – P. 335–370.

61. Kenk R. Frühmittelalterliche Graber aus West-Tuva. – München: Verlag C.H. Beck, 1982. – 100 p.

62. Klyashtornyj S. G. The runic inscription on a golden bracteate from Mongolia // *Türk Dilleri Araştırmaları*. – 1993. – V. 3. – P. 129–131.

63. Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report / Ts. Törbat, D. Batsükh, J. Bemann, T.O. Höllmann, P. A. Zieme // *Current Archaeological Research in Mongolia*. – Bonn, 2009. – P. 365–383.

N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul

IMPORT PRODUCTS FROM THE FUNERAL COMPLEXES OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN MONGOLIA

The article considers the import products found during excavation of funeral complexes of early medieval Turks in the territory of Mongolia. The author analyses the materials of more than 30 objects located in different parts of the country. The revealed imported things include metal mirrors, coins, products from silk and varnish, and also copy of the Byzantine coin. Except for the last find, all objects show different kinds of communications of nomads with China. The copy of the Byzantine coin is the evidence of the western contacts. It is established that the most part of the considered import products is dated within the second half of VII – the first half of the 8th centuries AD. This period is characterized by prosperity of culture of early medieval Turks that has been caused by a reconstruction of the nomadic empire after the period of political dependence on China. It is possible that the part of imported products became the result of the favorable trade agreements with China signed following the results of war of 721–723, successful for nomads. There are no doubts that import things were an important indicator of the position in the Turkic society.

Keywords: import objects, Mongolia, early Middle Ages, Turkic peoples, China, funeral complexes.

КОЛЛЕКЦИЯ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В СОБРАНИИ ОМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

В статье анализируются предметы вооружения из коллекции, собранной на территории Минусинского округа и переданной в музей Русского географического общества в начале XX в. сотрудниками конторы «Гергард и Гей». Эти находки были изучены автором статьи во время работы в Омском краеведческом музее в 2015 г. В статье изложены основные события истории исследования железных предметов вооружения из раскопок древних и средневековых памятников на территории Минусинской котловины в XVIII–XX вв. В составе изучаемой коллекции имеется железный кинжал с рукоятью, перекрестием и навершием в виде кольца овальной формы. Судя по аналогичным находкам из раскопок древних курганов, могил и оружейных кладов, кинжал из Минусинского округа должен относиться к предметному комплексу тесинского этапа тагарской культуры. Среди предметов изучаемой коллекции имеется редкая находка железного наконечника копья с трехгранным в сечении острием. Данный наконечник принадлежал оружейному комплексу кыргызов воинов на рубеже эпох раннего и развитого Средневековья. В составе изучаемой коллекции имеется три железных наконечника стрел различных форм. Подобные трехлопастные и плоские наконечники стрел были на вооружении у енисейских кыргызов воинов во второй половине I – начале II тыс. н. э. Коллекция предметов вооружения из Минусинского округа дополняет имеющиеся сведения об оружии древних и средневековых кочевников Южной Сибири.

Ключевые слова: древнее и средневековое оружие, кинжал, наконечник копья, наконечники стрел, Минусинский округ, музейная коллекция.

В фондах музеев многих городов России, в том числе Сибири, и некоторых зарубежных стран, хранятся представительные коллекции древнего и средневекового оружия из Минусинской котловины. Изучение этих предметов интересно не только в оружейноведческом, но и историко-научном аспектах, поскольку некоторые из них были собраны в конце XIX – начале XX в. известными путешественниками, учеными и любителями из России и Финляндии, такими как Г. Н. Потанин, И. С. Боголюбовский, А. М. Талльгрэн и другие [Худяков, 1984, с. 88]. Предметы древнего и средневекового вооружения из Минусинской котловины неоднократно становились объектом изучения со стороны российских и зарубежных исследователей.

О находках наконечников стрел в «кыргызовских могилах» в Минусинской котловине впервые упомянули известные ученые, принимавшие участие в работах Великой Северной экспедиции 1730-х гг., Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин и Т. Э. Фишер [Фишер, 1774, с. 53; Вадецкая, 1973, с. 99]. Однако, судя по тому, что в этих могилах находили не только стрелы, но и остатки кожаной обуви, они должны были принадлежать не кыргызам, а кыштымам. В 1860-х гг. В. В. Радлов впервые выделил среди минусинских древностей «погребения новейшей эпохи железного века», исследованные им в долине р. Абакан и привлек для их этнокультурной атрибуции сведения российских и немецких синологов, в которых говорилось об «истинных» кир-

* Работа выполнена по гранту РНФ (проект № 14-28-00045).

гизах. Он предположил, что каждое захоронение совершалось под двумя курганными насыпями, под одной из которых помещалось тело умершего человека, а под второй – утварь и оружие, в том числе наконечники стрел [Радлов, 1989, с. 454–457].

Одним из первых ввел в научный оборот находки древних и средневековых железных предметов вооружения из Минусинской котловины известный исследователь древностей Южной Сибири и Центральной Азии Д. А. Клеменц в конце XIX в. Среди них представлены наконечники стрел и копий, кинжалы, боевой топор [Клеменц, 1886, табл. XIV, 3–6, 10, 13, XV, 1–17, 19, XVI, 1–16]. Большую коллекцию железных предметов вооружения из Минусинской котловины опубликовал в конце XIX в. шведский ученый Ф. Р. Мартин. В 2004 г. его книга, включая находку железного кинжала и железных наконечников стрел, были переизданы на русском языке [Мартин, 2004, с. 106–123; табл. 26, 10; 27–34]. Оружие из состава Ишимской коллекции в собрании Красноярского музея, в том числе железный палаш, кинжалы, копья и наконечники стрел описал в начале XX в. А. П. Ермолаев [Ермолаев, 1914, с. 2–6]. Предметы вооружения из собрания Товостина из Минусинской котловины, включая средневековые железные наконечники стрел, клинковое оружие и кольчугу приобретенные музеем Хельсингфорса, опубликовал в 1917 г. А. М. Талльгрэн [Tallgren, 1917, pl. XII, 1, 7–15]. Отдельные находки клинкового оружия и железные наконечники стрел из средневековых памятников Красноярского района проанализировал в 1929 г. В. Г. Карцов [Карцов, 1929, с. 48–50; табл. IV, 42–49, 52–57, 61].

В 1929 г., опираясь на «классические» разработки В. В. Радлова, С. А. Теплоухов классифицировал погребальные памятники бронзового, раннего железного и средневекового периодов на отдель-

ные культуры и этапы. Среди них им были выделены курганы эпохи чаа-тасов и захоронения по обряду кремации, ингумации и ингумации с конем, относящиеся к периодам раннего и развитого Средневековья [Теплоухов, 1929, с. 54–61]. В составе сопроводительного инвентаря средневековых памятников им были отмечены предметы вооружения [Теплоухов, 1929, табл. II, 28, 32, 35 61, 64]. В 1939 г. В. П. Левашова привлекла в качестве иллюстраций для своей популярной книги об истории Красноярского края находки железных наконечников стрел, копья, палаша, боевого топора, кинжала и панцирных пластин [Левашова, 1939, табл. XV, 1–14].

В последующие годы исследователи, обращавшиеся к анализу вещественных и изобразительных источников по военному делу древних и средневековых кочевников Минусинской котловины, опирались преимущественно на материалы новейших раскопок. В совместной статье Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, вышедшей в свет в 1940 г., были введены в научный оборот золотые бляшки с изображением скачущих всадников, стреляющих из луков, обернувшись назад. У двух всадников на поясе изображены колчаны [Евтюхова, Киселев, 1940, с. 49; рис. 54; табл. VII, а, б; VIII, а].

В монографическом исследовании Л. А. Евтюховой об археологических памятниках енисейских кыргызов, вышедшем в свет в 1948 г., впервые в качестве самостоятельной темы для научного исследования было выделено военное дело кыргызов [Евтюхова, 1948, с. 103–107]. Автор привлекла для анализа сведения китайских летописей и древнетюркских рунических надписей, а также изображения кыргызских воинов с Сулекской писаницы, опубликованные в 1931 г. Я. Аппельгрэн-Кивало [Appelgren-Kivalo, 1931, s. 5–6; Abb. 81]. Л. А. Евтюховой проанализированы бронзовые бляшки с изображением воинов, одна из которых

была обнаружена в д. Колмаковой Минусинского округа [Евтюхова, 1948, с. 106]. По мнению С. В. Киселева, изложенном в его монографическом исследовании, в VI–VIII вв. енисейские кыргызы изготавливали трехгранные, трехлопастные и плоские наконечники стрел, а также мечи, однолезвийные палаши и кинжалы. Он предполагал, что копья, «по-видимому, применялись в меньшем числе, и находки их наконечников, имеющих вид массивной рогатины, сравнительно редки». Кыргызские панцири и шлемы он реконструировал по сведениям письменных источников и наскальным рисункам с Сулекской писаницы [Киселев, 1949, с. 325]. Отдельные находки предметов вооружения из кыргызских курганов, раскопанных на территории Тувы, были введены в научный оборот Л. Р. Кызласовым в 1969 г. [Кызласов, 1969, с. 102–103, 112]. В дальнейшем, предметы вооружения из кыргызских курганов эпохи развитого средневековья были рассмотрены И. Л. Кызласовым [Кызласов, 1983, с. 37–39]. С начала 1970-х гг. исследование вооружения енисейских кыргызов раннего и развитого Средневековья проводит автор настоящей статьи. В 1980 г. результаты работ были обобщены в монографическом исследовании [Худяков, 1980, с. 27–130]. Наряду с материалами из раскопок курганов кыргызских воинов и сборов предметов вооружения с разветвленных поселений, к анализу были привлечены находки оружия из коллекций столичных и сибирских музеев [Худяков, 1982, с. 96–99; 1983, с. 90–93; 1984, с. 90–96]. Отдельные находки кыргызских железных наконечников стрел были выявлены в музеях Синьцзяна [Худяков, 1992, с. 35–36]. В 1997 г. были обобщены материалы по вооружению енисейских кыргызов монгольского времени [Худяков, 1997, с. 8–25]. Комплекс вооружения енисейских кыргызов эпохи позднего Средневековья был обобщен

Л. А. Бобровым и Ю. С. Худяковым в 2008 г. [Бобров, Худяков, 2008, с. 635–639]. Некоторые предметы вооружения из раскопок кыргызских курганов эпохи позднего Средневековья в Южной Сибири были введены в научный оборот С. Г. Скобелевым [Скобелев, 2015, с. 308–310]. Достигнутые к настоящему времени основные результаты изучения оружия енисейских кыргызов показывают, что для реконструкции комплексов вооружения кыргызских воинов, относящихся к различным периодам военной истории, наряду с находками предметов вооружения из раскопок, исследователи неоднократно привлекали материалы из музейных коллекций.

Небольшая, но информативная коллекция железных предметов вооружения из Минусинской котловины хранится в фондах Омского краеведческого музея. В начале XX в. эти предметы, собранные в Минусинском округе, были переданы в музей Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в г. Омске сотрудниками конторы «Гергардт и Гей». Согласно записи в книге поступлений Омского краеведческого музея, в коллекции было девять железных наконечников стрел, все черешковые трехлопастные, из них восемь – с отверстиями на лопастях, один – с гладкими лопастями [Худяков, 1983, с. 90]. Во время работы с археологическими коллекциями данного музея в начале 1980-х гг. автору настоящей статьи удалось познакомиться с тремя трехлопастными и четырьмя плоскими железными черешковыми наконечниками стрел из Минусинского округа [Худяков, 1983, с. 90–92].

В 2015 г. в ходе осмотра оружейного собрания Омского краеведческого музея были выявлены еще несколько предметов древних и средневековых железных предметов вооружения, также привезенных в Омск из Минусинского округа сотрудниками конторы «Гергардт и Гей». Среди предметов данной кол-

лекции имеется изделие, которое можно отнести к периоду этнографической современности, заслуживающее специального рассмотрения. В коллекционной описи музея данное собрание находок железных предметов вооружения значится под № 4443.

В составе изучаемой коллекции имеется один железный кинжал. У него уплощенно-ромбический в сечении, прямой двулезвийный клинок с остроугольным острием, плавно расширяющийся к перекрестью. По вертикальной оси клинка с обеих сторон выделено ребро. На обоих лезвиях клинка имеются небольшие углубления – зазубрины. Клинок цельнокованный с рукоятью, уплощенно-овальный в сечении. Рукоять отделена от клинка съемным, уплощенно-ромбическим в сечении перекрестьем, повторяющим сечение клинка. Перекрестье завершается уплощенно-кольчатым навершием. Длина клинка – 19,5 см, ширина клинка – 3,9 см, высота рукояти с перекрестьем и навершием – 11 см. (рисунок, 1). Подобные кинжалы с кольцевым, а также с округлым навершием ранее неоднократно находили в составе погребальных комплексов и кладов металлических изделий хуннского времени в Минусинской котловине и Туве [Клеменц, 1886, табл. XIV, 6; Кузьмин, 1983, с. 75, рис. 1; Пшеницина, 1992, с. 231, табл. 94, 1; Кунгурова, Оборин, 2013, с. 128–129, рис. 2, 1–3; Худяков, 2013, с. 379–382]. Судя по имеющимся аналогиям, железный кинжал из Минусинского округа из собрания Омского краеведческого музея можно отнести к клинковому оружию рукопашного боя древних кочевников – носителей тесинского этапа тагарской культуры в Минусинской котловине [Худяков, 1986, с. 59–60].

В изучаемом собрании предметов вооружения из Минусинского округа, доставленных в Омский музей сотрудниками конторы «Гергардт и Гей», имеется железный наконечник копья. У это-

го копья трехгранное в сечении перо, удлиненно-ромбической формы с затупленным острием и пологими плечиками, удлиненная, округлая в сечении шейка и длинная коническая втулка, нижняя часть которой имеет повреждения. Длина пера – 4 см, ширина пера – 1,8 см, длина шейки и втулки – 12,5 см (рисунок, 2). В памятниках культуры енисейских кыргызов железные наконечники копий встречаются сравнительно редко. Среди них преобладают копья с уплощенно-ромбическим, четырехгранным и круглым в сечении пером [Худяков, 1980, с. 52, 55; Худяков, 1997, с. 18–19]. Очень редкие находки представляют собой наконечники палм с трехгранным в сечении пером, похожие на однолезвийные клинки кинжалов или ножей с короткой втулкой для крепления к древку, обнаруженные в кыргызских курганах на памятнике Эйлиг-Хем III в Туве [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 28–29]. В комплексе оружия ближнего боя енисейских кыргызов и кыргызских кыштымов эпохи позднего Средневековья в Средней и Южной Сибири были представлены наконечники копий и дротиков с уплощенно-линзовидным и ромбическим в сечении пером [Бобров, Худяков, 2008, с. 297, 300]. Наконечники копий с уплощенно-треугольным в сечении пером представлены среди древкового колющего оружия тибетских воинов позднего Средневековья и Нового времени [Бобров, Худяков, 2008, с. 303–307]. Судя по тому, что находки наконечников копий встречаются в кыргызских курганах, относящихся к рубежу эпох раннего и развитого Средневековья, копье из коллекции предметов вооружения из Минусинского округа должно относиться к этому же времени. На территории Казахстана близкие по конструкции пера наконечники копий использовались в позднем Средневековье и в Новое время [Бобров, Худяков, 2008, рис. 95, 14–15, 17–21].

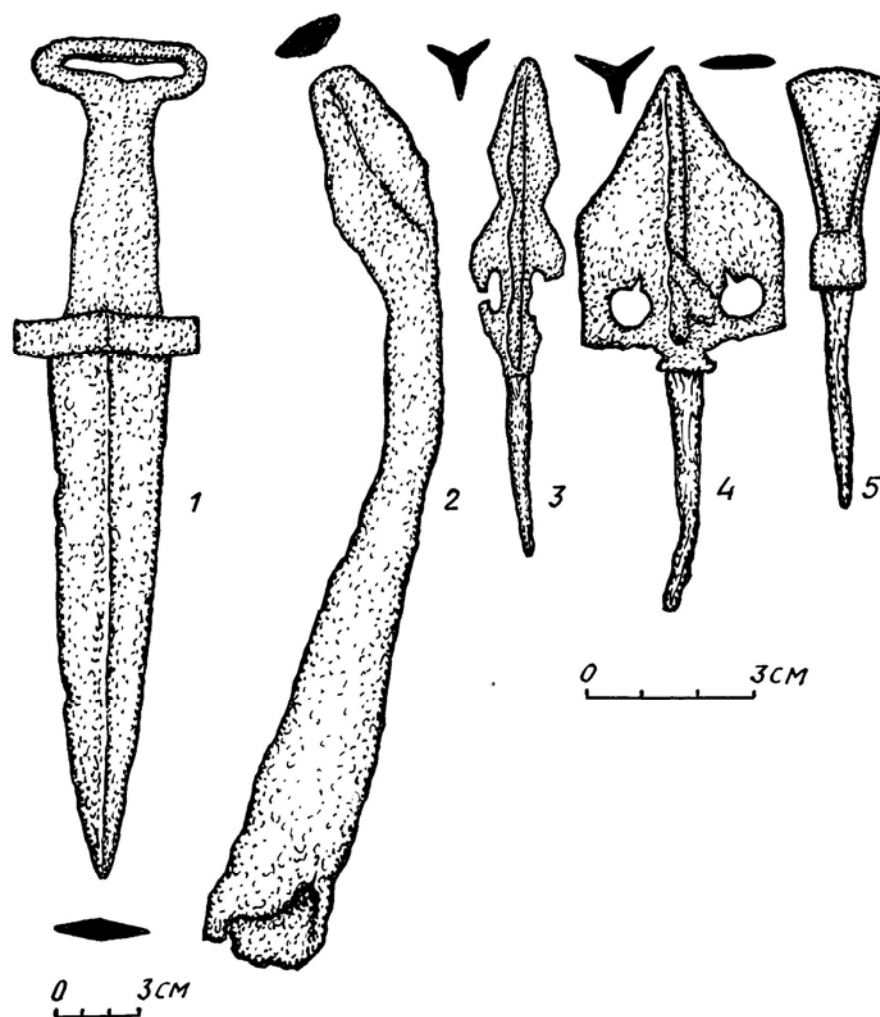

Рисунок. Железные предметы вооружения из Минусинского округа: 1 – кинжал; 2 – наконечник копья; 3, 4 – трехлопастные наконечники стрел; 5 – плоский наконечник стрелы

В исследуемой коллекции предметов вооружения из Минусинского округа, выявленных в Омском краеведческом музее, представлены три железных черешковых наконечника стрел. По сечению пера они подразделяются на две группы. К первой группе относятся наконечники с трехлопастным в сечении пером. По форме пера среди них выделяется два типа наконечников.

Первый тип – наконечник с ярусным пером. У него выделенный боек удлиненно-ромбической формы, слегка расширенные лопасти и пологие плечи-

ки, удлиненный черешок. В каждой из лопастей есть овальные отверстия. Лопастей имеют повреждения в местах расположения отверстий. Длина пера – 5,6 см, ширина пера – 1,8 см, длина черешка – 3,2 см (рисунок, 3). Трехлопастные наконечники ярусного типа были на вооружении у кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона с хуннского времени. Подобные стрелы имелись в распоряжении у хуннских и сяньбийских воинов, у носителей булан-кобинской, кокзельской, таштыкской, верхнеобской, кок-пашской куль-

тур и памятников айрыдашского типа [Худяков, 1986, с. 31, 70–71, 92, 111–112; Худяков, Юй Су-Хуа, 2005, с. 11; Худяков, 2005, с. 22, 32, 40, 45, 47; Горбунов, 2006, рис. 23, 3, 4, 6–11, рис. 24, 1–4, 14, 19–23]. В арсенале средств ведения дистанционного боя кыргызских воинов они были в период их проживания в Минусинской котловине в VI–VIII вв. н. э. [Худяков, 1980, с. 88]. В эпоху раннего Средневековья стрелы с ярусными наконечниками были на вооружении у воинов племен байырку и шивэй, носителей сросткинской культуры [Худяков, 1991, с. 30, 52–53; Горбунов, 2006, рис. 30, 1, 2]. Вероятнее всего, трехлопастной ярусный наконечник стрелы из Минусинского округа в коллекции Омского краеведческого музея должен датироваться VI–VIII вв. н. э.

К другому типу необходимо отнести наконечник стрелы с вытянуто-пятиугольным пером. У данного наконечника остроугольное острие, вытянуто-пятиугольное перо с широкими лопастями, прямыми плечиками, выделенным упором и длинным черешком. В нижней части лопастей имеются округлые отверстия с небольшими треугольными вырезами, направленными в сторону острия. Одна из лопастей имеет повреждение. Длина пера – 5,5 см, ширина пера – 3,5 см, длина черешка – 4,4 см (рисунок, 4). Трехлопастные наконечники стрел с пером вытянуто-пятиугольной формы с округлыми и полулунными отверстиями были на вооружении у енисейских кыргызских лучников в течение периодов раннего и начала развитого Средневековья. Подобные наконечники крупных размеров были наиболее распространены в эпоху Кыргызского Великодержавия [Худяков, 1980, с. 98–99]. В эпоху раннего Средневековья вытянуто-пятиугольные наконечники были на вооружении у древних тюрок, уйгуров, кимаков, курыкан, байырку, шивэй [Худяков, 1986, с. 145, 171, 184–185; 1991, с. 10, 30, 52]. Веро-

ятно, трехлопастной наконечник вытянуто-пятиугольной формы может быть отнесен к IX–X вв. н. э.

Согласно коллекционной описи Омского краеведческого музея в его собрании должно быть девять железных трехлопастных наконечников стрел, из числа которых восемь с отверстиями в лопастях [Худяков, 1983, с. 90]. К настоящему времени удалось определить четыре трехлопастных стрелы с отверстиями и один без отверстий [Там же, рис. 1, 1–3].

Еще один железный наконечник стрелы из Минусинского округа, который был изучен в Омском краеведческом музее, имеет плоское в сечении перо. Его можно отнести к типу секторных наконечников. У него закругленное острие, уплощенное перо с пологими плечиками, выделенный упор, длинный черешок. Длина пера – 4 см, ширина пера – 1,8 см, длина черешка – 4 см (рисунок, 5). Железные плоские наконечники стрел появились на вооружении у кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона в хуннское время. Единичная находка секторного черешкового наконечника была обнаружена в хуннском памятнике Черемуховая Падь в Забайкалье [Коновалов, 1976, с. 175, табл. I, 10]. Отдельные находки железных плоских секторных наконечников стрел имеются в материалах культуры сяньби и улуг-хемкой культуры в Туве [Худяков, 2005, с. 22, рис. I, 22; с. 29; рис. IV, 19]. В эпоху раннего и начальный период развитого Средневековья железные плоские секторные наконечники были на вооружении у байырку и киданей [Худяков, 1991, с. 36, 76]. У енисейских кыргызов подобные наконечники стрел получили распространение в монгольское время [Худяков, 1997, с. 9]. В эпоху позднего Средневековья плоские секторные стрелы были в распоряжении у бурятских лучников и енисейских кыргызов [Бобров, Худяков, 2008, с. 98, 635]. Вероятно, железный

плоский секторный наконечник стрелы из Минусинского округа может относиться к монгольскому времени.

Изучение предметов вооружения из коллекции Омского краеведческого музея показывает, что с помощью при-

менения методов типологической классификации оружия по формальным признакам, анализируемые предметы могут служить информативным источником по истории оружия средневекового населения Среднего Енисея.

Список литературы

1. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: СПбГУ, 2008. – 776 с.
2. Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Кемер. гос. пед. ин-т, 1973. – Вып. VI. – С. 91–159.
3. Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – М.: «Фундаментал-Пресс», 1998. – 84 с.
4. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алтайс. ун-та, 2006. – 232 с.
5. Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены // Тр. Государственного исторического музея. – М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1940. – Вып. XI. – С. 21–54.
6. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.
7. Ермолаев А. П. Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. – Красноярск: Краснояр. подотдел И.Р. географич. о-ва, 1914. – Вып. 1. – 19 с.
8. Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. – Красноярск, 1929. – 29 с.
9. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – № 9. – 362 с.
10. Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Атлас. – Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1886. – 21 табл.
11. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 246 с.
12. Кузьмин Н. Ю. Тесинские погребальные памятники на юге Хакасии у г. Саяногорска // Древние культуры евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 72–75.
13. Кунгурова Н. Ю., Оборин Ю. В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 126–136.
14. Кызласов И. Л. Аскизская культура южной Сибири X–XIV вв. Свод археологических источников. – М.: Наука, 1983. – Вып. ЕЗ-18. – 128 с.
15. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 1969. – 211 с.
16. Левашова В. П. Из далекого прошлого Красноярского края. – Красноярск, 1939. – 68 с.
17. Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. – 144 с.

18. Пшеницина М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 224–235.
19. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
20. Скобелев С. Г. Наконечники стрел крылатой формы с железными свистунками у енисейских кыргызов // Кыргызский и Караханидский каганаты: Благодатные знания и государство. – Бишкек: Изд-во «Maxprint», 2015. – С. 307–311.
21. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV. Вып. 2. – С. 41–62.
22. Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – СПб.: Императ. акад. наук, 1774. – 631 с.
23. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
24. Худяков Ю. С. Кыргызские наконечники стрел из Бийского музея // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 95–100.
25. Худяков Ю. С. Кыргызские железные наконечники стрел из Омского краеведческого музея // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – С. 90–93.
26. Худяков Ю. С. Кыргызские наконечники стрел из Иркутского музея // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд. АГУ, 1984. – С. 88–97.
27. Худяков Ю. С. вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
28. Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
29. Худяков Ю. С. Комплекс находок из Вашися – памятника кыргызской культуры в Восточном Туркестане // Изв. Академии наук Республики Кыргызстан. Общественные науки. – 1992. – № 1. – С. 34–37.
30. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 160 с.
31. Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело nomадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2005. – С. 7–18.
32. Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских nomадов в II–V вв. н. э. // Военное дело nomадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2005. – С. 19–55.
33. Худяков Ю. С. Железные кинжалы из оружейных кладов хуннского времени в Южной Сибири // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 379–385.
34. Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. – Helsingfors, 1931. – 72 s.
35. Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Chapitres d archaeologique Sibirienne. – Helsingfors: Societe Finlands d archaeologie, 1917. – 93 p.

**COLLECTION OF ANCIENT AND MEDIEVAL WEAPON
FROM THE MINUSINSK HOLLOW IN ASSORTMENT
OF THE OMSK LOCAL HISTORY MUSEUM**

It is analyzed in the article the objects of armament from collection, that was gathered in the territory of Minusinsk district and transited to the museum of Russian Geographical Society by workers of «Gerhard & Geih» office in the beginning of the 20th century. Those findings were studied by author of article during his working in the Omsk local history museum in 2015. It is stated in the article the primary events of history of research of the iron objects of armament from excavations of ancient and medieval monuments in the territory of the Minusinsk Hollow in the 18th – 20th century. It is available the iron dagger with the handle, guard and pommel in the form of ring of oval shape as a part of studied collection. Judging by analogous findings from excavations of ancient burial mounds, graves and weapon treasures, the dagger from Minusinsk district has to relate to the complex of objects of the Tes' phase of the Tagar culture. It is available an infrequent finding of iron tip of spear with the trihedral edge in section among the objects of studied collection. That tip belonged to weapon complex of the Kyrgyz warriors at the turn of the eras of the Early and High Middle Ages. It is available the three iron tips of arrows of different forms as a part of studied collection. The similar three-bladed flat tips of arrows were in the inventory of the Yenisei Kyrgyz warriors in the second half of the 1st millennium – the beginning of the 2nd millennium A.D. Collection of the objects of armament from Minusinsk district supplements the available data about weapon of the ancient and medieval nomads of Southern Siberia.

Keywords: ancient and medieval weapon, dagger, tip of spear, tips of arrows, Minusinsk district, museum collection.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ БОЛЬНИЧНОГО КОМПЛЕКСА В ЮЖНОЙ НАГОРНОЙ ЗОНЕ ЕНИСЕЙСКА*

В статье** приводятся результаты комплексного анализа древесины с построек памятника архитектуры регионального значения – городской больницы южной Нагорной зоны Енисейска. Результаты дендрохронологического анализа подтвердили архитектурно-планировочные датировки шести из семи построек: флигель № 2 – 1893 г.; главное здание больницы – 1895 г.; жилой дом и флигели № I, III, IV – 1896 г. При определении времени сооружения седьмой постройки – амбара, разница с архитектурно-планировочной датировкой составила около 50 лет. В этом случае, несмотря на архаичные черты (характерные для енисейского зодчества середины XIX в.), этот памятник был возведен одновременно с другими постройками больницы в конце XIX в.

Результаты исследования показали, что почти все архитектурно-планировочные датировки объектов культурного наследия оказались верными за исключением памятников, выбывающих из общей канвы. Представленная работа является частью комплексного дендрохронологического исследования объектов деревянного зодчества, приуроченного к четырехсотлетию юбилею Енисейска.

Ключевые слова: история Сибири, архитектура, памятник деревянного зодчества, архитектурно-планировочная датировка, дендрохронология, Енисейск.

Енисейск – один из исторически значимых городов Сибири. На протяжении XVII–XVIII вв. он был главными воротами в Восточную Сибирь и Дальний Восток: через него проходили основные торговые пути на Тобольск и Москву, Илимск и Якутск, Монголию и Китай и др. На енисейских судовых верфях строились корабли для формирования северного завоза и экспедиций [ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 68, 481, 522, 523, 761, 878; ЕГКМ отд. Фондов. Папка 5. Д. 4022–12; Папка 6. Ед. 3536]. В XIX в. Енисейск (в составе Енисейской губернии) вошел в десятку лучших уездных городов Российской империи. Открытие в 1840-х гг. золотоносных месторождений в Северо-енисейской тайге позволило городу стать центром добывающей промышленности Сибири, что явилось значительным импульсом к развитию

экономики и культуры Енисейска. В это время в богатом купеческом городе работали мастера плотницкого дела, создавшие прекрасные архитектурные сооружения в стиле классицизма, благодаря чему Енисейск приобрел уникальный облик, став одним из красивейших городов Сибири.

В настоящее время в Енисейске сохранился целый ряд разноплановых по назначению и традициям возведения объектов культурного наследия, значительную часть которых составляют памятники деревянного зодчества (более 100 строений). Несмотря на приближающееся четырехсотлетие со дня основания города, ряд объектов культурного наследия находится в аварийном состоянии, например, комплекс старинной усадьбы Лапшиных (пер. Партизанский, 16). Кроме того, время сооружения большей

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-06986), РГНФ (проект № 15-31-01005).

** Авторы выражают огромную благодарность архитектору Е. В. Гевель за неоценимую помощь в подготовке публикации.

части сохранившихся построек определено достаточно приблизительно на основании архитектурно-планировочного анализа согласно каталогу объектов культурного наследия г. Енисейска¹. Это связано с тем, что письменные источники малочисленны (погибли в пожарах, утрачены в результате небрежного хранения и др.) и не содержат информации о времени их возведения. В этом случае необходимо проведение работ, позволяющих заполнить существующие пробелы в градостроительной истории города.

В данной работе представлено комплексное исследование сооружений старой городской больницы южной нагорной части Енисейска – уникального в плане изучения истории города памятника. Выбор данного комплекса для исследования обусловлен наличием на его территории построек возведенных в разных традициях; упоминанием о нем в исторических данных о декабристах, находившихся здесь на излечении; а также его территориальная целостность. Представленное исследование является частью работы по историко-архитектурному и дендрохронологическому исследованию памятников деревянного зодчества, проводимой авторами с целью актуализации культурного наследия Красноярского края.

Материалы. Исследуемый в данной работе больничный комплекс расположен на юго-западе от берегового центра города в исторически сложившейся нагорной части г. Енисейска, которая, в свою очередь, разделена на отдельные среднюю и южную зоны [Проект охранных зон города Енисейска..., 1970; Гевель, 2004]. Если средняя зона нагорной части г. Енисейска заселялась с XVIII в., то южная начала осваиваться только на рубеже XVIII–XIX вв. с постройки на месте исследуемого в данной работе комплекса больницы

[ЕФГАКК. Ф. 9. Оп. 1. Ед. 38; Буланков, 1989]. На протяжении XIX в. зона расстроилась в северном направлении, где на сегодняшний день сохранились выразительные деревянные усадьбы с каменным подклетом – наиболее типичные постройки южной нагорной зоны (ул. Бограда, 77 и ул. Бограда, 53). Характерной особенностью данной части города является наличие разнообразных хозяйственных строений, свидетельствующих о бурной экономической деятельности г. Енисейска того времени. До нас дошли разнообразные амбары и крупные пакгаузы, а также пристроенные к жилым домам кладовые и флигели, у которых отдельные элементы выполнены из корабельных плах (с круглыми отверстиями от деревянных шкантов) отслуживших речных судов. Примером подобных сооружений служат памятники деревянного зодчества по ул. Крупской, 54 и ул. Перенсона, 80.

Участок, на котором расположен памятник, по адресу ул. Декабристов, 1 значительно вытянут в широтном направлении и ограничен с востока ул. Дударева (100×300 м). Комплекс состоит из главного корпуса и четырех флигелей, амбара и жилого дома. В восточной части участка расположена березовая роща. По данным аннотированного списка памятников истории и культуры г. Енисейска, комплекс имеет статус регионального значения. Согласно информации с памятной таблички фасада корпуса больницы на этом месте в 1829 г. находились на излечении декабристы Ф. П. Шаховской и Н. С. Бобрищев-Пушкин. В 1920-х гг. здесь оперировал выдающийся русский нейрохирург и священник В. Ф. Войно-Ясенецкий (Св. Лука), которому принадлежит изобретение местной анестезии в начале XX в. и научный труд по хирургии, получивший Сталинскую премию в годы Великой Отечественной войны [Гевель, 2013].

¹ Историко-культурное наследие г. Енисейска. URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/object/17/ru> (дата обращения: 20.10.2015).

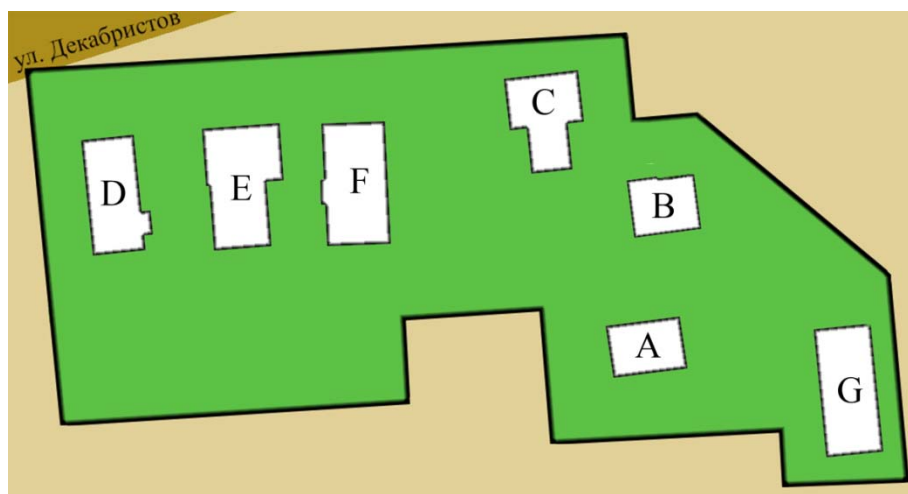

Рис. 1. Карта-схема комплекса городской больницы г. Енисейска по адресу ул. Декабристов, 1:
 А – жилой корпус; В – амбар; С – главный корпус больницы; D – флигель I; E – флигель II;
 F – флигель III; G – флигель IV

В 2009–2010 гг. с целью установления календарного времени сооружения комплекса с семи объектов культурного наследия был отобран 91 образец. Отбор кернов осуществлен с бревен перекрытий и стен, которые имели наилучшую сохранность (отсутствовали следы подтески и гниения, наличие подкорового слоя). Для удобства дендрохронологического анализа каждому исследуемому объекту было присвоено буквенное обозначение латиницей (рис. 1) согласно очередности описания построек в аннотированном списке памятников г. Енисейска (табл. 1).

Жилой корпус (А) предназначался для проживания персонала больницы. Расположен в юго-восточной части участка западнее крайнего флигеля № 4. Представляет собой бревенчатый двухэтажный сруб с остатком под двускатной кровлей и западным брусом двухэтажным прирубом под общим скатом крыши, имеет размеры 8,7×7,8 м. С него было отобрано 12 образцов.

Амбар (В) (рис. 2) использовался для складирования инвентаря больницы. Расположен в северо-восточной части комплекса, юго-восточнее главного корпуса больницы. Представляет собой двухъярусный бревенчатый сруб «в обло»,

в качестве фундамента служат лиственные ступицы большого диаметра. Размеры строения 10,82×6,37 м. По внешнему виду амбар не перестраивался, утрат в конструкции не имеет, при ремонте старая тесовая крыша заменена на шиферную. С него было отобрано 15 образцов.

Главный корпус больницы (С) располагается в северо-восточной части участка. Бревенчатый двухэтажный сруб Т-образной формы под металлической вальмовой кровлей со слухами. Имеет размеры 16,25×16,98 м. Углы сруба вязаны «в обло», а перерубы – «в лапу». Декор фасадов скромный, имеет простые наличники окон с полочками. С него было отобрано 15 образцов.

Флигель I (D) использовался для размещения больных. Распологается на западной границе комплекса (рис. 3, постройка слева). Бревенчатый одноэтажный сруб построен на высоком цоколе под вальмовой железной крышей с крупными слуховыми окнами. В планировке помещений имеется зрительный зал. Дверной проем заложен, козырек над старым входом на южном фасаде утрачен. Закрыта часть старых оконных проемов. Размеры строения 8,7×21,45 м. С него было отобрано 12 образцов.

Рис. 2. Амбар (В), вид с северо-западной стороны

Рис. 3. Флигели городской больницы (D, E, F), вид с юго-западной стороны

Флигель II (E) использовался для размещения больных. Флигель стоит средним в ряду из трех однотипных построек (рис. 3, постройка в центре), западнее главного здания. Представляет собой бревенчатый одноэтажный сруб

под вальмовой железной кровлей со слухами, с поздними деревянными пристройками с продольных фасадов. Старый вход заложен и обращен в окно (с южного фасада). Интерьер флигеля сильно пострадал от пожара 1986 г. Раз-

меры строения $8,6 \times 21,45$ м. С него было отобрано 14 образцов.

Флигель III (F) использовался под больничные палаты. Расположен крайним с востока относительно трех однотипных построек, западнее главного здания больницы (рис. 3, постройка справа). Представляет собой бревенчатый одноэтажный сруб «с остатком», с поздними деревянными пристройками: тамбуром у западного фасада и дощатой кладовой – к северному фасаду. Размеры строения $8,6 \times 20,5$ м. С него было отобрано 12 образцов.

Флигель IV (G) использовался под больничные палаты. Расположен отдельно от других корпусов, в юго-восточной части участка комплекса. Представляет собой бревенчатый сруб в один этаж размерами $8,67 \times 21,46$ м. В настоящее время строение было переоборудовано для размещения гаража. Вследствие этого в восточной стене были выбраны проемы для трех ворот, в торцах – устроены новые входы. С него было отобрано 8 образцов.

Исходя из предположения, что основным строительным материалом для строений больницы послужила древесина сосны обыкновенной (*Pinussylvestris*, L), для датировки комплекса памятников были заложены четыре пробных участка по данной породе в Енисейском районе.

Методы. В работе был применен комплексный подход, включающий архитектурно-планировочный [Гельфельд, 1992; Задачи и методы..., 1993; Зеленова, 2009], источниковедческий [Медушевская, 2010] и дендрохронологический анализы [Методы..., 2000]. Использование специализированного оборудования (бур для сухой древесины) позволило при отборе дендрохронологических образцов минимизировать ущерб для внешнего вида строений, что крайне актуально в условиях работы в городе, где памятники, в отличие от археологических, часто используются в качестве жи-

лых (общественных и т. п.) помещений и брать с них спилы не представляется возможным.

Пробоподготовка и измерение ширины годовых колец были выполнены по стандартной методике [Там же], на полуавтоматической установке «LINTAB» (с точностью до 0,01 мм). Датировка измеренных серий выполнялась посредством сочетания графического перекрестного анализа [Douglass, 1919] и кросс-корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологического анализа – DPL [Holmes, 1984] и «TSAP V3.5» [Rinn, 1996].

Результаты и обсуждения. Датировка больничного комплекса проводилась в три этапа. Первоначально был проведен архитектурно-планировочный анализ. Согласно архитектурной оценке, деревянные строения комплекса больницы (корпуса и флигели А, С, D, E, F, G) были построены на рубеже XIX–XX вв. по типологии зданий железнодорожного ведомства и отличны от исторических «купеческих» бревенчатых домов Енисейска [Томашкевич, 1899]. Дата строительства амбара В, учитывая наличие тесовой кровли, листовых стульев, была определена серединой XIX в. Результаты архитектурно-планировочного анализа показали отсутствие строений больницы, изначально поставленных на данном месте в первой половине XIX в. (во время пребывания здесь декабристов), скорее всего, они были уничтожены пожаром.

На втором этапе был осуществлен дендрохронологический анализ. После измерения годовых колец образцов была проведена относительная графическая датировка индивидуальных серий прироста по каждому памятнику. Результаты датировки верифицировались путем проведения кросс-корреляционного анализа (табл. 1, столбец IV). Межсерийные коэффициенты корреляции между индивидуальными сериями прироста составили для постройки А – 0,49, для по-

стройки В – 0,35, для постройки С – 0,49, для постройки D – 0,50, для постройки Е – 0,47, для постройки F – 0,38, для постройки G – 0,41.

Проведенная работа позволила по каждому строению построить относительные древесно-кольцевые хронологии (далее – ДКХ) и датировать их между собой (табл. 2, рис. 4). Высокие коэффициенты корреляции Пирсона (между стандартизированными ДКХ – от 0,49 до 0,73) подтвердили корректность проведенной датировки и позволили пред-

положить, что древесина для построек заготавливалась на близко расположенных участках леса.

Календарная датировка полученных обобщенных серий построек была осуществлена с календарно-привязанной ДКХ EN_pin, построенной нами по живым деревьям, произрастающим в Енисейском районе Красноярского края (табл. 2, столбец 8). В результате были определены календарные даты образования периферийных колец у образцов с построек (табл. 1, столбец 3б).

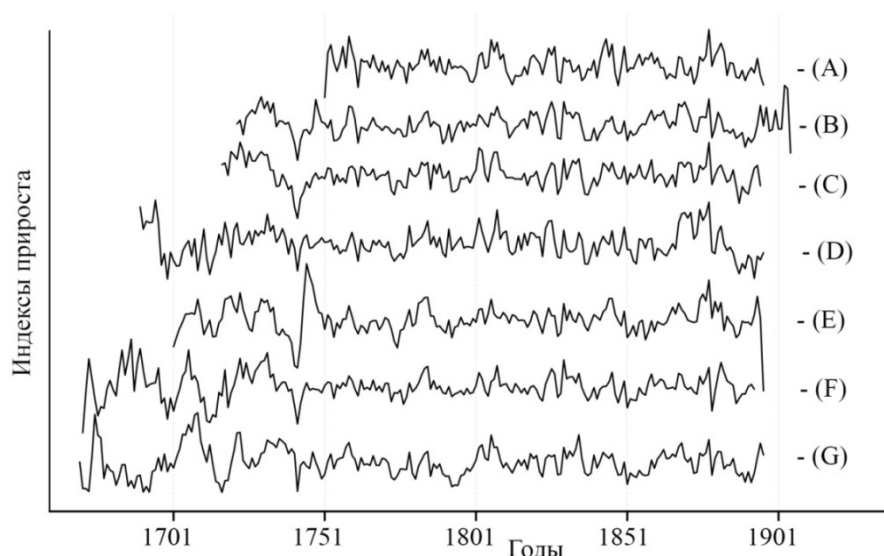

Рис. 4. Перекрестная датировка обобщенных древесно-кольцевых хронологий по постройкам комплекса городской больницы г. Енисейска по адресу ул. Декабристов, 1.

Таблица 1

Результат перекрестной датировки образцов с комплекса памятников по адресу ул. Декабристов, 1

№	Лабораторный номер	Интервал, гг.		Длина ряда, лет	r	Стандартные отклонения	Чувствительность	Год отбора	Место отбора
I	II	III		IV	V	VI	VII	VIII	IX
		a	б						
А									
1	279	1804	1876	73	0.29	1.74	0.16	2010	верх. перекрытие
2	280	1729	1896*	168	0.53	2.32	0.15	2010	верх. перекрытие
3	281	1741	1895*	155	0.47	3.02	0.19	2010	верх. перекрытие
4	282	1766	1895	130	0.45	2.03	0.17	2010	верх. перекрытие

Определение времени сооружения больничного комплекса в южной нагорной зоне Енисейска

Продолжение табл. 1

I	II	III		IV	V	VI	VII	VIII	IX
		a	б						
А									
5	283	1759	1895*	137	0.61	1.94	0.14	2010	верх. перекрытие
6	284	1766	1882	117	0.44	2.42	0.20	2010	вост. ст. 4 венец
7	285	1758	1872	115	0.57	1.85	0.14	2010	вост. ст. 5 венец
8	286	1758	1878	121	0.45	2.60	0.17	2010	сев. ст. 7 венец
9	287	1763	1883	121	0.30	1.81	0.13	2010	сев. ст. 8 венец
10	288	1727	1894	168	0.40	2.99	0.22	2010	вост. ст. 4 венец
11	289	1722	1847	126	0.50	2.07	0.19	2010	вост. ст. 7 венец
12	290	1791	1905	115	0.45	2.59	0.18	2010	сев. ст. 6 венец
В									
13	252	1752	1895	144	0.45	2.87	0.16	2010	зап. ст. 7 венец
14	253	1772	1896*	125	0.41	3.31	0.18	2010	вост. ст. 9 венец
15	254	1762	1893	132	0.47	3.74	0.17	2010	сев. ст. 5 венец
16	255	1831	1894	64	0.48	1.39	0.14	2010	зап. ст. 8 венец 256 – концовки нет
17	256	1772	1819	48	0.21	2.93	0.17	2010	
18	257	1762	1893	132	0.47	5.80	0.14	2010	сев. ст. 7 венец
19	260	1770	1867	98	0.48	6.67	0.17	2010	зап. ст. 9 венец
20	261	1761	1873	113	0.59	4.52	0.16	2010	южн. ст. 9 венец
21	262	1769	1882	114	0.51	2.36	0.21	2010	южн. ст. 10 венец
22	263	1779	1867	89	0.38	4.05	0.13	2010	южн. ст. 11 венец
23	264	1751	1885	135	0.40	4.42	0.23	2010	южн. ст. вост. угла вост. ст. 8 венец
24	265	1758	1886	129	0.39	5.01	0.20	2010	южн. ст. вост. угла вост. ст. 9 венец
25	266	1757	1863	107	0.62	5.90	0.22	2010	южн. ст. вост. угла вост. ст. 10 венец
26	258	не датирован						2010	сев. ст. 9 венец
27	259	не датирован						2010	южн. ст. 8 венец
С									
28	237	1752	1894	143	0.50	1.95	0.14	2010	вост. ст. 7 венец
29	239	1750	1891	142	0.59	2.41	0.15	2010	вост. ст. 9 венец ЮВ часть здания
30	240	1764	1892	129	0.55	2.63	0.21	2010	вост. ст. 10 венец ЮВ часть здания
31	241	1747	1840	94	0.56	2.10	0.18	2010	вост. ст. 6 венец ЮВ часть здания
32	243	1724	1883	160	0.32	2.96	0.19	2010	южн. ст. 6 венец ЮВ часть здания
33	244	1772	1868	97	0.60	2.11	0.19	2010	южн. ст. 7 венец ЮВ часть здания
34	245	1717	1893	177	0.67	1.82	0.13	2010	вост. ст. 4 венец СВ часть здания
35	246	1726	1871	146	0.62	2.14	0.14	2010	вост. ст. 6 венец СВ часть здания
36	247	1755	1894	140	0.41	2.03	0.17	2010	сев. ст. 15 венец
37	248	1743	1885	143	0.46	2.61	0.19	2010	сев. ст. 14 венец
38	249	1772	1894	123	0.45	2.17	0.18	2010	сев. ст. 13 венец
39	250	1759	1893	135	0.56	2.10	0.18	2010	зап. ст. 7 венец
40	251	1730	1895	166	0.52	2.52	0.18	2010	зап. ст. 6 венец
41	238	не датирован						2010	вост. ст. 8 венец ЮВ часть здания
42	242	не датирован						2010	южн. ст. 5 венец ЮВ часть здания
D									
43	317	1809	1896*	88	0.60	1.80	0.15	2010	верх. перекрытие
44	318	1759	1896*	138	0.60	1.59	0.12	2010	верх. перекрытие
45	319	1760	1890	131	0.50	1.90	0.14	2010	верх. перекрытие
46	320	1774	1888	115	0.31	2.36	0.15	2010	верх. перекрытие
47	321	1752	1896*	145	0.61	2.24	0.15	2010	верх. перекрытие
48	322	1755	1896*	142	0.38	2.35	0.18	2010	верх. перекрытие
49	323	1826	1896*	71	0.48	1.66	0.15	2010	верх. перекрытие

I	II	III		IV	V	VI	VII	VIII	IX
		a	б						
D									
50	324	1759	1890	132	0.64	2.13	0.15	2010	верх. перекрытие
51	325	1762	1896*	135	0.50	2.58	0.17	2010	верх. перекрытие
52	326	1753	1896*	144	0.49	2.34	0.17	2010	верх. перекрытие
53	327	1670	1885	216	0.38	2.10	0.15	2010	вост. ст. 5 венец
54	328	1735	1889	155	0.60	1.75	0.15	2010	сев. ст. 4 венец
55	330 me	1743	1893	151	0.51	2.95	0.18	2010	сев. ст. 5 венец
56	331	1760	1892	133	0.56	2.31	0.19	2010	вост. ст. 7 венец
57	329	не датирован						2010	вост. ст. 4 венец
E									
58	303	1729	1890	162	0.57	2.44	0.20	2010	зап. ст. 3 венец
59	304	1750	1893	144	0.44	1.58	0.14	2010	зап. ст. 4 венец
60	306	1714	1888	175	0.46	2.36	0.18	2010	внутр. простенок 7 венец
61	307	1774	1889	116	0.59	1.66	0.13	2010	внутр. простенок 8 венец
62	308	1692	1829	138	0.44	2.35	0.14	2010	южн. ст. 5 венец
63	309	1757	1873	117	0.49	1.92	0.17	2010	зап. ст. 5 венец с др. угла ЮЗ
64	310	1742	1887	146	0.64	2.30	0.18	2010	зап. ст. 6 венец с др. угла ЮЗ
65	311	1671	1887	217	0.46	2.79	0.18	2010	зап. ст. 4 венец ЮЗ угол
66	312	1735	1889	155	0.53	2.34	0.18	2010	вост. ст. 5 венец
67	313	1732	1838	107	0.67	1.83	0.13	2010	вост. ст. 4 венец
68	314	1771	1892	122	0.55	1.88	0.16	2010	внутр. простенок 5 венец
69	315	1760	1890	131	0.51	2.55	0.18	2010	вост. ст. 6 венец
70	316	1739	1886	148	0.49	2.15	0.14	2010	зап. ст. ЮЗ 7 венец
71	305	не датирован						2010	внутр. простенок 3 венец
F									
72	291	1762	1888	127	0.47	5.02	0.23	2010	зап. ст. 6 венец
73	292	1743	1896*	154	0.46	2.22	0.17	2010	зап. ст. 5 венец
74	293	1758	1865	108	0.48	2.00	0.18	2010	зап. ст. 7 венец
75	294	1750	1892	143	0.66	1.82	0.16	2010	зап. ст. 8 венец
76	296	1690	1886	197	0.34	3.13	0.21	2010	зап. ст. 10 венец
77	297	1742	1846	105	0.55	2.10	0.15	2010	южн. ст. 6 венец
78	299	1725	1875	151	0.54	2.42	0.21	2010	южн. ст. 5 венец
79	301	1732	1868	137	0.53	2.06	0.15	2010	южн. ст. 4 венец
80	302	1730	1883	154	0.39	2.04	0.18	2010	южн. ст. 5 венец др. бревно
81	295	не датирован						2010	зап. ст. 9 венец
82	298	не датирован						2010	южн. ст. 3 венец
83	300	не датирован						2010	южн. ст. 4 венец
G									
84	118	1812	1895	84	0.41	2.01	0.15	2009	верх. перекрытие
85	119	1746	1891	146	0.47	1.75	0.15	2009	сев. ст. 5 венец
86	120	1782	1896	115	0.33	1.86	0.13	2009	верх. перекрытие
87	122	1744	1888	145	0.55	2.00	0.16	2009	южн. ст. 7 венец
88	123	1701	1873	173	0.34	3.20	0.17	2009	зап. ст. 7 венец
89	124	1725	1856	132	0.42	2.05	0.17	2009	зап. ст. 6 венец
90	117	не датирован						2009	верх. перекрытие
91	121	не датирован						2009	зап. ст. 2 венец

Примечание: *r* – межсериальный коэффициент корреляции; полужирным шрифтом выделены образцы, содержащие наиболее позднее сохранившееся кольцо по каждой постройке; * – подкоровый слой; верх. – верхнее; вост. – восточная; зап. – западная; сев. – северная; ст. – стена; южн. – южная; ЮВ – юго-восточная; СВ – северо-восточная; ЮЗ – юго-западная.

В ходе проведенного дендрохронологического анализа было датировано 80 из 91 керна (табл. 1). Часть датированных кернов содержала подкорковый слой, что позволило выявить даты рубки, а значит, годы заготовки древесины для строительства строений. С постройки **A** были датированы все керны. Наиболее поздние даты приходятся на образцы с перекрытий: № 281–283 – 1895 г. и № 280 (с подкорковым слоем) – **1896 г.** У кернов, отобранных со стен постройки, потеряна часть колец, поэтому в основном они датируются более ранними датами, самая поздняя из которых приходится на 1894 г. – № 288. Образец № 290 датировался 1905 г., что свидетельствует о перестройке сруба. С постройки **B** датировано 13 из 15 кернов. Все образцы были отобраны со стен. Наиболее поздние даты приходятся на 1893–**1896 гг.** (керны № 254, 255, 252, 253), на образце № 253 сохранился подкорковый слой. С постройки **C** датировано 13 из 15 кернов. Все образцы взяты со стен, подкорковый слой не сохранился. Самую позднюю дату дает образец № 251 – **1895 г.**, керны с наиболее сохранившимся периферийными кольцами (№ 237, 245, 247, 248, 249, 250) пришлось на интервал с 1893 по 1894 г. С постройки **D** датировано 14 из 15 образцов. Семь кернов – № 317, 318, 321–323, 325, 326, отобранные с перекрытий и сохранившие подкорковый слой, пришлось на **1896 г.** Наиболее поздние кольца кернов № 330, 331 со стен постройки датировались 1893 и 1892 гг. С постройки **E** датировано 13 из 14 образцов. В связи с тем, что к перекрытиям флигеля доступа не было, все керны были отобраны со стен. Результаты датировки показали, что наиболее поздние периферийные кольца сохранились у образцов № 314, 304 и приходится на 1892 и **1893 гг.** С постройки **F** датировано 9 из 12 образцов. Несмотря на то, что все керны отобраны с внешних стен сруба, на образце № 292 (**1896 г.**)

был обнаружен подкорковый слой. С постройки **G** было датировано 6 из 8 образцов. Керны с перекрытий № 118, 120 (последний с подкорковым слоем) пришлось на 1895 и **1896 гг.**

Таким образом, в результате проведенного дендрохронологического анализа было установлено время заготовки древесины использованной при строительстве семи объектов культурного наследия. Как видно из табл. 1, кольца, содержащие подкорковый слой, у пяти построек (A, B, F, D, G) были датированы 1896 г. Следовательно, время возведения данных строений приходится на период около 1896–97 гг., так как разница между временем заготовки и строительством сооружений редко превышает срок в 1–2 года. У двух оставшихся построек (C и E) подкорковый слой на кернах не обнаружен (т. е. часть колец потеряна), периферийные кольца образцов приходится на 1895 и 1893 гг. соответственно. Это позволяет предположить, что данные сооружения могли быть возведены одновременно с остальными. Таким образом, полученные данные дают основания предполагать, что все объекты культурного наследия по адресу ул. Декабристов, 1 были воздвигнуты в один временной период – вторая половина 90-х гг. XIX в. Результаты анализа показали, что керны с сохранившимся подкорковым слоем в основном были взяты с перекрытий и датировались одной датой (1896 г.). Образцы, отобранные со стен построек, в большинстве случаев несли следы подтески или обветривания и, как следствие, пришлось на более ранние даты.

На третьем этапе было проведено сопоставление результатов дендрохронологического и архитектурно-планировочного анализов. Даты возведения шести из семи построек были подтверждены – конец XIX в. (A, C, D, E, F, G). В случае с определением времени сооружения амбара (B) разница составила

около 50 лет. Несмотря на его архаичные черты, присущие енисейскому зодчеству середины XIX в., данный объект был возведен одновременно с другими по-

стройками больницы в конце XIX в. Это можно объяснить применением традиционных методов строительства при возведении данного сооружения.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между постройками городской енисейской больницы и ДКХ по живым деревьям в районе с. Подгорного Енисейского района (En_pin)

Назв. постройки	G	A	F	C	D	E	EN_pin
G							0.38
A	0.59						0.35
F	0.61	0.73					0.30
C	0.60	0.71	0.71				0.43
D	0.67	0.73	0.57	0.71			0.46
E	0.63	0.73	0.63	0.73	0.72		0.31
B	0.49	0.55	0.51	0.63	0.55	0.61	0.33
N	143						107

Примечание: N – объем выборки.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что архитектурно-планировочная датировка оказалась корректной, кроме случаев, когда памятник, имея внешние архаичные черты, выбивается из общей канвы. В этом случае лишь комплексный анализ позволяет определить точное время возведения исторической постройки.

Заключение. В ходе дендрохронологического анализа комплекса городской больницы были сопоставлены результаты дендрохронологического и архитектурно-планировочного анализов. Итогом работы стал вывод о том, что, несмотря на внешние различия, строительство всего комплекса было осуществлено в один период 1895–1896 гг. Результаты работы подтвердили предположение, что корпу-

са больницы, построенные в начале XIX в., не сохранились. Возможно, они одновременно сгорели в пожаре, сведений о котором не сохранилось в исторических документах. Результаты комплексного анализа объектов городской больницы демонстрируют преемственность архитектурных традиций в южной нагорной зоне г. Енисейска. Это обусловлено наличием в датированных концам XIX в. сооружениях архаичных черт, присущих более раннему деревянному зодчеству первой половины XIX в. Планируемая в дальнейшем работа по комплексному анализу памятников деревянного зодчества позволит уточнить и расширить наши представления о хронологии застройки г. Енисейска.

Список литературы

1. Буланков В. В. Формирование культурно-исторической среды Енисейска в XVIII веке // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып 1. – С. 342–359.
2. Гевель Е. В. Пояснительная записка к «Проекту зон охраны объектов культурного наследия г. Енисейска». – Красноярск: ТГИ «Красноярскгражданпроект», 2004.
3. Гевель Е. В. Возрождение Енисейска – города корабелов // IV Всеросс. конф. «Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы». – Н. Новгород – СПб., 2013. – С. 69. – URL: <http://konferenciya>.

- seluk.ru/9istoriya/1389104-1-iv-vserossiyskaya-konferenciya-sohranenie-vozrozhdenie-malih-istoricheskikh-gorodov-selskih-poseleniy-problemi-perspe.php (дата обращения: 20.10.2015).
4. Гельфельд Л. С. Комплексный метод датировки памятников архитектуры на основе натурных исследований: метод. рекомендации. – М.: Спецпроектреставрация, 1992. – 86 с.
5. Задачи и методы комплексной эколого-исторической экспертизы исторических территорий / Е. В. Пономаренко, С. В. Пономаренко, Г. Ю. Офман, Т. В. Беляева // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: тез. докл. IV науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России». – Н. Новгород: НГГУ, 1993. – С. 61.
6. Зеленова С. В. Формирование системы критериев оценки историко-архитектурного наследия в России: автореф. дис. ... канд. арх. наук. – Новгород, 2009. – 22 с.
7. Каталог объектов наследия // Историко-культурное наследие: офиц. сайт. – URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/object/17/ru> (дата обращения: 20.10.2015).
8. Медушевская О. М. Теория исторического познания: Избранные произведения. – М.: Университетская книга, 2010. – 576 с.
9. Методы дендрохронологии / С. Г. Шиятов, Е. А. Ваганов, А. В. Кирдянов, В. Б. Круглов, В. С. Мазепа, М. М. Наурзбаев, Р. М. Хантемиров. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2000. – 80 с.
10. Проект охранных зон города Енисейска // Институт «Спецпроектреставрация». – М., 1970 г. (рукопись).
11. Томашкевич И. Р. «Великий путь». Виды Сибири и её железных дорог. – Красноярск, 1899. – Вып. 1. – 130 с.
12. Douglass A. E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. – Washington: Carnegie Inst., 1919. – Vol. 1. – 127 p.
13. Holms R. L. Dendrochronological Program Library / Laboratory of Tree-ring Research. – Tucson: The University of Arizona, 1984. – 51 p.
14. Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.

Z. Yu. Zharnikov, V. S. Myglan

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

TIME CONSTRUCTING DETERMINATION OF THE HOSPITAL COMPLEX IN YENISEISK MOUNTINOUS SOUTHERN ZONE

The complex analysis results of buildings timber of regional significant architectural monument (City Hospital located in Yeniseisk mountainous southern zone) are represented in the article. The dendrochronological analysis confirmed the architectural planning six out of seven buildings dates (the end of the nineteenth century.): the wing № 2 – 1893; the main hospital building – 1895; dwelling house and wings № 1, 3, 4 – 1896. In the case of the seventh building dating – the barn, the difference with the architectural and planning dating was about 50 years. Despite of the archaic Yeniseisk architecture mid-nineteenth century traditions, this monument was established simultaneously at the end of the nineteenth century with other hospital buildings. This fact can be associated with traditional construction methods in the barn constructing. The results showed that the architectural and planning dating of cultural heritage objects were correct in the most cases although dating of some monuments should be rechecked with using scientific methods. This work is part of a complex dendrochronological study of wooden architecture objects dedicated to the four hundred Yeniseisk anniversary.

Keywords: Siberian history, the architecture, the monument of wooden architecture, architectural and planning dating, dendrochronology, Yeniseisk.

К. В. Бирюлева, Ю. А. Титова

Сибирский федеральный университет, Красноярск
e-mail: *ksy36ss@yandex.ru; abdulia@mail.ru*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. В КРАСНОЯРСКЕ

В статье представлены результаты анализа материалов русского времени, полученных в ходе раскопок на территории Успенского монастыря и относящихся к периоду конца XIX – начала XX в. Здесь найдены фрагменты 43 гончарных сосудов, преимущественно поливных, а также изделия из фаянса, стекла, железа и несколько монет. Обнаружена керамическая посуда разных форм: горшки, банки, крынка, чашки/миски. При анализе формовочных масс выделено шесть видов исходного сырья. Дефекты, отмеченные на черепках, позволили реконструировать прием конструирования формы. Отмеченные признаки характерны для продукции ремесленного производства.

Отдельные заводские изделия привезены из европейской части Российской империи. Найдена фаянсовая тарелка с дореволюционным клеймом завода С. Т. Кузнецова в Дулёве, а керамическая бутылка произведена, судя по всему, на Рижском гончарном заводе. Также был найден фрагмент футляра французских румян конца XIX в.

Ключевые слова: Успенский монастырь, гончарная посуда, фаянс, железные изделия, аптечная продукция.

В ходе полевых работ 2014–2015 гг. на стоянке Удачный-14 (ВОАН «Стоянка Удачный-14 (Западная-5)») был получен значительный объем материала, относящийся ко времени работы Успенского мужского монастыря¹ конца XIX – начала XX в. и советскому периоду. Культурный слой, содержащий эти находки, залегал в подпернковой темно-серой гумусированной супесчаной почве, местами был сnivelирован современными строительными работами. Нижняя хронологическая граница русского слоя определяется концом XIX в., поскольку ранее здесь находились плотбище и посевные поля [Мое возлюбленное..., 2007, с. 11; Енисейская губерния..., 2011, с. 54]. Отделение находок, относящихся к монастырскому периоду, от более поздних определялось типологией вещей и их планиграфическим залеганием.

История Успенского мужского монастыря на сегодняшний день подробно изложена в труде «Мое возлюбленное младое чадо. История Красноярского Свято-Успенского мужского монастыря», изданном под эгидой Красноярской епархии Русской православной церкви в 2007 году [Мое возлюбленное..., 2007]. Отдельные факты освещены в учетных картах архитектурных объектов, расположенных на территории обители – келейного корпуса и дома настоятеля [Красноярский Успенский... Дом, келейный корпус, церковный сад, 2011; Красноярский Успенский... Келейный корпус, 2011].

Инициатором создания православного центра в конце XIX в. был епископ Антоний (в миру – Вениамин Иванович Николаевский). В декабре 1873 г. он обращается к городскому голове

* Работа выполнена в рамках научного проекта РГНФ № 16-11-24003 и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

¹ Для данного объекта встречается название Свято-Успенский мужской монастырь. Здесь и далее мы будем называть монастырь Успенским согласно учетной карте архитектурного ансамбля.

П. И. Кузнецову с предложением о покупке части городской территории для устройства «иноческой обители». В феврале 1874 г., после рассмотрения вопроса городской думой под монастырь были выделены земли в районе плотбища, на территории, свободной от арендования. По вопросам возведения монастыря был создан строительный комитет, который с марта 1874 по ноябрь 1875 г. собирал средства на строительство. На них была проложена дорога к будущему монастырю, устроены главный деревянный дом с церковью, летним помещением для архипастыря, братскими кельями, а также деревянный флигель, в котором были размещены трапезная, кухня, училище для мальчиков, а также надворные службы: амбары, погреба, каретник с сеновалами, сушильней, конюшнями и навес, сарай для хранения извести, помещение для хлебопеков, просфорника и рабочих [Мое возлюбленное..., 2007, с. 11]. Проект всех зданий монастырского комплекса был разработан иеромонахом Зосимой. Фундамент каменного келейного корпуса был заложен в июне 1874 г., а строительство осуществлено в 1879–1883 гг. под надзором архитекторов С. Нюхалова и А. Лассовского [Красноярский Успенский... Келейный корпус, 2011]. К северу от братского корпуса монахами был разбит сад на месте природной рощи [Красноярский Успенский... Дом, келейный корпус, церковный сад, 2011]. 15 мая 1879 г. после получения Указа Его Императорского Величества с официальным разрешением состоялось торжественное открытие Успенского мужского монастыря г. Красноярска. В 1888 г. в результате сильного наводнения монастырь потерял деревянный флигель, стоявший на берегу Енисея, кузницу, а также дорогу и мосты, обеспечивающие связь с городом. К началу 90-х гг. XIX века Успенский мужской монастырь стал одним из центров духовной жизни Красноярской епархии.

В 1920 г. в Красноярске началась национализация церковного имущества. Постановлением 2-го съезда Советов Енисейской губернии в первой половине 1921 г. было принято решение о ликвидации монастырского комплекса Красноярского Успенского монастыря и общежительного скита [по: Мое возлюбленное..., 2007, с. 64, док. 12]. В это время на территории обители уже существовала школа-коммуна. В 1924 г. монастырские постройки перешли в ведение Губернского отдела народного образования, здесь был открыт детский дом на 150 человек [Там же, с. 66]. Он функционировал до 1946 г. Позднее на данной территории находились дом отдыха и пионерский лагерь «Красноярский» [Там же, с. 70–71]. В восточной части монастырской территории со второй половины 1940-х гг. располагался жилой дом на двух хозяев. Через два года после воссоздания Красноярской епархии, в 1992 г. под руководством епископа Антония (Черемисова) разворачивается деятельность по возвращению Русской православной церкви разрушенного монастыря. В апреле 2000 г. был подписан акт приема-передачи, по которому были приняты полуразрушенные строения. В настоящее время реконструкция обители близится к своему завершению.

Особенности планиграфии. На сегодняшний день из монастырских строений конца XIX в. сохранились келейный корпус и дом настоятеля. Фотографии этого времени позволяют нам воссоздать расположение и других построек [Енисейская губерния..., 2011, с. 54]. Севернее келейного корпуса находился храм Успения Божией Матери. В настоящее время на его месте возведена звонница. Вдоль восточной стены келейного корпуса в 1890-е гг. было построено деревянное (?) ограждение. Эта зона частично была изучена раскопом № 1 2014 г. Возможно, с возведением этого забора свя-

заны десять ям-перекопов овальной и прямоугольной форм, размерами от 0,4×0,4 до 0,7×0,7 м и глубиной более 1 м, зафиксированных в восточной части раскопа по линии ССЗ-ЮЮВ. Кроме того, здесь были отмечены еще девять ям квадратной, округлой, подпрямоугольной и овальной форм, расположенных по периметру квадрата, примыкающего к линии предполагаемого забора с запада и, вероятно, связанного с возведением строения типа навеса. В 1–3 м восточнее линии ям предполагаемого ограждения на разных участках были обнаружены фрагмент печной дверцы «Готика», железные шарнирные ножницы, железный ключ и медная монета в 2 копейки 1916 г. Анализ данного материала будет приведен ниже.

Остальные хозяйственные постройки конца XIX в., судя по фотоматериалам, располагались либо восточнее келейного корпуса и севернее дома настоятеля, либо в пойме р. Енисея и археологическими работами изучены не были. Обнаруженный материал, кроме случая, описанного выше, найден вне контекста определенных комплексов и будет описан типологическими группами.

Описание и анализ материала.

Керамические изделия – фрагменты *гончарной посуды* от 43 плоскодонных сосудов, сформированных на гончарном круге, – были обнаружены во вскрытиях на большей части монастыря. Исключение составляет территория сада, где в рекогносцировочных шурфах находки русского слоя единичны. Большая часть обнаруженных сосудов представлена отдельными черепками венчиков, стенок и днищ. В 20 случаях по фрагментам удалось определить форму изделия.

Горшки (8 экз.) – сосуды с шаровидным туловом и профилированной невысокой шейкой (рис. 1, 1–3). Высота

и объем их не восстанавливаются. Диаметры венчиков от 20 до 30 см. Стенки двух горшков (сероглиняного и красноглиняного) дополнительно не обработаны. Шесть изделий покрыты глазурью с внешней и внутренней сторон. В пяти случаях использовалась полива одного цвета – встречаются желтые и зеленые экземпляры. На одном горшке внешняя поверхность покрыта зеленой глазурью, а внутренняя – темно-коричневой, причем на внешней стороне изделия нанесена полоса поливы темно-коричневого цвета.

Банки (6 экз.) – сосуды с формой тулова, близкой к цилиндрической, но с расширением в центральной части. Встречаются экземпляры с отогнутым либо утолщенным в сечении краем (рис. 1, 4–5). Высота и объем посуды не восстанавливаются. Диаметры венчиков от 14 до 32 см. Все они поливные. В пяти случаях глазурь покрывала внешнюю и внутреннюю поверхности изделий. На трех экземплярах весь сосуд украшался глазурью одного цвета – коричневого, зеленого, желтого. В двух случаях использовались разные цвета. Встречаются сочетания желтой и темно-зеленой, а также темно-бордовой и светло-коричневой полив. В одном случае сероглиняный сосуд покрывался глазурью темно-зеленого цвета только с внутренней стороны.

Крынка (1 экз.) – сосуды с высокой шейкой, диаметр венчика которой приблизительно равен диаметру тулова в зоне «экватора». Она поливная, покрыта с обеих сторон темно-коричневой глазурью (рис. 1, 6). Высота изделия – 22 см, высота слабопрофилированной шейки – 8 см. Диаметр венчика – 14 см. Крынки таких объемов чаще всего использовались для хранения и переноски продуктов [Русская керамика Алтая, 2012, с. 11].

Рис. 1. Гончарная посуда из раскопок на территории Успенского монастыря:
1–3 – горшки; 4–5 – банки; 6 – крынка; 7–8 – чашки/миски

Чашки/миски (6 экз.) – открытые низкие сосуды, поливные. Высота одного изделия – 9 см, для остальных не определяется. Диаметры венчиков от 22 до 26 см. Верхний край некоторых сосудов дополнительно отогнут (рис. 1, 7–8). Глазурь покрывала их с внешней и внутренней сторон. Встречаются изделия, покрытые светло-коричневой, зеленой и желтой поливой. На двух сосудах на внутренних стенках отмечены следы потрескавшейся и «вспенившейся» глазури, а также органические остатки неизвестного происхождения. Возможно, эти чашки использовались в хозяйственной деятельности, не связанной с приготовлением пищи.

Были выявлены некоторые технологические операции изготовления данной посуды. Для анализа формовочных масс было отобрано 33 образца. По степени и характеру ожелезненности, наличию естественных минеральных включений было выявлено шесть видов исходного сырья:

1) для девяти сосудов характерной особенностью оказалось использование смеси двух глин: к сильно ожелезненной глине с многочисленными оолитовыми включениями бурого железняка и естественной минеральной примесью в виде окатанных и остроугольных включений прозрачного, белого и серого цветов, максимальным размером включений до 1 мм добавлялась вторая нежелезненная глина без примесей, которая фиксировалась в образцах белыми комочками размерами 1–2 мм;

2) при создании еще четырех сосудов коллекции в качестве единственного исходного сырья использовалась такая же сильноожелезненная глина с минеральной примесью, как и в предыдущем случае;

3) еще восемь сосудов были изготовлены из глины, ожелезненной не в такой высокой степени, в ней фиксируются оолитовые включения бурого железняка

и минеральная примесь в виде включений белого и серого цветов, остроугольных и окатанных, размерами до 1 мм;

4) для восьми сосудов характерным оказалось использование в качестве исходного сырья слабоожелезненной запесоченной глины и песка пылеватого, многоцветного, прозрачного, белого и серого;

5) еще два сосуда были изготовлены из слабоожелезненной глины, в которой оолитовые включения бурого железняка не фиксируются, но есть включения бурого железняка в виде алых точек;

6) в двух случаях бурого железняка нет, цвет черепка серый, что позволяет предполагать использование нежелезненной глины.

Отдельно следует отметить, что только для изготовления двух сосудов использована нежелезненная глина с добавлением калиброванной гранито-гнейсовой дресвы. Размеры включений в основной своей массе – от 0,2–0,3 до 1 мм, в концентрации 1:3. В остальных случаях отощителей выявлено не было. В ходе корреляции между составом формовочных масс и формой изделий закономерностей не отмечено.

Сосуды изготавливались на гончарном круге. Благодаря дефекту на дне одного из них удалось проследить очередность образования формы (рис. 2).

Рис. 2. Фрагмент дна сосуда № 16 2015 г.
На фото виден дефект, образованный при креплении дна

Сначала, судя по всему, вытягивалось полое тело. Начин формировался отдельно и после крепился к форме изнутри, причем сосуд к этому времени уже успевал подсохнуть. Позже при помощи вращения круга дно закреплялось на сосуде, о чем свидетельствует утоньшение центральной части дна относительно более толстых его краев. Такие признаки характерны для шестого этапа развития функции гончарного круга (РФК-6), что свойственно продукции ремесленного производства [Бобринский, 1978, с. 27, 34]. С гончарного круга сосуды срезались нитью, это подтверждают острые углы у краев днищ и параллельные борозды на их внешней поверхности. Кроме того, на части изделий фиксируется зональный орнамент в виде параллельных полос, в единичных случаях – зигзагообразных линий.

Обращает на себя внимание и разнообразие оттенков глазури на посуде. Известно, что цветовая гамма изделий зависела от добавления окислов металлов. Окись железа окрашивала изделие в красный, коричневый и желтый цвета, окись меди предавала глазури зеленый цвет, окись марганца – коричневый или желтый цвета, окись свинца – желто-зеленый. Об использовании свинцовых глазурей может свидетельствовать глянцевая поверхность керамики [Русская керамика Алтая, 2012, с. 7]. Воссоздание технологии глазурирования керамики монастырского слоя – тема для отдельного исследования. Очевидным является то, что данный процесс был технологически трудоемок и требовал определенной специализации.

Перечисленные выше факторы свидетельствуют, что найденная в монастырском слое гончарная посуда является продуктом развитого ремесленного производства. О гончарных центрах, действующих на территории Красноярска и его окрестностей, авторам работ на данный момент ничего не известно.

Несомненно, рассмотрение этой темы с привлечением широкого круга архивных документов откроет для науки новый источник по реконструкции истории повседневности Красноярского края в дореволюционный период.

Керамические фишки (3 экз.) были обнаружены в центральной части раскопа № 1 2014 г. Две из них диаметром 2,5 и 3,0 см были образованы из стенок поливной керамики с коричневой глазурью (рис. 3, 3–4). Скорее всего, они использовались как фигуры для игры в настольную игру типа «шашки». Здесь же была обнаружена керамическая (?) фишка заводского производства с выточенной пятиконечной звездой на одной из сторон (рис. 3, 5). Скорее всего, эти изделия относятся к периоду существования на этой территории школы коммуны и детского дома.

Изделия из фаянса (56 фр.) немногочисленны. Большая их часть найдена во время раскопок в юго-западной части монастырской территории, вблизи здания Гостевого подворья. Были найдены как обломки предметов конца XIX века, так и фрагменты современной посуды. Определение времени их бытования возможно по черепкам с сохранившимися клеймами. В этом отношении примечательны фрагменты тарелки, украшенной с внутренней стороны бордюрной композицией из зонально расположенных меандров и мелкого цветочного орнамента. На тыльную сторону нанесено клеймо «З СТК ВЪ ДУЛѢВѢ» (рис. 3, 1). Тарелка изготовлена на Дулёвской фабрике Кузнецова, которая была основана в начале XIX в. «З СТК» означает «завод Сидора Терентьевича Кузнецова» [Марки фарфора..., 2001, с. 193]. Открытие производства в Дулёвской пустоши Покровского уезда Владимирской области относится к 1832 г. [Русский фаянс и фарфор, 2010, с. 293]. Клейма такого типа ставили на посуде в период с 1854 до 1864 г. [Там же, с. 428].

Рис. 3. Фрагмент фарфоровой тарелки (1) с клеймом завода С. Т. Кузнецова в Дулёве; доньшко футляра французских ружья (2); фишки для настольной игры типа «шашки» (3–4 – самодельные; 5 – заводская).

Кроме того, в раскопе № 4 2015 г. был обнаружен фрагмент доньшка футляра французских ружья размерами 2,7×3,8×0,6 см. На внешней части, покрытой белой глазурью, сохранился фрагмент фирменного клейма с надписью: «27. R. Grenier S^t» – по внешнему кругу, «MARQUE DE FAB» – по среднему, «FARD DE» – по внутреннему кругу по периметру изображения. Полный текст воспроизведен по аналогиям данного изделия. Он выглядел следующим образом: по внешнему кругу – «Maison Dorin 27R.Grenier St Lazare Paris», что можно дословно перевести как «<фирма> Мэйсон Дорин, <находящаяся> на чердаке дома 27R по Сант-Лазар, Париж»; в среднем – «MARQUE DE FABRIQUE» – фабричный знак. По центру изображен товарный знак, по периметру которого нанесена надпись «FARD DE TOILETTE» – ее можно перевести как «косметическая продукция» [Old French Pot...]. Внутренняя

сторона доньшка рифленая. На нее помещались ружья, а сторона с клеймом была нижней частью изделия (рис. 3, 2). Изделия, подобные найденному в раскопе, относят к Викторианской эпохе (1837–1901 гг.) [Там же]. Фирма Maison Dorin известна во Франции со второй половины XVIII в., а в конце XIX – начале XX в. она активно экспортировала свою продукцию на английский, русский, испанский и американский рынки [Dorin History].

Железные изделия (24 экз.) были обнаружены во всех археологических раскопах. В раскопе № 1 2014 г. к востоку от участка, где, предположительно, размещалось ограждение монастыря, были обнаружены шарнирные ножницы с загнутыми петлями (рис. 4, 2), ключ от замка с цельной головкой без отверстий и округлым в сечении стержнем (рис. 4, 3) и печная дверца «Готика» с горельефным изображением собора и рыцаря в доспехах. Последняя была изготовлен-

ная на Каслинском металлургическом заводе в период с 1896 по 1914 г. [Мандрыка, Титова, 2016]. О датировке этих предметов также свидетельствует найденная на этом участке монета в 2 копейки 1916 г. (рис. 5, 2).

Кроме того, в раскопах были обнаружены черешковый нож с лезвий-

ным и черешковым уступом (рис. 4, 1), подковы с кованными четырехгранными гвоздями (6 экз.) (рис. 4, 4), кованные гвозди (7 экз.) (рис. 4, 5–6), а также пробой для замка (рис. 4, 7). Судя по длине незагнутой части, последний вбивался в деревянное основание толщиной 4,5 см.

Рис. 4. Железные изделия из раскопок на территории Успенского монастыря:
1 – нож; 2 – ножницы; 3 – ключ; 4 – подкова; 5–6 – кованные гвозди; 7 – пробой для замка

Рис. 5. Монеты из раскопок
Успенского монастыря

Нумизматическая коллекция. В слое, кроме уже упомянутой, были обнаружены еще 15 монет, наиболее ранней из которых является николаевский серебряный рубль 1897 г. (рис. 4, 1). Аверс и реверс его сильно стерты. Остальные монеты относятся к советском периоду, наиболее ранняя их которых – 10 копеек 1923 г. (рис. 4, 3).

К *аптечной продукции*, найденной в русском слое, могут быть отнесены стеклянные флаконы и керамическая бутылка. В коллекцию стеклянных изделий входит один практически целый стеклянный флакон с отбитым дном, имеющий 8-гранное уплощенное в сечении тулово и высокое, округлое в сечении, горло (рис. 6, 1). Кроме того, в ходе раскопок были найдены два горлышка от стеклянных флаконов.

Отдельно следует отметить фрагмент верхней части керамического бу-

тыля с прямым туловом, высоким плечиком и вертикальной шейкой, оформленной в основании широкой полосой (рис. 6, 2). В зоне плечика к предмету крепилась ручка. Он отличается от местной гончарной продукции по характеру обжига. Изделие обжигалось при высокой температуре, что привело к «остекленению» керамики. Бутыли такой формы производились на Рижском гончарном заводе, основанном Вильгельмом Людвигом Керковиусом в 1892 г.¹ В 1915 г. оборудование завода было эвакуировано в Россию. Разливали в такие бутылки преимущественно Рижский бальзам, померанцевые настойки и прочие лекарственные средства.

¹ Бутылка Рижский бальзам с клеймом Керковиусъ 19 век. URL: <https://www.livemaster.ru/item/16950337-vintazh-butyalka-rizhskij-balzam-s-klejmom-kerkovius-19-vek> (дата обращения: 28.01.2017).

Рис. 6. Аптечный флакон (1) и верхняя часть глиняного бутыля (2) из первого культурного слоя стоянки Удачный-14

Заключение. Таким образом, в первом культурном слое стоянки Удачный-14, относящемся к концу XIX–XX в., был найден ряд предметов, отражающих быт того времени. Некоторые из них с различной долей уверенности могут быть отнесены ко времени функционирования монастыря. Это керамическая посуда, приобретенная в гончарных мастерских, а также предметы заводской продукции конца XIX в. – фаянсовая тарелка с завода в Дулёве, принадлежащего крупнейшей на тот период фарфорово-фаянсовой империи Кузнецовых, и бутыль из под лекарственного сред-

ства, произведенная, предположительно, на Рижском гончарном заводе. Периодом начала XX в. будут датироваться чугунная дверца Каслинского завода, шарнирные ножницы и железный ключ, найденные в раскопе вблизи объекта, который был нами интерпретирован как предположительное место расположения ограждения монастыря, фиксируемого на фотографии 1890-х гг.

Полученная археологическая коллекция является источником для дальнейшего анализа повседневной жизни обитателей и прихожан Успенского мужского монастыря конца XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
2. Енисейская губерния, Красноярский край. История в фотографиях. 1870–1970 гг. / сост.: В. В. Черкашин, С. Г. Копцев. – Красноярск: Тренд, 2011. – 252 с.
3. Красноярский Успенский мужской монастырь: келейный корпус. Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Учетная карта объекта, представляющего собой историко-культурную ценность // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Учетная карта составлена и. о. начальника Красноярского отделения Филиала ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ» по Красноярскому краю И. Я. Безъязыковой и техником А. Н. Косован 09. 11. 2011 г.
4. Красноярский Успенский мужской монастырь: дом, келейный корпус, церковный сад. Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Учетная карта объекта, представляющего собой историко-культурную ценность // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Учетная карта составлена и. о. начальника Красноярского отделения Филиала ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ» по Красноярскому краю И. Я. Безъязыковой и техником 1 категории Л. В. Ниман 09.11.2011.
5. Мандрыка П. В., Титова Ю. А. Печная дверца «Готика» из Свято-Успенского монастыря // Вестн. Томского государственного университета. – 2016. – № 5 (43). – С. 65–66.
6. Марки фарфора, фаянса, майолики, русские и иностранные. Пособие для любителей и коллекционеров. – М.: «Издательство В. Шевчук», 2001. – 216 с.
7. «Мое возлюбленное младое чадо». История Красноярского Свято-Успенского мужского монастыря. – Красноярск: Городская типография г. Красноярска, 2007. – 86 с.
8. Русская керамика Алтая (из собраний музеев Алтайского края): каталог / сост. О. С. Мамонтова. – Барнаул: Алтайс. дом печати, 2012. – 44 с.: ил.
9. Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания. – М.: Изд-во «Среди коллекционеров», 2010. – 510 с.
10. Бутылка Рижский бальзам с клеймом Керковиусь 19 век [Электронный ресурс] // Ярмарка Мастеров: офиц. сайт. – URL: <https://www.livemaster.ru/item/16950337-vintazh-butyylka-rizhskij-balzam-s-klejmom-kerkovius-19-vek> (дата обращения: 28.01.2017).
11. Dorin history // Dorin: офиц. сайт. – URL: <http://www.maisondorin.com/en/la-maison-dorin/lhistoire-dorin/> (дата обращения: 28.01.2017).
12. Old french pot lid, match striker, Maison Dorin, Paris // Worth Point: офиц. сайт. – URL: <http://www.worthpoint.com/worthopedia/french-pot-lid-match-striker-maison-153168088> (дата обращения: 28.01.2017).

K. V. Biryuleva, Yu. A. Titova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

**ARCHAEOLOGICAL MATERIAL OF DORMITORY MONASTERY
AT THE END OF 19TH – BEGINNING OF 20TH CENTURY
IN KRASNOYARSK**

The article presents the results of research the Russian time materials relating to the period of operation of the Dormitory Monastery in the late XIX – early XX centuries. It is found fragments of 43 slipware pottery vessels and porcelain, glass and iron thing, some coins. The vessels is have a flat bottom and different of forms – pots, jars, jug, cups/bowls. When analyzing of the used clay allocated six types of feedstock. The defects marked on the shards, made it possible to trace the sequence of operation in the construction of forms. The classification of AA Bobrinsky attributes these evidence to the products of handicraft industry.

In addition, in the layer have been found to factory products imported from the European part of the Russian empire. It is found the earthenware dish with pre-revolutionary brand of factory ST Kuznetsov in Dulevo, as well as a fragment of the upper part of the ceramic bottle produced, apparently, at the Riga pottery factory. In addition, fragment of French rouge datind of the end of XIX century was found here. These materials extend our understanding of the material culture of the population of Krasnoyarsk in late XIX – early XX centuries.

Keywords: Dormitory Monastery, pottery, delft ware, iron make, pharmacy products.

П. В. Мандрыка¹, М. С. Баташев², П. О. Сенотрусова¹

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск

²Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск
e-mail: pmandryka@yandex.ru, bms@kkkm.ru; pollina1987@rambler.ru

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ НИЗОВЬЕВ АНГАРЫ (результаты двух археологических разведок)

В статье приводятся результаты разведочных работ археологической экспедиции Красноярского краевого дворца пионеров и школьников, состоявшейся в 1991 и 1995 гг. и проведенной в нижнем течении Ангары на участке от п. Орджоникидзе до п. Стрелка. Среди открытых и обследованных пятнадцати разновременных стоянок выделяются многослойные комплексы, позволяющие по-новому представить ситуацию накопления погребенных почв и вычленив материалы разных периодов голоцена.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, Ангара, разведочные работы, многослойные поселения, неолит, бронзовый век, ранний железный век, Средневековье.

Участок р. Ангары от Усть-Илимской ГЭС до устья определяется как Нижняя Ангара. В прежние времена река на этом участке называлась Верхняя Тунгуска [Лощманская..., 1973, с. 6; Словарь..., 2006]. В настоящей статье речь пойдет об участке низовьев Ангары протяженностью 180 км от п. Орджоникидзе (бывшее название «Потаскуй») до устья, т. е. от территории, входящей преимущественно в Мотыгинский район Красноярского края.

В низовьях р. Ангары течет в сравнительно широкой долине (местами до 9 км) при ширине основного русла от 0,7 км (Стрелковский порог) до 5 км (выше п. Мотыгино). На отрезке от селения Кокуй до селения Новоангарск русло реки сильно разветвлено незатопляемыми островами, некоторые из них достаточно протяженные (до 7 км). В русле имеются шиверы (Потаскуйский Бык, Аладьина, Выдумский Бык, Гребенский Бык, Мотыгинская, Верхняя и Нижняя Мурожная, Мурожный Бык, Алешкина, Михайловские Камни), перекаты и Стрелковский порог, где скорость течения существенно увеличивается. Берега покрыты смешанным лесом, они высокие, гористые, местами со скалистыми уте-

сами. Там, где горы отступают от реки, остаются незатопляемые террасы. Поймы покрыты лугами и кустарником, крупные острова – смешанным или хвойным лесом.

История археологического изучения этого участка Ангары восходит к 1874 г., когда здесь побывал известный ученый-геолог, действительный член РГО, страстный коллекционер древностей И. А. Лопатин. Совершая небольшую поездку для поиска Сыромолотовского метеорита, он первый провел геологическую съемку нижнего течения Ангары и осмотрел наскальные рисунки в с. Рыбинском, а также купил у местных крестьян несколько древних каменных орудий (по всей видимости, наконечников стрел). Об этом он информирует Д. А. Клеменца, и в 1888 г. они вместе осматривают местность, собирая в селе черепки горшков, кремниевые осколки и нефритовый топор [Окладников, 1966, с. 9]. Из этого же с. Рыбного в 1892 г. поступают в КККМ железный нож и керамические черепки [ККМ, кол. № 211 – 88–91, 136].

В XX в. в низовьях Ангары работали экспедиции А. П. Окладникова (1937 г.), Н. И. Дроздова с учителем,

коллегами и учениками (с 1974 г.), Ю. А. Гревцова с коллегами (с 1992 г.), А. Л. Заики (с 1993 г.). В начале нынешнего столетия обследование района проводили отряды С. М. Фокина (с 2001 г.), А. В. Постнова (2008 г.), Е. В. Князевой (2008–2009 гг.), Н. С. Степанова (2013–2014 гг.).

К представленному списку стоит добавить и работы, которые проводил П. В. Мандрыка с коллегами и учениками на территории района не только с разведочными изысканиями (с 1987 г.), но и раскопками экспедиционными отрядами совместно с Краевым агентством сезонной занятости молодежи и Красноярским краеведческим музеем (2002, 2003, 2009 и 2013 гг.). Значительная часть полученных результатов опубликована, но некоторые оставались малоизвестны широкому кругу специалистов, так как публиковались в тезисах конференции [Вайцехович, Мандрыка, 1992].

Восполняя указанный пробел, в настоящей статье приводятся результаты разведочных работ в нижнем течении Ангары на участке от п. Орджоникидзе до п. Стрелка, проведенных в течение двух лет археологической экспедиции Красноярского краевого дворца пионеров и школьников под руководством П. В. Мандрыки. В 1991 г. отряд состоял из членов археологического кружка: Л. Коваленко, Н. Комлевой, А. Вайцеховича, А. Нагирного и моториста А. Н. Орехова. В 1995 г. в группу входили сотрудник КККМ М. С. Баташев, служащий С. Исаев, школьник С. Фокин. Маршруты проходили по обоим берегам Ангары и островам. Открытые и обследованные объекты приурочены преимущественно к незатопляемым участкам террас. В перечне они представлены вверх по течению реки.

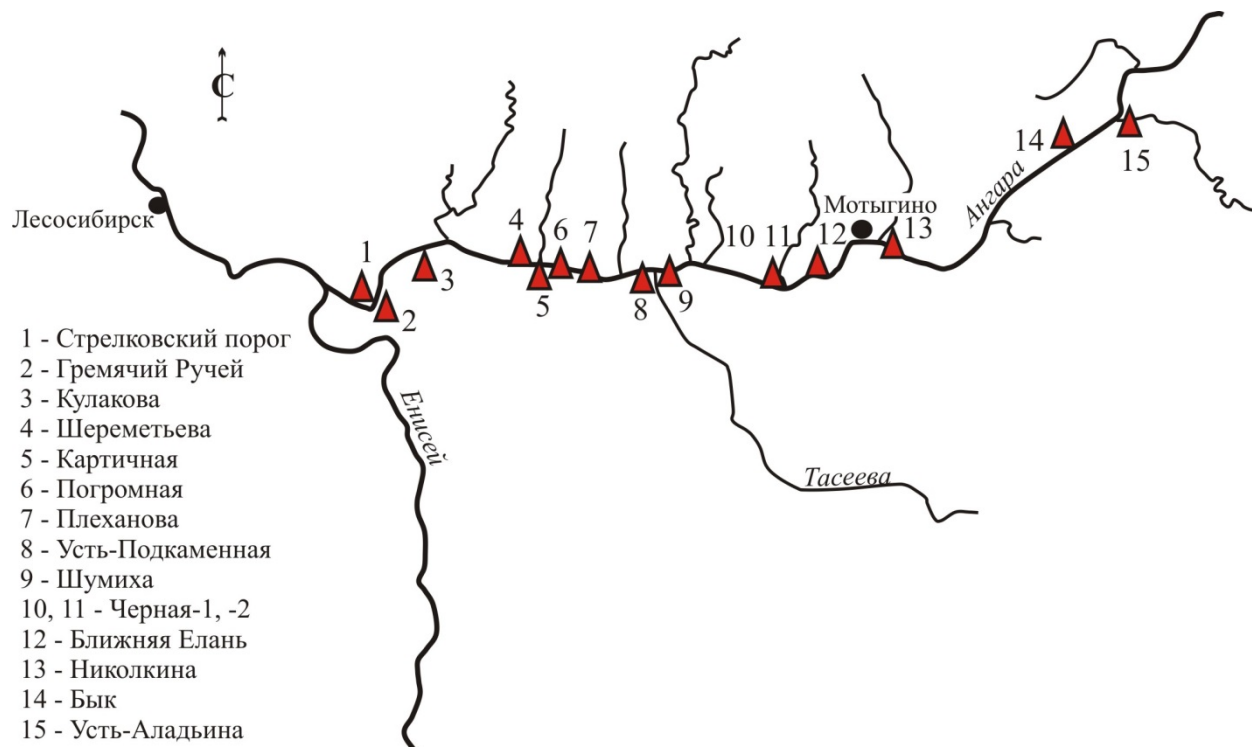

Рис. 1. Карта-схема размещения археологических памятников в низовьях Ангары, обследованных экспедицией в 1991 и 1995 гг.

Стоянка Стрелковский порог выявлена на правом берегу Ангары ниже порога на месте размещения металлургического завода Рязанова конца XIX в. Берег здесь сложен из каменных глыб, пространство между которыми заполнено песчанистыми почвами, образующими 8-метровую террасу. На момент осмотра местность была выжжена низовым пожаром, отчего на поверхности отмечались контуры всех имеющихся ям от углубленных жилищ, наземных построек, столбов изгороди и т. п.

Снят инструментальный план. В осыпях террасы собран археологический материал, а в шурфе выявлено три культурных слоя, относящихся к средним векам, раннему железному веку и неолиту. Позднее шурф был расширен до раскопа, материалы которого опубликованы [Мандрыка, Фокин, 2003].

Стоянка Гремячий Ручей находится в 18 км выше устья р. Ангары на 6-метровой террасе левого берега. Фрагменты керамики с ногтевыми вдавлениями собраны на подрезках заброшенной дороги к бывшему Ангарскому шпалозаводу. В двух шурфах в 50 и 100 м ниже устья ручья отмечен культурный слой, залегающий в подперновом серой супеси. Предварительная датировка – I тысячелетие н. э.

Местонахождение Кулакова отмечено на территории одноименной деревни. В осыпях 12-метровой приустьевой террасы правого берега р. Рассоха были собраны фрагменты неорнаментированной керамики и чопперовидное галечное орудие. В зачистках борта террасы культурный слой не выявлен, отмечено значительное техногенное воздействие на поверхность террасы. Предварительная датировка артефактов – неолит.

Стоянка Шереметьева находится напротив острова Картичный, на 10-метровой правобережной ангарской террасе ниже устья ручья Шереметьева.

Поверхность объекта относительно ровная и покрыта смешанным лесом.

При осмотре осыпей террасы в 70 м ниже устья ручья отмечены фрагменты керамики без орнамента. В зачистке борта террасы на глубине 40 см в слое серого песка зафиксированы два галечных грузила с выемками-перехватами. Предварительная датировка неолитом определена по стратиграфическому положению слоя.

Стоянка Картичная расположена на юго-западной оконечности одноименного острова, на 7-метровой островной террасе. Площадь памятника относительно ровная, залесованная. Край террасы нарушен ямами от якорей лесосплавных бон.

Подъемный материал собран в осыпях бортов имеющихся ям. Отмечены фрагменты стенок от одного сосуда, украшенного прямыми рядами накольчатых оттисков (рис. 2, 1). Керамика толстостенная, слоистая, с высоким содержанием в формовочной массе песка и дресвы. По выполненной в борту террасы зачистке в подперновом сером песке выявлен культурный слой. По стратиграфическому положению и керамике он отнесен к железному веку.

Стоянка Погромная выявлена на 4–5-метровой террасе южной оконечности острова с таким же названием, который находится на участке 48–53 км от устья Ангары. В истории освоения Нижнего Приангарья есть упоминания о событиях на этом острове, который в начале XVII в. мог называться «Илтиковым островом». Возможно, на нем «перекололи пленных питских тунгусов <...> государевы ясашные остяки», которые ходили в 1625–1626 гг. вместе с атаманом Василием Алексеевым на тунгусского князя Тасея [Долгих, 1960, с. 185–186].

С осыпей островной террасы собраны фрагменты керамики без орнамента и железные шлаки. В шурфе выявлено два культурных слоя. Первый

приурочен к черной поддерновой супеси. В нем при зачистке зафиксирован прямоугольный контур ямы размерами 70×90 см, глубиной 15–19 см, с ровным дном. Она оказалась заполненной черной супесью с большой концентрацией древесного угля. В углу ямы сохранился тлен от деревянного столба диаметром 12 см. Вокруг ямы отмечается прокаленная почва. Из находок отмечены многочисленные фрагменты русской гончарной посуды (рис. 2, 2–3). Среди них фрагменты венчиков от двух сосудов и три обломка плоских доннышек. Посуда сероглиняная, на поверхности сохранились горизонтальные бороздки – следы вытягивания емкости на гончарном кругу.

Второй культурный слой залегает под первым, на глубине 30 см и приурочен к почве темно-серого песка. Среди находок встречены каменные отщепы и фрагменты керамики от двух сосудов. Первый – горшок с утолщенным широкой лентой краем. Украшен орнаментальным поясом из рядов приостренных наколов и расположенными между ними тремя линиями из таких же отступающих оттисков. По плечу также проходит ряд наколов (рис. 2, 5). Второй сосуд тоже горшковидной формы, украшен по плечу рядами овальных пальцевых наколов, в ложбинке которых фиксируется отпечаток ногтя (рис. 2, 4).

Отмеченный слой компрессионный, в нем залегали разновременные находки. Каменные отщепы кремнистой породы могут относиться к неолиту или бронзовому веку. Сосуд с наlepной лентой по краю и отступающими приостренными наколами сопоставляется с керамикой каменско-маковского варианта цэпаньской культуры [Мандрыка, 2016, с. 234]. К этому же времени может относиться и керамика с пальцевыми наколами, которая известна в районе исследования на других памятниках [Мандрыка, Фокин, 2003, с. 95, рис. 2–5].

При зачистке борта террасы, в 40 м от шурфа, между отмеченными слоями выявлена стерильная прослойка песка, что позволит при дальнейших раскопках стратиграфически разделить разновременные находки.

Стоянка Плеханова находится на одноименном острове, который расположен напротив п. Кулаково. Она тянется вдоль южного края острова от его верхней оконечности до 2/3 площади. На этом участке островная терраса имеет 6-метровую высоту от уреза воды. Вся поверхность покрыта смешанным лесом. На памятнике собран подъемный материал, и для привязки его к разрезу выполнена зачистка.

В 200 м от верхней оконечности острова в осыпях террасы под дерном были найдены три куса железных шлаков. В 400 м ниже, на склоне, отмечены фрагменты керамики без орнамента и обломок каменного молота (рис. 2, 20). На последнем сохранился выбитый желобок. Куски железных шлаков отмечены и в 1,2 км от края острова. Все найденные артефакты привязаны к одному культурному слою, который выявлен в зачистке на глубине до 40 см и приурочен к бурой супеси.

Датировка слоя определяется тонкостенной керамикой, железными шлаками и каменным молотом с выбитым желобком. Такие орудия связаны с металлургией и хорошо известны на многих средневековых памятниках Нижнего Приангарья [Князева, 2011; Голубева, 2016].

Стоянка Усть-Подкаменная расположена в 2 км ниже устья р. Тасеева, на 7-метровой приустьевой левобережной террасе р. Подкаменная. При ее впадении в Ангару речка огибает мыс. Длина его 130 м, ширина в приустьевой части до 10 м. Гребень оформлен русловым валом, сложенным из крупных валунов.

Рис. 2. Археологический материал из памятников низовьев Ангары:
 1 – стоянка Картичная; 2–5 – стоянка Погромная; 6–10 – стоянка Шумиха; 11–14 – стоянка Черная-1;
 15 – стоянка Черная-2; 16 – стоянка Ближняя Елань; 17 – стоянка Николкина; 18, 19, 21 – стоянка Бык;
 20 – стоянка Плеханова. 1–10, 15–18 – керамика; 11, 13, 14, 19 – камень; 12 – железо

На поле возле заброшенных построек найдены фрагменты тонкостенной керамики без орнамента. В зачистке выявлены два культурных слоя. Первый приурочен к кровле черной супеси и залегал на глубине 2–30 см. Здесь зафиксирован фрагмент керамики без орнамента и линзовидное включение красной прокаленной супеси с высокой концентрацией древесного угля. Второй культурный слой отмечен над горизонтом валунов и связан с коричневой супесью. Здесь найдены продукты расщепления камня.

По характеру материала и геологическому разрезу слои относятся к средним векам и неолиту.

Стоянка Шумиха открыта в 1 км выше устья р. Тасеева на 7-метровой левобережной ангарской террасе ниже устья ручья Шумиха. Здесь в недавнем прошлом размещалось плотбище. На поляне в отвалах неглубокой ямы найдены фрагменты керамики от сосуда закрытой формы, венчик которого украшен косыми насечками, а внешний борт – прочерченными линиями, дополненными двумя поясами «жемчужин» (рис. 2, 10). На фрагменте от стенки сосуда прочерченные линии пересекаются, образуя сетку с ромбовидными ячейками (рис. 2, 9).

В шурфе выявлено три культурных слоя. Первый залегал под дерном, в кровле темно-коричневого суглинка. В нем на глубине 10–20 см выявлены каменные пластинки и отщепы, а также 11 фрагментов керамики, среди которых два венчика. Один принадлежал горшку, горловина которого оформлена широкой налепной лентой с пальцевыми защипами по ребрам (рис. 2, 6). Второй – горшку с отогнутым краем и орнаментом из округлых наколов и пояса ямок.

Второй слой приурочен к подошве темно-коричневого суглинка и отделяется от первого стерильным пространством мощностью 12 см. В слое на глу-

бине от 32 до 40 см отмечено скопление каменных отщепов и сколов с орудий, а также фрагменты керамики, орнаментированные оттисками зубчатого штампа (рис. 2, 7).

Третий слой залегал непосредственно под вторым и был приурочен к светло-коричневому суглинку. На глубине 40–65 см найдены галечное грузило с «перехватами», каменные отбойник, отщепы, пластинки, сколы с нуклеусов, а также фрагмент керамики с тремя рядами овальных наколов (рис. 2, 8).

Полученные материалы показывают многослойность памятника. К средним векам относится керамика с прочерченным орнаментом из сборов. Она, видимо, происходила из темно-серой супеси, покрытой дерном. Первый культурный слой, зафиксированный в шурфе, следует относить к концу бронзового – началу раннего железного века. Керамика из него сопоставляется с широко распространенным на Ангаре и Енисее заостровским типом керамики [Абдулина, Мандрыка, 2007]. Есть она и среди материалов цэпаньской культуры [Привалихин, 2011, с. 178, рис. 10 – 5]. Два нижележащих горизонта относятся к эпохе неолита. Керамика с зубчатыми оттисками и овальными наколами находит широкие аналогии в неолитических комплексах как Нижнего Приангарья, так и Красноярской лесостепи [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 138, 139; Макаров, 2005, с. 156].

Стоянка Черная-2 расположена в 7,7 км ниже с. Рыбного, на 10-метровой правобережной приустьевой террасе р. Черной. Здесь когда-то проводилась вырубка леса, отчего осталась поляна и заброшенное строение. Борт террасы подрезан дорожным спуском и ямами-карьерами, из которых вынимался грунт для отсыпки лесной дороги. Она проходит по краю террасы и выходит на грунтовую, ведущую в село.

Сбор материала проводился в 90 м западнее устья реки. Найден фрагмент венчика тонкостенного сосуда с прямой шейкой, украшенной рядами разнонаправленных оттисков прямоугольного гладкого штампа, образующих мотив «елочка» (рис. 2, 15). В шурфе в слое темно-серой поддериновой супеси выявлен культурный слой, в котором отмечены фрагменты керамики без орнамента и куски железных шлаков.

Черепки горшков с оттисками гладкого штампа по прямой шейке находят на многих памятниках в южно-таежных районах Нижнего Приангарья. На многослойных местонахождениях Енисея они отмечены в раннесредневековых комплексах [Мандрыка, 2005, с. 176, рис. 3; Археология и палеоэкология..., 2003, с. 146, рис. 50].

Стоянка Черная находится в 7,6 км ниже с. Рыбного, на 4–6-метровой правобережной ангарской террасе выше устья р. Черной. Вверх по течению высота террасы постепенно повышается. Здесь проходила грунтовая дорога, подрезавшая культурные слои, с которых на поверхности собраны фрагменты керамики и вещи. Протяженность стоянки – не менее 300 м вдоль берега Ангары.

Было отмечено несколько участков подъемных сборов. Первый расположен в 50 м от устья притока, в траншее возле грунтовой дороги. Здесь отмечен фрагмент венчика сосуда с выделенной шейкой. Обрез края горшка рассечен косыми насечками, а по шейке прочерчена линия. В месте находки выполнена зачистка, культурный слой отсутствовал, он уничтожен строительством дороги.

Второй участок сбора археологического материала размещался вдоль края террасы в 200–300 м от устья р. Черной. Находки собирались вдоль кромки террасы и по обочине лесной дороги. В отвалах одной дорожной ямы зафиксировано скопление артефактов.

Найдены каменные отщепы, фрагменты керамики с обмазочными валиками, куски железных шлаков и антропоморфное изображение, вырезанное из плоской железной пластины. У фигуры обозначены голова, ноги и руки, пропорции тела вытянутые. Длина изделия – 11 см, максимальная ширина – 2 см. К моменту публикации предмет сохранился частично, нижняя часть рассыпалась (рис. 2, 12).

В расположенном на этом месте шурфе выявлен культурный слой, приуроченный к поддериновой супеси бежевого цвета с включением древесных углей. В нем кроме каменных отщепов и сколов найдены: каменный наконечник стрелы с треугольным пером и коротким широким черешком (рис. 2, 14); миниатюрный концевой скребок, выполненный на отщепе; фрагменты керамики и венчик сосуда карабульского типа.

В 50 м северо-восточнее шурфа на месте обнажившегося пятна прокаленной почвы заложен небольшой раскоп. В нем изучен один культурный слой, приуроченный к темно-серой поддериновой гумусированной супеси. В центре вскрытой площади расчищены остатки ямы от железоплавильного горна. Диаметр ямы около 1 м, глубина 50 см. В заполнении, состоящем из черной и прокаленной супеси, встречены куски обожженной глины и железных шлаков, а также железная V-образная скоба из прямоугольного в сечении прута и каменный наконечник стрелы с вогнутой базой (рис. 2, 11). Рядом с ямой размещался огромный валун с выемками, возможно, от механических ударов.

На уровне древней поверхности вокруг ямы найден еще один каменный наконечник стрелы похожей формы (рис. 2, 13), каменные отщепы и керамика от трех разнотипных сосудов с отпечатками сетки-плетенки, с рубчатыми оттисками от выколотки и поясом «жемчужин» под краем, а также с орнаментом

из рядов отпечатков гладкого прямоугольного штампа по наклепной ленте.

Проведенные работы показали на памятнике наличие одного компрессионного культурного слоя, содержащего разновременные материалы. К неолиту следует отнести фрагменты сосуда с оттисками сетки-плетенки. Такая керамика хорошо известна на памятниках Ангары и прилегающих территорий [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Бердников, 2013, с. 207]. Керамика с оттисками рубчатой колотушки и поясом «жемчужин» под венчиком датируется бронзовым веком. Она также хорошо известна на Ангаре [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Пупаева, Фокин, 2015]. К цэпаньской культуре раннего железного века относятся каменные наконечники стрел и фрагмент венчика карабульского типа [Привалихин, 2011; Макаров, 2013]. Остатки металлургического теплотехнического сооружения могут датироваться в интервале от средних веков до Нового времени. С этим же временем связано железное антропоморфное изображение, которое по стилю и общим пропорциям сопоставляется с образцами XI–XIV вв. из могильника Проспихинская Шивера-IV и этнографии. Более узкую датировку дают фрагменты сосудов, украшенные тонкими обмазочными валиками. Они сопоставляются с усть-ковинским типом керамики [Мандрыка, Бирюлева, 2012].

Стоянка Ближняя Елань расположена в 2,9 км ниже с. Рыбного, на 7-метровой правобережной ангарской террасе между скальными останцами урочища Ближняя Елань, в 750 м ниже петроглифов «Оленный утес».

На левом борту лога в приустьевой части безымянного ручья, возле зимовья были собраны фрагменты керамики. В зачистке борта хозяйственной ямы выявлены два культурных слоя. Первый приурочен к темно-серой поддериновой супеси. В нем найдены куски железных шлаков и мелкие фрагменты керамики

с тонкими обмазочными валиками. Второй слой залегал в темно-коричневой супеси. Здесь отмечены каменные отщепы и пластинка, а также толстостенные фрагменты керамики. Поверхность черепков покрыта ложнотекстильными оттисками (замытыми отпечатками грубого витого шнура (?)). По венчику сосуда простой закрытой формы с внутренней стороны нанесены насечки. С внешнего борта поверх технического декора расположены два ряда полукруглых наколов. На имеющемся фрагменте фиксируется просверленное коническое отверстие (рис. 2, 16).

По стратиграфическому положению и аналогиям с керамикой с обмазочными валиками первый культурный слой следует датировать в пределах I тысячелетия н. э. Посуда с ложнотекстильными оттисками не часто встречается на Ангаре. Ближнееланский сосуд находит аналогии в энеолите и бронзовом веке южно-таежных районов Приобья [Кирюшин, 2004, с. 49, рис. 67].

Стоянка Николкина находится на 7-метровой правобережной террасе Ангары, в 10 км выше п. Мотыгино, на верхней окраине бывшего селения Гребень. В этом районе, «выше п. Гребень» в 1937 г. А. П. Окладников отмечал неолитическую стоянку [Окладников, 1937]. Наши сборы проведены на краю террасы, ограниченной с западной стороны безымянным ручьем, с восточной – оконечностью скальной гряды мыса Николкина. Площадь памятника распаивалась, по ней проходят две грунтовые дороги.

Среди сборов отмечены каменные отщепы и сколы, а также один фрагмент стенки тонкостенного сосуда. Он орнаментирован группирующимися оттисками мелкозубчатого орнамента (рис. 2, 17). Культурный слой зафиксирован в шурфе в поддериновой светло-серой супеси. В нем найдены еще два каменных отщепа.

Культурный слой переотложен. По собранным артефактам датировка

объекта определяются в широких рамках от неолита до развитого Средневековья. Найденный фрагмент керамики с мелко-гребенчатыми оттисками сопоставляется с керамикой лесосибирского типа развитого Средневековья [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013].

Стоянка Бык расположена на месте бывшего селения Старый Бык, в 157 км выше устья Ангары на правобережной 7-метровой ангарской террасе выше ручья Кипрушка. Вдоль края террасы тянется русловой вал высотой до 3 м, в двух местах он прорезан спусками к Ангаре.

Подъемные сборы проведены на трех участках. С первого, на пашне в центре заброшенной деревни, подняты каменные отщепы и сколы, обломки костей животных, а также фрагменты сосудов с широкой налепной лентой по краю, украшенной рядами отступающих и накольчатых оттисков зубчатого или приостренного орнамента (рис. 2, 18, 19). На втором участке сборов, в осыпях левобережной приустьевой террасы ручья Кипрушка, отмечены каменный отщеп и керамические черепки, среди которых фрагмент венчика сосуда с насечками по обрезу и двумя рядами «жемчужин» по внешнему борту (рис. 2, 21). На третьем участке – на противоположном берегу речки – с осыпей террасы собраны каменный отщеп и фрагменты керамики без орнамента.

По обнажениям террасы и в шурфе на русловом валу было выявлено два культуросодержащих слоя. Первый приурочен к поддериновой темно-серой супеси. Вторым залегал на глубине 90 см, в горизонте черной супеси, отделяющейся от первого прослойкой речного галечника мощностью до 30 см. На обоих уровнях отмечены каменные отщепы и фрагменты керамики без орнамента.

По находкам и их положению в стратиграфическом разрезе материалы стоянки датируются от неолита до раннего железного века. Наличие двух

уровней с одинаковым археологическим материалом объясняется формированием руслового вала.

Стоянка Усть-Аладьина расположена на обеих приустьевых террасах р. Аладьиной, на левом берегу р. Ангары. Поверхности 9–12-метровых террас свободны от леса. Вдоль Ангары на краю 10-метровой террасы выше устья реки фиксируется русловой вал высотой до 2–3 м.

Археологический материал зафиксирован в нарушениях покровных отложений, на лесной дороге, где подняты каменный отщеп и неорнаментированный фрагмент керамики. На левом берегу речки в борту 12-метровой террасы сделана зачистка, в которой на глубине 55–65 см в слое серой супеси зафиксирован культурный слой. В нем отмечены два отщепа из сланца.

В небольшом раскопе 3×3 м на правом берегу речки, на поверхности 9-метровой террасы по уровню залегания материала выделены пять уровней.

Характер геологических напластований имел следующий вид (сверху-вниз, мощность, см):

- дерн с гумусированной почвой темно-серого цвета – 4–10;
- супесь пепельного цвета – 4–14;
- черная супесь, содержащая в кровле археологический материал первого уровня, – 26–32;
- темно-серая супесь, в кровле которой залегал материал второго уровня, а в подошве – третьего – 20–30;
- черная супесь, содержащая в подошве материал четвертого уровня – 30–32;
- бурая супесь, включающая прослойку мелкой гальки, под которой размещались находки пятого уровня – видимая мощность – 60–74.

Ниже отложения не вскрывались.

Верхние слои на площади раскопа насыпные, видимо, от отвалов ямы-траншеи, которая расположена южнее

раскопа. Следы ковша бульдозера отмечены на первом уровне нахождения археологического материала. В нем найдены каменные отщепы, сколы, обломки костей косули и два фрагмента керамики, один из которых украшен параллельными прочерченными полосами.

Во втором уровне найдены железные шлаки, неопределимые обломки костей животных и черепки от пяти тонкостенных сосудов. Три сосуда горшковидной формы относятся к одному типу, они украшены в верхней части горизонтальными рядами наклонно поставленных гребенчатых оттисков (рис. 3, 2, 4–5). Венчик одного из них рассечен (рис. 3, 2). Ко второму типу принадлежат два горшка в выраженной шейкой. Они орнаментированы по венчику насечками, а по шейке и плечикам – горизонтальными тонкими налепными волнистыми валиками, образованными пальцевыми защипами. Орнамент дополнен поясом ямок по основанию шейки (рис. 3, 1, 3).

В третьем уровне найден кусочек железного шлака и фрагменты керамики от двух горшков. Один – с ярко выраженной шейкой, венчик его каплевидной в сечении формы, утолщен внешним налепом, оформлен пальцевыми вдавлениями (рис. 3, 6). От второго горшка отмечен фрагмент шаровидного тулова, на котором нанесены прямые обмазочные валики, местами примыкающие друг к другу (рис. 3, 7).

В четвертом уровне отмечен обломок стержневидного наконечника стрелы из рога с клиновидным насадом и фрагменты керамики от четырех сосудов. Два из них – с тонкими горизонтальными волнистыми налепными валиками, оформленными пальцевыми защипами (рис. 3, 10–11). Они от того же сосуда (рис. 3, 10), который отмечен во втором уровне (рис. 3, 1). Еще два фрагмента стенок сохранили орнамент из полос отступающих оттисков зубчатых орнаментиров (рис. 3, 8, 12).

Находки из пятого культурного слоя представлены каменными пластинками, отщепами, сколом с нуклеуса и обломками костей и черепа косули.

Стоянка Усть-Аладьина представляет собой поселение, содержащее материалы от неолита до Средневековья. Многослойность разреза на раскопе следует объяснить наложением перемещенного из современной ямы-траншеи грунта. Это можно подтвердить присутствием фрагментов одного сосуда во втором и четвертом уровнях. Такие сосуды, украшенный тонкими волнистыми налепными валиками, использовались в I тыс. н. э. К этому же времени относится фрагмент с обмазочными валиками из третьего уровня. Керамические сосуды с оттисками гребенки, зафиксированные в тех же втором и четвертом уровнях, сопоставляются с керамикой лесосибирского типа развитого Средневековья [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013]. Роговые стержневидные наконечники стрел с клиновидным насадом хорошо известны на ангарских берегах с раннего железного века [Адамов, Данилов, Турова, 2011; 2015; Богучанская..., 2015, с. 215]. На присутствие материалов этого времени указывают и фрагменты стенок сосудов с оттисками зубчатого штампа, которые сопоставляются с керамикой цэпаньской культуры карабульского и взвозовского типов [Привалихин, 2011; Макаров, Быкова, 2011, Леонтьев, Герман, 2015]. Находки пятого уровня соотносятся с поселенческими комплексами эпохи неолита.

Таким образом, полученные материалы из низовьев Ангары в общей своей массе сопоставляются с артефактами из Северного Приангарья и таежного Среднего Енисея, что говорит о единой последовательности культурно-исторического развития древних народов этих районов. Вместе с этим здесь отмечаются находки, свидетельствующие о культурных влияниях Западной Сибири.

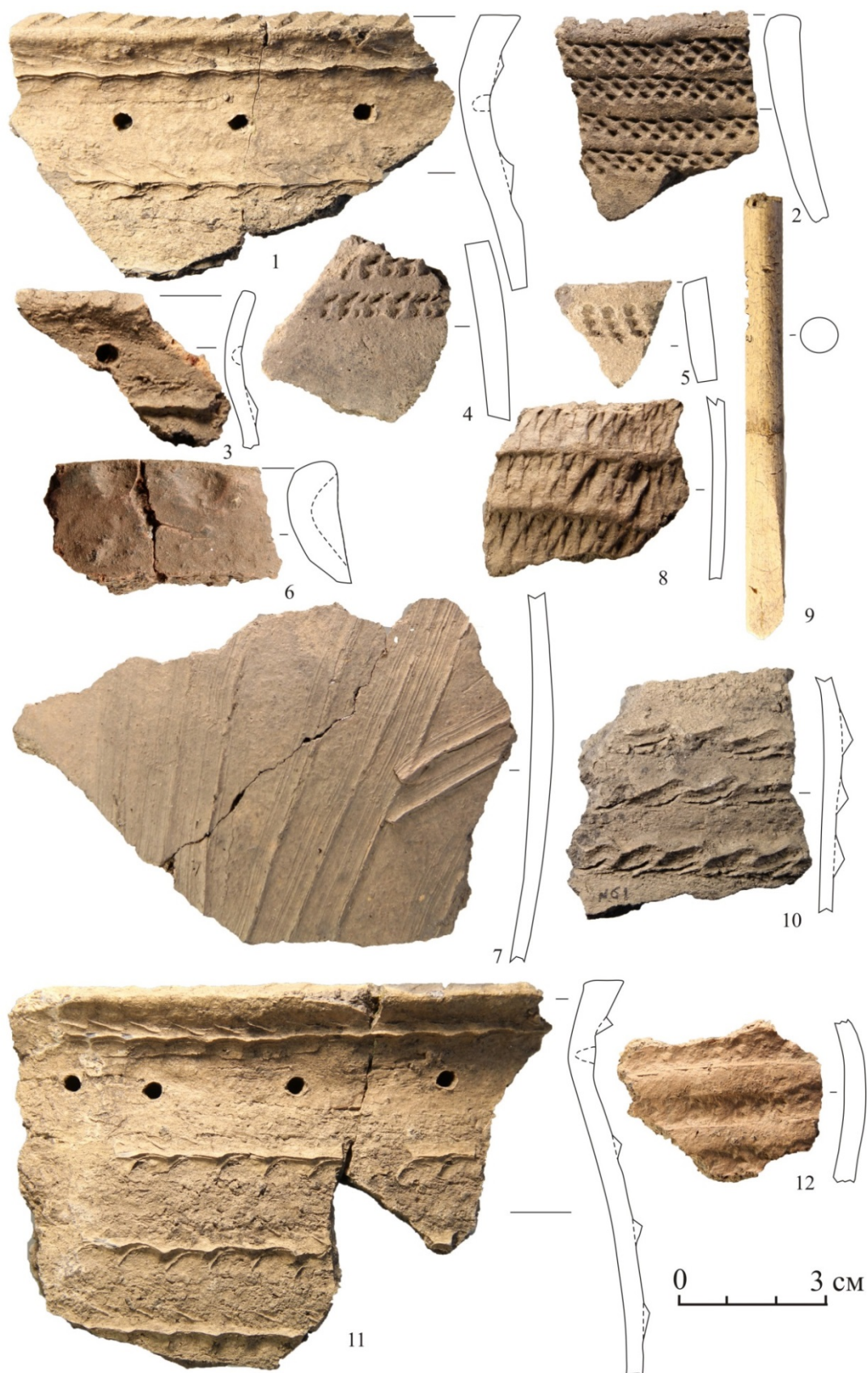

Рис. 3. Археологический материал со стоянки Усть-Аладьина: 1–5 – 2-й уровень; 6–7 – 3-й уровень, 8–12 – 4-й уровень; 9 – рог; остальное – керамика

В низовьях Ангары, в отличие от районов, расположенных выше по течению реки, встречаются многослойные памятники (Шумиха, Погромная). По-видимому, интенсивное накопление на них почв связано с периодическими подтоплениями поверхностей первой надпойменной террасы, происходивших от нестабильного гидрологического ре-

жима Ангары и ее притоков. Изучение раскопками многослойных поселенческих памятников перспективно для получения качественного материала и разработки культурно-хронологических схем развития региона. Дальнейшие археологические исследования позволят скорректировать представленную информацию о памятниках.

Список литературы

1. Абдулина Ю. А., Мандрыка П. В. Новое поселение позднего бронзового века в южной тайге Среднего Енисея // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – Вып. 5. – С. 168–174.
2. Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Погребения со стоянки Окуневка в Северном Приангарье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – Вып. 4. – С. 19–29.
3. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: КГУ, 2003. – 138 с.
4. Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1. – С. 203–229.
5. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с.
6. Вайцехович А. Г., Мандрыка П. В. Результаты археологической разведки нижнего течения реки Ангары // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – С. 129–131.
7. Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
8. Голубева Е. В. Теория и практика экспериментально-трассологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – Средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 144 с.
9. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Тр. Института этнографии, новая серия. – М.; Изд-во ААН СССР, 1960. – Т. 55. – 622 с.
10. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004 – 295 с.
11. Князева Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований // Вест. НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. Вып. 5. Археология и этнография. – С. 108–116.
12. Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз. Пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 87–106.
13. Лоцманская карта реки Ангара. От Усть-Илимской ГЭС до устья. – 1973.

14. Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.
15. Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 130–175.
16. Макаров Н. П., Быкова М. В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 227–231.
17. Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Вып. 3. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 172–185.
18. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 50–61.
19. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье // Вестн. ТГУ. История. – 2013. – № 2. – С. 67–71.
20. Мандрыка П. В. Комплексы с керамикой каменно-маковского типа на Енисее и их место в культуuroгенезе таежной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 232–241.
21. Мандрыка П. В., Фокин С. М. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92–98.
22. Окладников А. П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1937. Д. 222. 32 л.
23. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. – М.-Л.: Наука, 1966. – 322 с.
24. Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. – Красноярск: КККМ, 2011. – Вып. 2. – С. 161–183.
25. Пупаева Л. А., Фокин С. М. Материалы бронзового века с поселения могильника Скородумный Бык // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 59–67.
26. Словарь современных географических названий. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

P. V. Mandryka¹, M. S. Batashev², P. O. Senotrusova¹

¹*Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

²*Krasnoyarsk Regional Museum, Krasnoyarsk*

MATERIALS ON ARCHEOLOGY OF THE LOWER REACH OF ANGARA (results of two archaeological prospections)

Results of prospecting works of the Archaeological expedition of the Krasnoyarsk regional palace of pioneers and school students which has taken place in 1991 and 1995 and conducted in the lower Angara on the site from the item of Ordzhonikidze to the creek are given in article. The multilayered complexes allowing to present in a new way a situation of accumulation of buried soils and to isolate materials of the different periods of the Holocene are distinguished from the opened and surveyed 15 sites occurring at different times.

Keywords: Lower Angara region, Angara, prospecting works, multilayered settlements, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages.

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, Ю. А. Титова

Сибирский федеральный университет, Красноярск
e-mail: pmandryka@yandex.ru, polllina1987@rambler.ru, abdulia@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-XI

В статье представлены результаты изучения поселения Проспихинская Шивера-XI, которое изучалось до формирования Богучанского водохранилища. На памятнике собран подъемный материал, заложено 18 шурфов и 2 раскопа. Полученные данные относятся к разным периодам древней истории. К эпохе Средневековья – железный наконечник стрелы, тесло, крюк, предмет Y-образной формы, бронзовые пронизки и нашивки. К раннему железному веку – каменный и бронзовый наконечники стрел. К неолиту и бронзовому веку – каменные изделия и небольшие фрагменты керамики. Большая часть средневековых материалов принадлежит лесосибирской культуре. Находки раннего железного века сопоставляются с вещами цэпаньской культуры. Все предметы имеют широкие аналогии в археологических памятниках Нижнего Приангарья.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, поселение, Средневековье, лесосибирская культура, ранний железный век, цэпаньская культура, бронза, неолит.

В 2009–2011 гг. в рамках работ Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН отрядом Сибирского федерального университета под руководством П. В. Мандрыки проводились полевые работы по изучению ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино в нижнем течении р. Ангары. На нем рекогносцировочными работами было выделено 13 пунктов распространения культурного слоя, на некоторых перспективных для работ участках были проведены небольшие раскопки, давшие показательный материал. В ходе этих работ изучалось поселение Проспихинская Шивера-XI.

Оно располагалось в северной части ансамбля, на 16–19-метровой правобережной террасе р. Ангары, в 1,3 км выше устья р. Коды, в 200 м юго-восточнее комплекса Проспихинская Шивера-IV [Богучанская..., 2015, рис. 83]. Поверхность террасы относительно ровная, с невысокой гривкой и небольшим ложком, включает заплывший прирусловой вал. В настоящее время эта террито-

рия затоплена водами водохранилища Богучанской ГЭС.

Исследование памятника началось в 2008 г. А. Н. Зениным и А. В. Постновым, которые заложили на нем один шурф, обозначенный под № 11. В 2009 г. рекогносцировочными работами П. В. Мандрыки 18 шурфами была определена площадь распространения культурного слоя, которая составляла 10 157 м². В 2011 г. возле края террасы, в 96 м друг от друга было поставлено два небольших раскопа общей площадью 55 м².

С разрушенных лесосводкой участков культурного слоя были собраны предметы, которые по морфологическим признакам могут быть отнесены к средним векам. Это небольшое железное тесло без плечиков, с несомкнутой втулкой и секирообразным лезвием (рис. 2, 15), крюк из прямоугольного в сечении железного прута с петлей на конце (рис. 2, 14), восьмеркообразное звено от железной цепи из квадратного в сечении прута (рис. 2, 16).

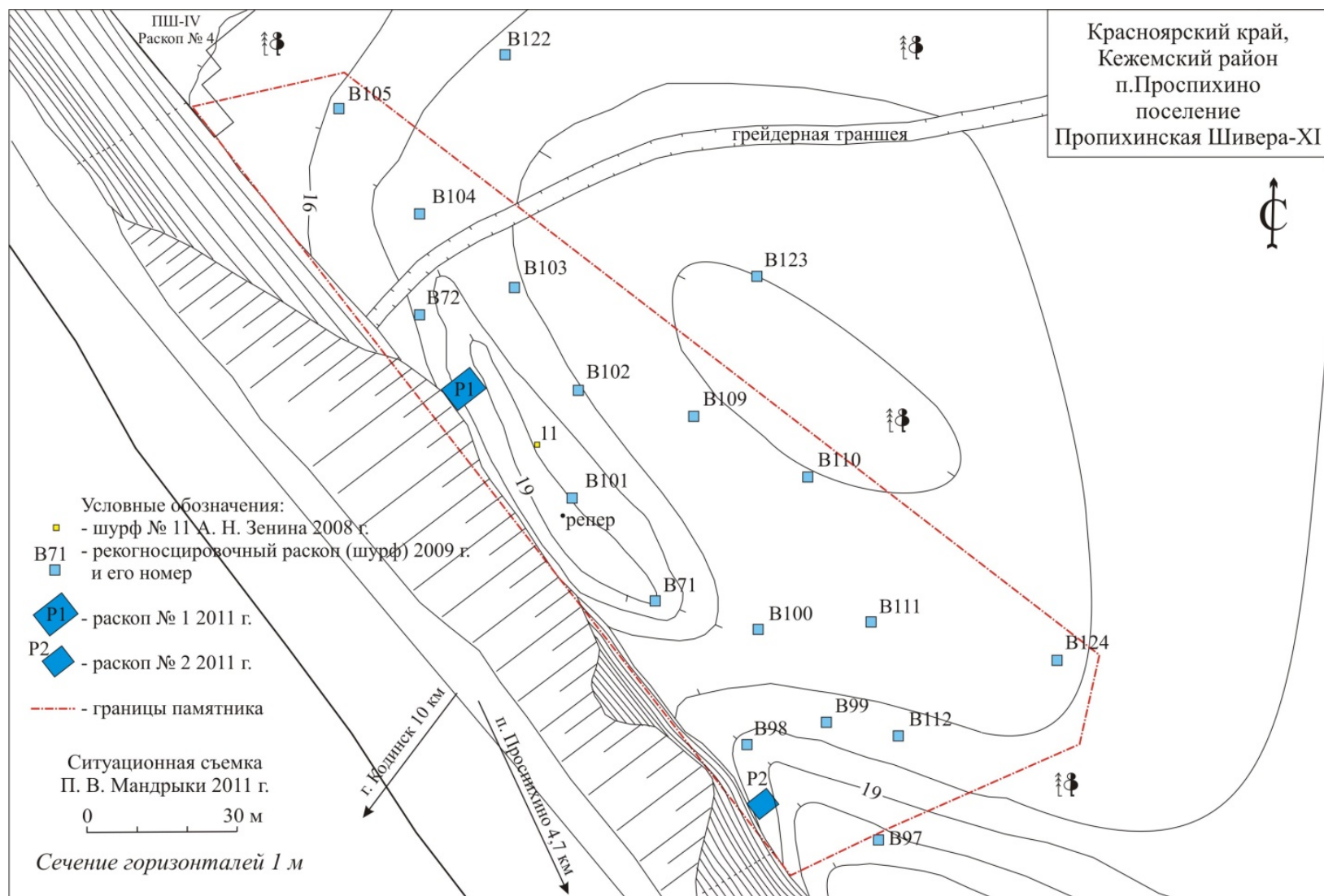

Рис. 1. Топоплан поселения Проспихинская Шивера-XI

Две трубчатые пронизки из тонкого бронзового листа. Одна из них имеет сквозные отверстия у торцов и украшена между ними циркульным орнаментом (рис. 2, 17). На второй пронизке фиксируются тонкие насечки на торцах и сквозное отверстие в центре (рис. 2, 18). Нашивка из белого металла (олово?) овальной формы с тремя поперечными углублениями (рис. 2, 11).

Железный черешковый наконечник стрелы с упором (рис. 2, 12). Черешок его округлый в сечении, со спиралевидно расположенными насечками, имитирующими «резьбу». Перо двухлопастное, вытянутой шестиугольной формы с ярко выраженным ребром жесткости (нервюрой). В нижней части лопастей имеются по три круглых отверстия, расположенных треугольником. К острию нервюра утолщается, и перо из плоского становится ромбическим в сечении. Края проникателя затачивались.

Археологический материал был зафиксирован в 13 рекогносцировочных шурфах. В числе находок – железные шлаки, обломки костей животных, каменные отщепы и пластинки, фрагменты керамики без орнамента. В отдельных случаях находки более выразительны. В шурфе № В99 в слое на глубине 20 см найден фрагмент венчика сосуда устьковинского типа [Бирюлева, 2013]. В шурфе № В105 в первом слое на глубине 15–20 см отмечены фрагменты керамики лесосибирского типа (8 экз.). Во втором слое на глубине 30–35 см зафиксирован каменный концевой скребок трапецевидной формы, выполненный на крупном массивном отщепе (рис. 2, 30).

Также два культурных слоя были отмечены в шурфе № В110, где на глубине 9 см найден фрагмент венчика сосуда с рядами гладких наколов (рис. 2, 22), а на глубине 25–30 см – фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки.

В раскопе № 1 размерами 7×5 м присутствовал только первый культур-

ный слой памятника, который был приурочен к подперновой серой супеси и залегал на глубине 10–15 см. В нем найден набор средневековых вещей, состоящий из железного предмета Y-образной формы с широким U-образным навершием, концы которого загнуты и образуют небольшие петельки (рис. 2, 1) и бронзовых четырехлепестковых нашивок (9 шт.) с тремя насечками на каждом из лепестков и петелькой с обратной стороны (рис. 2, 2–10). Здесь же зафиксирован фрагмент керамики без орнамента и обломки костей мелкого копытного животного.

В раскопе № 2 размерами 4×5 м изучен один компрессионный культурный слой, который приурочен к слою подперновой серой супеси и залегал на глубине 10–20 см. В нем отмечены разновременные вещи и фрагменты трубчатых костей.

К средним векам относится обломок загнутого железного прута (рис. 2, 13) и куски железных шлаков вместе с обломками обожженной глиняной обмазки от камеры печи, а также фрагмент венчика с обмазочными валиками (рис. 2, 27) и стенки с рядами оттисков гребенки (рис. 2, 25, 28).

К цэпаньской культуре можно отнести два наконечника стрелы. Бронзовый – трехлопастной без черешкового насада (рис. 2, 20). Каменный – бифасиально обработан, вытянутых пропорций с вогнутой базой (рис. 2, 21). Изделие было собрано в целую форму из трех частей со следами механического слома. Этим же временем можно датировать фрагмент венчика с изображением какой-то фигуры, нанесенной оттисками зубчатого штампа.

Эпохой неолита или бронзы следует датировать призматический одноплощадочный каменный нуклеус кругового скалывания (рис. 2, 29), а также обломки точильного камня из песчаника и фрагмент керамики с рядами фигурных наколов (рис. 2, 26).

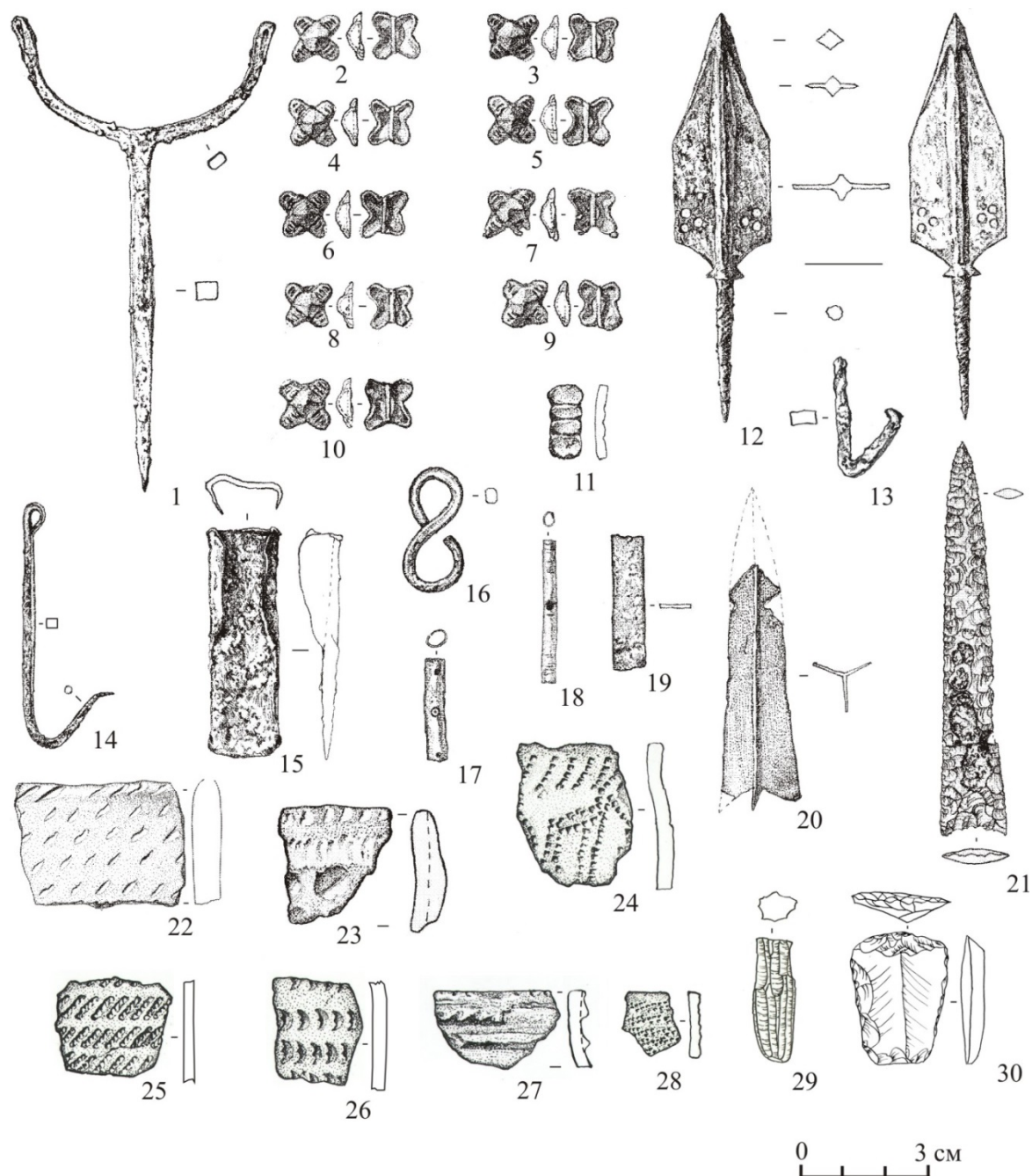

Рис. 2. Материалы поселения Проспихинская Шивера-XI: 1, 12–16, 19 – железо; 2–11, 17–18, 20 – бронза; 22–28 – керамика; 21, 29–30 – камень

Найденные на поселении материалы хронологически неоднородны, однако большая их часть датируется эпохой Средневековья. К лесосибирской культуре (XI–XIV вв.) относятся четырехлепестковые нашивки, предмет Y-образной формы, тесло, крюк, восьмеркообразное звено цепи [Сенотрусова,

2013]. Все эти изделия могут быть связаны с функционированием могильника Проспихинская Шивера-IV, который расположен в 200 м ниже по течению Ангары. Возможно, что вещи происходят из разрушенных погребений или могли быть оставлены здесь в ходе поминальных действий.

Уникальны найденные на памятнике железный наконечник стрелы с нервюрой, бронзовые трубчатые пронизки с отверстиями в боковой стенке и нашивка из белого металла. Аналогий наконечнику в Приангарье пока не известно. Как отмечает Ю. С. Худяков, дистанционные проникатели такого типа не известны в материалах енисейских кыргызов, и в бассейне Енисея присутствовали только у их кыштымов. Подобные изделия датируются в пределах XIII–XIV вв. н. э. [Худяков, Ким, 2001, с. 56]. Аналогичные наконечники стрел присутствуют в материалах Кузнецкой котловины XIII–XIV вв. [Илюшин, 2005, с. 235].

Вероятно, более поздним временем следует датировать овальную нашивку из белого металла. На Ангаре подобная нашивка была найдена на стоянке-могильнике Сосновый Мыс [Богучанская..., 2015, с. 402, рис. 398, 3]. В материалах Томского Приобья близкие по форме трехчастные нашивки, но штампо-

ванные из медного листа, известны среди находок XVI–XVIII вв. [Боброва, Максимова, Торощина, 2002, с. 124].

В период цэпаньской культуры оставлен на памятнике бронзовый трехлопастной бесчерешковый наконечник стрелы, который находит многочисленные аналогии в материалах Северного Приангарья [Привалихин, 2011, рис. 2–9; Богучанская..., 2015, рис. 128, 63]. То же самое можно сказать и о каменном наконечнике с вогнутым основанием [Привалихин, 2011, рис. 2–4], хотя его отличаются удлинённые пропорции. Из керамики к периоду финальной бронзы – раннего железного века относится фрагмент венчика с налепной лентой (рис. 1, 23).

В целом пункт Проспихинская Шивера-ХІ представляет собой типичный для Нижнего Приангарья поселенческий комплекс с компрессионными культурными отложениями, содержащими разновременный материал.

Список литературы

1. Бирюлева К. В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV // Древности Приенисейской Сибири – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.
2. Боброва А. И., Максимова И. Е., Торощина Н. В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 106–139.
3. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с.
4. Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.
5. Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследования // Второй век подвижничества. – Красноярск: ККМ, 2011. – С. 161–183.
6. Сенотрусова П. О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья развитого Средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Баранул, 2013. – 26 с.
7. Худяков Ю. С., Ким С. А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху Средневековья. – Новосибирск: НГУ, 2001. – С. 50–75.

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, Ю. А. Титова

P. V. Mandryka, P. O. Senotrusova, Yu. A. Titova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

RESULTS OF FIELD RESEARCH OF THE SETTLEMENT PROSPIHINSKAYA SHIVERA-XI

Results of studying of the settlement of Prospikhinskaya Shivera-XI are presented in article. On a monument lifting material is built, 14 holes and 2 excavations are put. Material monument occurring at different times. The arrowhead, socketed chisei, a fishing hook, a subject of a Y-shaped form, bronze pronizk and stripes belong to an era of the Middle Ages iron. It is possible to carry a stone and bronze arrowhead of an arrow to the Early Iron Age. Stone products and small fragments of ceramics are dated in the wide range of the Neolithic – Bronze. The most part of medieval materials is similar to objects from a burial ground Prospikhinskaya Shivera-IV. Other objects have broad analogies in archaeological monuments of Lower Angara region.

Keywords: Lower Angara region, settlement, Middle Ages, Early Iron Age, bronze, Neolithic.

Ю. А. Титова, К. В. Бирюлева, П. В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск
e-mail: abdulia@mail.ru; ksy36ss@yandex.ru, pmandryka@yandex.ru

СТОЯНКА УДАЧНЫЙ-14 В ОКРЕСТНОСТЯХ КРАСНОЯРСКА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ)*

В статье приводятся история изучения и новые материалы стоянки Удачный-14, расположенной в Красноярской лесостепи на левобережной террасе р. Енисея. Памятник содержит площадки с разновременными материалами эпохи развитого неолита, раннего и позднего бронзового века, гунно-сарматского периода раннего железного века. Здесь также зафиксирован наконечник стрелы развитого Средневековья и артефакты Нового и Новейшего времени, относящиеся ко времени функционирования на данной территории Успенского мужского монастыря.

Ключевые слова: археологическое наследие, Красноярская лесостепь, неолит, бронзовый век, ранний железный век, Успенский мужской монастырь.

ВОАН «Удачный. Стоянка-14 (Западная-5)» (далее – стоянка Удачный-14) – это комплекс разновременных стоянок, расположенный в южной части красноярской лесостепи на надпойменной 8–10-метровой террасе левого берега р. Енисея, на территории Успенского мужского монастыря (рис. 1). На протяжении двух полевых сезонов объект изучался стационарными раскопками археологической экспедицией Сибирского федерального университета, в ходе которых получены новые материалы, позволяющие подвести некоторые итоги изучения памятника.

Место размещения стоянки и история ее изучения. Стоянка входит в число объектов Монастырского комплекса археологических памятников, состоящего из разновременных поселений, локализованных на правом берегу р. Енисей от речки Собакина до Академгородка г. Красноярска. Часть из них расположена на поверхности надпойменной террасы протяженностью около 7 км, ограниченной с тыльной стороны склонами коренной террасы. Также сюда

включены стоянки, устроенные в гrotах и пещерах скальных выходов, примыкающих к террасе. Комплекс был выделен П. В. Мандрыкой в 2002 г. и включает 34 разновременных объекта от мезолита до русского времени [Мандрыка, 2003, с. 64–65].

Первые упоминания о нахождении археологических артефактов в районе Успенского монастыря относятся к 1912 г., найденные фрагменты керамики были переданы в Красноярский музей. Кто обнаружил данные находки, неизвестно, есть вероятность, что автором этих сборов могли быть А. П. Ермолаев или С. М. Сергеев, или А. Я. Тугаринов – все состояли в Красноярском подотделе Русского географического общества [Там же, с. 61]. Весной 1945 г. А. П. Окладников в этом же районе, у «дачного займища», в береговом обнажении обнаружил скребловидное орудие и несколько отщепов [Рыгдалон, 1953, с. 276]. В 1980 г. Н. П. Макаров находит на пашне севернее Успенского монастыря железный трехлопастный кыргызский наконечник стрелы [Мандрыка, 2003, с. 63].

* Работа выполнена в рамках научного проекта РГНФ № 16-11-24003 и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

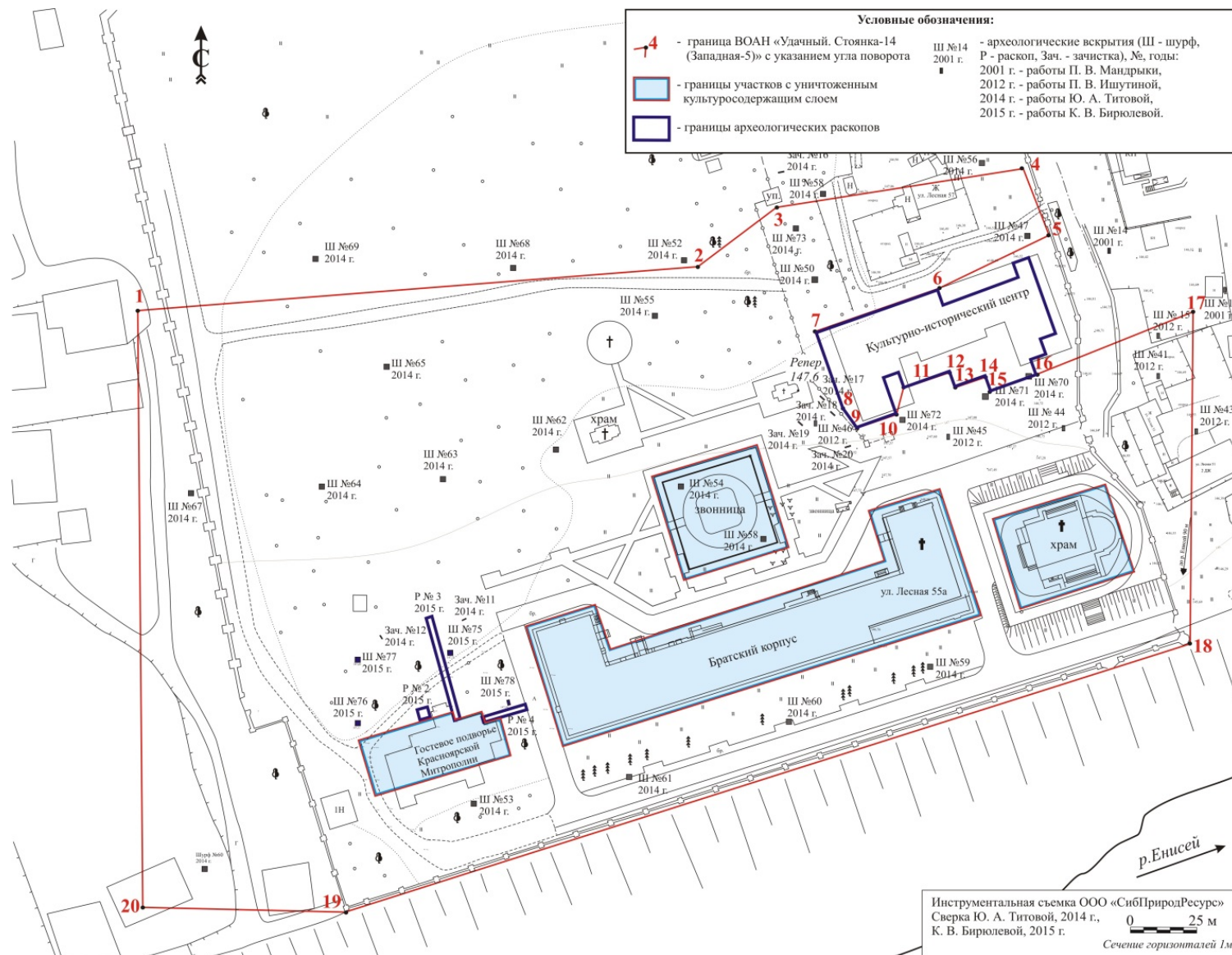

Рис. 1. Топографический план памятника Удачный-14 на территории Успенского монастыря

Стоянка Удачный-14 была поставлена на государственный учет по результатам работ П. В. Мандрыки в 2001 г. Тогда были установлены северная и северо-восточная ее границы. Датировка культурного слоя предварительно определялась в интервале V–IV тыс. до н. э. Она обосновывалась условиями стратиграфического залегания и обнаруженными артефактами – каменным отщепом и фрагментами керамики, украшенными горизонтальными рядами зубчатого штампа и поясом «жемчужин» [Архив ЛА СФУ. Р-1. № 38. Л. 23]. В 2002 г. стоянка обследовалась А. С. Тереховым. В составленном паспорте археологический объект получил название «Удачный. Стоянка-14 (Западная-5)». В 2012 г. работы на нем проводила П. В. Ишутина [Архив ЛА СФУ. Р-1. № 91а. Л. 79–86]. Пятью археологическими шурфами и четырьмя зачистками были установлены северо-западные границы объекта. Восточная его часть осталась необследованной в силу закрытости территории монастыря для археологических работ.

В 2014 г. после получения доступа Ю. А. Титова провела масштабные рекогносцировочные работы и определила границы объекта, а также уточнила его датировку. Сборы подъемного материала проведены вдоль края террасы. Ее поверхность была покрыта сетью из 27 разведывательных шурфов и 11 зачисток общей площадью 112 м². Стационарным раскопом № 1 в северо-восточной части памятника был изучен участок площадью 1 920 м². В следующем, 2015 г. К. В. Бирюлевой были проведены изыскательские работы в юго-восточной части памятника, где тремя раскопами и четырьмя рекогносцировочными шурфами вскрыто еще 150 м² площади. В результате всех проведенных на памятнике полевых работ был выявлен разновременный археологический материал, относящийся к периодам от эпохи неолита до современности.

Характеристика культурных слоев. Памятник содержит культурные слои с разновременными материалами, локализованными на разных его участках. Характер их распространения позволяет выделить несколько культурно-хронологических комплексов, которые соответствуют площадкам заселения, т. е. древним стоянкам.

Для всех вскрытий характерна схожая стратиграфическая ситуация. Под дерном залегает гумусированный слой темно-серой (черной) супесчаной почвы мощностью до 25 см. На значительной площади он переотложен или уничтожен. К нему приурочены находки Нового и Новейшего времени. Ниже расположена бурая супесчаная почва мощностью до 40 см. В кровле этого слоя на некоторых участках отмечены материалы позднего бронзового и раннего железного века. С толщей и подошвой этого же слоя связаны материалы, которые по присутствию керамики устьбельского типа могут относиться к эпохам неолита и раннего бронзового века. Вскрытие почвенных отложений до уровня руслового галечника, который залегает на глубине 220 см, показало, что культуровмещающих горизонтов ниже слоя бурой супеси нет.

Материалы Нового и Новейшего времени приурочены к первому культурному слою памятника и локализуются в южной его части вдоль края террасы возле существующих и разрушенных построек монастыря, бывшего детского лагеря и дачного поселка. В границах церковного сада находки этого времени единичны. Из слоя изъято 440 находок, в том числе 197 фрагментов керамики, фарфоровых, фаянсовых и стеклянных емкостей, 25 железных изделий, 18 монет, часть чугунной печной дверцы, а также обломки кирпичей и костей животных (свиньи, коровы и лошади). Материалы слоя подробно рассмотрены в отдельной статье настоящего сборника

(Бирюлева, Титова «Элементы материальной культуры Успенского монастыря конца XIX – начала XX в. в г. Красноярске (по археологическим данным)»).

На стоянке известна единственная находка эпохи Средневековья. Она обнаружена в восточной части памятника и представлена железным наконечником стрелы с ромбическим пером и квадратным в сечении черешком (рис. 2). Такие изделия имели широкое хождение в степных, лесостепных и таежных районах Сибири и датируются концом первой половины II тыс. н. э. [Соловьев, 1987, с. 39–40]. По времени эта находка сопоставляется с другим «кыргызским» трехлопастным наконечником стрелы, который был обнаружен Н. П. Макаровым в 1980 г. на пашне за северной границей монастыря. Указанные наконечники стрел, вероятнее всего, были утеряны в древности.

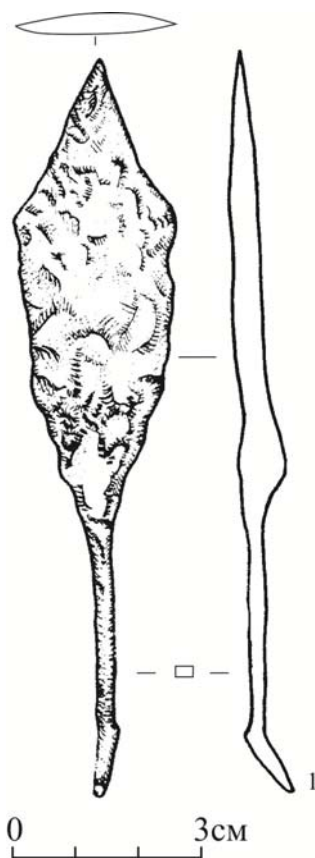

Рис. 2. Железный наконечник стрелы из раскопа № 1 2014 г.

К раннему железному веку относятся фрагменты от сосуда закрытой формы, найденного в шурфе в юго-западной части памятника. Край горшка оформлен «карнизом», шейка прямая. Венчик рассечен наколами, а под ним нанесены пальцевые защипы, строящие двумя параллельными вертикальными рядами (рис. 3, 1). Такая керамика соотносится с айканским типом, распространенным в Красноярской лесостепи с гунно-сарматского времени [Мандрыка, 1997; Бирюлева, 2016].

Культурно-хронологические комплексы с материалами эпохи бронзы зафиксированы в центральной и северо-восточной части памятника в двух шурфах и в раскопе № 1. Обнаружены 206 фрагментов керамики, принадлежащие трем сосудам, а также 11 каменных изделий. Отмечены и находки, свидетельствующие о бронзолитейном деле. В шурфе № 50 найдены сломанная бронзовая трапезиевидная в сечении проковка или сверло (рис. 3, 3), бронзовый сплеск (рис. 3, 4), куски спекшейся глины, фрагмент керамической плавильной чаши (ляльки) с насечками по краю и прикипевшими каплями бронзы на стенках (рис. 3, 5). Здесь же зафиксированы каменная проковка на отщепе с отломанным острием (рис. 3, 7), каменный наконечник стрелы подтреугольной формы с ассиметричным скошенным насадом (рис. 3, 6), каменный нож (?) листовидной формы на отщепе (рис. 3, 8), абразив из песчаника с тонкими канавками от заточки остриев. В одном скоплении лежали 48 фрагментов от одного керамического сосуда закрытой формы. Венчик его скошен наружу, шейка слабопрофилированная, украшена полосами из отступающих оттисков гребенчатого штампа (рис. 3, 2). Такая посуда сопоставляется с керамикой карасукского времени, найденной на однослойном поселении Сосны 1, расположенной в 2 км западнее стоянки Удачный-14 [Мандрыка, Адамович, 2001, с. 68, рис. 4].

Стоянка Удачный-14 в окрестностях Красноярска (некоторые итоги полевых работ)

Рис. 3. Археологические материалы раннего железного века и эпохи бронзы из второго культурного слоя: 1 – фрагмент сосуда из шурфа № 78; 2 – фрагмент сосуда из шурфа № 50; 3–4 – бронзовый стержень и сплеск из шурфа № 50; 5 – обломок керамической льячки из ямы-перекопа шурфа № 50; 6–9 – каменные орудия из шурфа № 50; 10 – фрагмент керамического сосуда № 12 из раскопа № 1; 11 – фрагменты сосуда № 17 из раскопа № 1

Фрагменты еще одного сосуда бронзового века были отмечены в раскопе № 1. Емкость закрытой формы, с гладким, прямым в сечении венчиком. Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда и состоит из оттисков зубчатого штампа. Полоса из девяти параллельных горизонтальных линий оформлена снизу поясом V-образных шевронов (рис. 3, 10).

Горшок сопоставляется с бобровским типом керамики, которая бытовала в пределах XVIII–XII вв. до н. э. [Археология и палеоэкология..., 2003, с. 132, рис. 45, 4].

К орудиям металлообработки следует отнести каменную гладилку подпрямоугольной вытянутой формы и две округлые каменные наковальни, найденные в северной части того же раскопа.

К раннему бронзовому веку относится сосуд закрытой формы (рис. 3, 11) из раскопа № 1. Венчик его украшен оттисками гребенчатого штампа. По всей видимой, внешней поверхности стенок читаются вертикальные полосы из оттисков «шагающей» гребенки. Шейка орнаментирована поясом из двух рядов наклонно поставленных овальных штампов, образующих мотив «елочка», дополненных рядом продолговатых «жемчужин». Подобное украшение керамики характерно для эпохи раннего бронзового века Красноярской лесостепи [Макаров, 2005, с. 162, 168, рис. 11]. На поселении Бобровка сосуды с оттисками «шагающей» гребенки были зафиксированы в культурном слое 8, датированном началом – серединой III тыс. до н. э. [Археология и палеоэкология..., 2003, с. 139].

К финалу неолита – началу бронзового века, возможно, относится погребение ребенка, изученное в юго-западной части памятника в раскопе № 2. Оно сопровождалось украшением из клыков бобра.

Артефакты эпохи неолита отмечены на всей площади памятника. Они локализуются отдельными скоплениями в пределах площадок, размещенных как вблизи края террасы, так и в ее отдалении. Полученная коллекция насчитывает 1 167 фрагментов керамики от более 24 сосудов, 2 280 каменных предметов, среди которых орудия и отходы производства, 2 087 обломков костей марала, косули, кабарги, лося (?), зайца, крота и рыбы.

Планиграфически в границах раскопа № 1 было выделено несколько

площадок, на каждый из которых отмечены остатки хозяйственной деятельности и набор предметов, позволивший определить их культурную принадлежность. По каменным орудиям и фрагментам керамики усть-бельского типа ряд комплексов был датирован в интервале середины V – конца III тыс. до н. э. [Титова, Бирюлева, 2016].

Раскопом № 3 выявлена площадка, включающая продукты первичного расщепления камня: нуклеусы, пластины, отщепы, чешуйки. Датировка ее предварительно определена эпохой неолита.

Заключение. Стоянка Удачный-14 содержит разновременные артефакты, относящиеся как к культурам дописьменного периода, так и русского времени. Среди круга памятников Монастырского комплекса стоянку характеризует многослойность и удовлетворительная сохранность ее культурных слоев. Проведение масштабных раскопок и вскрытие больших площадей, применение метода планиграфического анализа позволило выявить на памятнике культурно-хронологические комплексы неолита, раннего и позднего бронзового века, гунно-сарматского периода раннего железного века, развитого Средневековья, а также периодов постройки Успенского монастыря (1883–1921 гг.) и использования его территории в советский период. Продолжение работ на объекте позволит получить новые материалы и расширить наши знания о культурно-хронологической периодизации Красноярского лесостепного района.

Список литературы

1. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: КГУ, 2003. – 138 с.
2. Бирюлева К. В. Валиковая керамика Нижнего Приангарья в I тыс. н. э. // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – С. 226–232.

Стоянка Удачный-14 в окрестностях Красноярска (некоторые итоги полевых работ)

3. Ишутина П. В. Отчет о результатах археологических исследований в Октябрьском, Центральном и Свердловском районах города Красноярска в 2012 году // Архив ЛА СФУ. Р-1. № 91. (№ 91а – Т. I: Текст, 259 л; №91б – Т. II: Приложение 4. Иллюстрации, 369 л.)
4. Макаров Н. П. Хронология и периодизация неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.
5. Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой Истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 209–217.
6. Мандрыка П. В. История изучения Монастырского комплекса археологических памятников // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 61–66.
7. Мандрыка П. В., Адамович В. А. Новый памятник карасукского времени в районе Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 68–73.
8. Рыгдалон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // МИА. – 1953. – № 39. – С. 276–285.
9. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 194 с.
10. Терехов А. С. Отчет об археологических исследований в Пировском и Енисейском районах Красноярского края, а также окрестностях городов Красноярска и Лесосибирска в 2002 году // Архив ЛА СФУ. Р-1. № 38. 117 л.
11. Титова Ю. А., Бирюлева К. В. Новые материалы неолита и бронзового века Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 107–116.

Yu. A. Titova, K. V. Biryuleva, P.V. Mandryka

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

SITE UDACHNYI-14 NEAR THE TOWN OF KRASNOYARSK (PRELIMINARY REPORT ON THE RESULTS OF WORKS 2014–2015)

The article presents the history of research and new materials from the site "Udachnyi. Site-14 (Zapadnaya-5)", located within the borders of the Krasnoyarsk forest steppe on the left bank of the terrace river Yenisei. It contains the site at different times with materials developed Neolithic era, the early and late Bronze Age, early Iron Age. It also recorded an arrowhead developed medieval artifacts and modern and contemporary, dating back to functioning in the territory of the Dormition Monastery (1883–1921 years).

Keywords: archaeological heritage, Krasnoyarsk forest steppe, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Dormition Monastery.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГУ	Алтайский государственный университет
АО	Археологические открытия
ВСОРГО	Восточно-сибирское отделение Русского географического общества
ГАГУ	Горно-Алтайский государственный университет
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГИМ	Государственный исторический музей
ДКХ	Древесно-кольцевые хронологии
ДонНУ	Донецкий национальный университет
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИА РТ	Институт археологии Республики Татарстан
ИАЭТ СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГУ	Иркутский государственный университет
ИРГО	Известия Русского географического общества
ИрГТУ	Иркутский государственный технический университет
ИУАК	Иркутская губернская ученая архивная комиссия
КГПИ	Красноярский государственный педагогический институт
КГПУ	Красноярский государственный педагогический университет
КГУ	Красноярский государственный университет
КемГУ	Кемеровский государственный университет
ККДПиШ	Красноярский краевой дворец пионеров и школьников
КККМ	Красноярский краевой краеведческий музей
КОРГО	Красноярский подотдел Русского географического общества
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КузГТУ	Кузбасский государственный технический университет
МАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НГГУ	Нижегородский государственный университет
НГУ	Новосибирский государственный университет
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РА	Российская археология
РА ИИМК	Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
РАН	Российская академия наук
РАЭСК	Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
СА	Советская археология
СAAЭ	Северо-Ангарская археологическая экспедиция
СамГПУ	Самарский государственный социально-педагогический университет
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СЭЭиДГ	Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства
СурГПИ	Сургутский государственный педагогический институт
ТГИ	Территориальный градостроительный институт
ТДС	тезисы докладов и сообщений
УрО РАН	Уральское отделение Российской академии наук
ХНИИЯЛИ	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦИА	Центральный исторический архив г. Москвы

Научное издание

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VIII

Ответственный редактор

Мандрыка Павел Владимирович

Корректор *А. А. Быкова*

Компьютерная верстка *Д. Р. Мазай*

На обложке

Бронзовая личина из погребения № 10 могильника Усть-Шилка II на реке Енисей
(Казачинский археологический микрорайон, южнотаежная подзона Среднего Енисея)

Подписано в печать 11.09.2017. Печать плоская. Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 100 экз. Заказ № 769

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82 а.
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru